

МИХАИЛ ЮХМА

ЦВЕТЫ ЭЛЬБИ

МИХАИЛ
ЮХМА

ЦВЕТЫ

ЭЛЬБИ

РАССКАЗЫ,
СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ

Авторизованный перевод с чувашского
А. Буртынского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1977

Юхма М. Н.

Ю94 Цветы Эльби. Рассказы, сказки, легенды. Авториз. пер. с чуваш. А. Буртынского. М., «Сов. Россия», 1977.

160 с.

Эти рассказы родились на земле Чувашии. Сколько лет каждому из них? Сто, пятьсот, тысяча?

Сочиняя их, люди говорили о своих радостях, бедах, надеждах, рисовали жизнь такой, какой она была, какой они хотели ее видеть.

Из уст в уста, из поколения в поколение передавались сказки, легенды, песни. Часть из них в литературной записи Михаила Юхмы вошла в сборник, который мы предлагаем вниманию читателей.

70303—200
Ю М-105(03)77 Б.З. № 8 — 77 г. № 38

С(Чув)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно переоценить значение устного творчества для народа, который был лишен письменности. Фольклор в художественных образах рисовал людям их историю, был хранителем сложившихся в веках обычаев, традиций. Не случайно чувашский просветитель Иван Яковлев, названный В. И. Лениным человеком богатырского духа, начал создавать чувашскую литературу с обработки старинных сказок.

Нередко люди рассказывали друг другу легенды и сказки в благодарность за доброе дело. Это ли не свидетельство того, как дорожили они устным творчеством, в котором жила народная мудрость.

Одним из первых собирателей чувашского фольклора был Никифор Охотников, человек, имя которого неразрывно связано с Симбирском, с семьей Ульяновых. Он был талантливым математиком, стремился получить высшее образование. Ленин, гимназист, занимался с ним, готовил в университет Чувашскому парню хотелось хоть чем-нибудь отплатить за добро. В перерывах между занятиями он рассказывал Ильичу старинные предания, пел песни.

Герои сказок и легенд, как правило,— богатыри из народа, обладающие огромной физической силой, душевной красотой, обаянием. Они сражаются с чудовищами, побеждают жестоких властителей, помогают беднякам.

Писатель Михаил Юхма — один из лучших знатоков чувашской мифологии, фольклора. Он родился в юго-восточной Чувашии, особенно богатой легендами, преданиями, старинными песнями. У него много друзей среди старожил-шурсухалов. Фольклор оказал благотворное влияние на творчество писателя. Его книга «Цветы Эльби» — художественная летопись, созданная народом и получившая благодаря писателю второе рождение.

Рассказы о старине ведутся от лица старого табунщика Ендимера-мучи на фоне сегодняшней действительности. Это придает им особую прелесть, подчеркивает вечную молодость легенд, удивительно романтических и настолько современно звучащих, особенно когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о борьбе добра и зла, что читать их без волнения невозможно.

Перед нами открывается мир больших чувств, крупных характе

ров, героических поступков и яркой символики, мир, уходящий своими корнями в историю, в глубь живого, земного, человеческого.

Наиболее интересны в этом отношении «Цветы Эльби», «Окаменевшие тинюки», «Тень проклятого тархана», «Солнечная вышивка», «Хургайк-сюле», «Холм Шевлеби», «Атл» и другие. «Легенда об Эльбану-бике и Акташе» — трагическая повесть о любви и коварстве. Чувашские Ромео и Джульетта — Ямансар и Алтынсес, чья любовь оказалась сильнее племенных и религиозных предрассудков, — предстают перед нами в драматическом сказании о пахчесе Ямансаре. Судьба предателя, над которым тяготеет проклятие народа, с большой художественной силой передана в «Тени проклятого тархана».

Мать, жертвующая своим ребенком ради спасения Родины («Голос Чавдара»), изобретатель-богоборец, деревенский самоучка, олицетворяющий мятущуюся в поиске души человеческую («Крылатый Яндуш»), бунтарь, с риском для жизни проповедующий справедливость и дружбу с русскими соседями («Тропа Ахуна»), — целая галерея образов проходит перед читателем в ярких одеждах древности, которые отнюдь не отдаляют от нас близкие по духу характеры.

Сюжетная острота, естественное переплетение героики и привычных житейских ситуаций, высокая романтика и лиричность — вот что определяет стиль и язык рассказов, изобилующих народной мудростью.

Я рад, что книга переведена на русский язык и с нею познакомятся миллионы читателей нашей многонациональной социалистической Родины.

Г. Волков, профессор,
доктор педагогических наук

ЗЕМЛЯ МОИХ ПРЕДКОВ

Каждому дорога земля, где он родился, вырос. И я люблю землю своих предков — Чувашию, звонкие ручьи, что вливаются в Волгу, ее луга, изрезанные оврагами. Люблю холмы, на которых растут одинокие дубы, — в народе их называют юман-атте — дуб-батюшка и пахучие липы, сьака-савни — липа любимая.

Все это вечно, как сама жизнь. Многого повидали они, и будь у них язык — столько бы могли рассказать.

Но деревья молчат. И трава безгласна. О чем она шепчется на ветру — кто знает? Земля умеет хранить свои тайны. Зато раскрывает их неумирающий язык народа. Из поколения в поколение как величайшую драгоценность люди проносят легенды, сказания, песни. В них сама история, сама жизнь и судьба народная. Отсюда такое бережное отношение к устному творчеству.

Бабушка моя была известной сказительницей. Помню ее дивную песню о двух холмах вблизи нашего селения. Там, оказывается, похоронены храбрый воин Изамбай и его жена. Она была русской и вместе с мужем боролась за счастье чувашей. Вот с каких давних времен идет она, наша дружба.

Мальчишкой босоногим бегал я на эти холмы, да не ведал, по какой земле ступаю, пока бабушка не спела мне свою песню. И тогда весь мир раскрылся предо мною, как волшебная шкатулка, хранящая земные тайны.

Так родилась любовь к истории отчего края. С годами она крепла. Я стал записывать народные легенды, песни, предания о великих баторах-освободителях, о воинах-патриотах, о певцах, чьи песни несли народу мечту о свободе, о героях, не склонивших головы перед угнетателями.

Еще в школьные годы с котомкою за плечами ходил я из селения в селение, собирая сказки. Это стало привычкой, а затем и профессией.

Студентом я побывал на юго-востоке Чувашии. В бе-

седах со стариками-шурсухалами рождались замыслы будущих произведений. Мне хотелось, чтобы ни один эпизод из истории моего народа не был потерян.

Чувашские крестьяне были хорошими хлеборобами. Их жизнь издавна связана с землей. Любопытно, например, как узнавали чувашки о начале сева. Старые люди брали комок чернозема и прикладывали ко лбу — и по влажности и рыхлости определяли, готова ли земля принять зерно. Об этом я тоже узнал из легенд.

Землю свою чувашки, как, впрочем, и все народы мира, называют — земля-матушка — сер-анне. Для предков она была как бы живым существом, поэтому весной совершался обряд венчания земли с плугом, а после весенней страды был агатуй — свадьба земли и плуга.

Один древний миф повествует о том, что предков моих научил обрабатывать землю еж, лучше всех лесных и степных обитателей разбиравшийся в земледелии.

Еще Иван Эмбю, так звали чувашки Ивана Грозного, восхищался умением чувашских землепашцев. Говорят, что Иван Грозный, возвращаясь из похода, останавливался у чувашских тарханов и князей, расспрашивал о методах земледелия.

— Почему на ваших полях нет сорняков? — удивлялся он. Привозил своих бояр и, показывая на колоссящиеся нивы, говорил: — Учитесь!

Бояре попросили царя закрепить за ними чувашских крестьян. На это Иван Грозный ответил:

— Нет уж! Пусть будут царевы люди.

Я люблю леса Чувашии, богатые дичью. О лесных родниках и озерах много сложено старинных преданий. Взберешься, бывало, на большой курган и слушаешь, как вдали шумит на ветру вековой бор, словно поет неведомую песню о былых временах и, кажется, вот-вот застучат копыта и покажутся из леса славные баторы, блестя стальными латами... Чувашию называют краем ста тысяч песен, ста тысяч слов, ста тысяч вышивок.

Каждое слово имеет свою историю, у каждой вышивки — своя судьба!

Автор

СОЛНЕЧНАЯ ВЫШИВКА

*Летит орел высоко-высоко,
Летит орел выше гор крутых,
Ой, в самом поднебесье.
А гнездо он вьет на вершине дуба,
А гнездо он вьет на вершине дуба,
Ой, на самой вершине.*

Из народной песни

Мы сидим у костра: я и дед Ендимер, табунщик. Чуть потрескивают сучья. Дед щурится на огонь, и лицо его, цвета древесной коры, кажется непроницаемым. Сколько ему лет? Девяносто, а то и все сто? Он лучший сказочник во всем Юхминском крае. Об этом мне сказали в сельсовете еще в первый день моего приезда.

— Вот с кем надо вас познакомить,— обрадовался секретарь, узнав, что я интересуюсь народными преданиями.— Ендимер! У него с каждым холмом, с каждым кустиком что-нибудь связано. Живая история! Только старик с норовом, к нему подход нужен. Не приглянешься — рта не раскроет...

Надо уметь — приглянуться. А я не умею. И вот уже третий вечер плетусь за колхозным табуном в луга, к лесной опушке. Помогаю деду разжигать костер. Потом он кряхтя усаживается, скрестив ноги в стертых чувяках, раскуривает трубку. И молчит.

Я тоже молчу или завожу рассказ о городе, о больших стройках, о дорогах, по которым прошел.

Обычно с нами в ночном два-три подростка, дедовы помощники. Долго они не выдерживают и с молчаливого согласия Ендимера сбегают в село, в клуб.

Вот и сегодня мы остались одни.

Дед пыливо косится на меня. В отблесках костра голова его кажется серебряной копной и весь он, застывший, как изваяние, похож на древнего божка.

— А ты что же остался, не побег? — вдруг спросил он меня.

— Да так... не тянет. Да и знакомых нет. А чужаком — неловко.

— По нонешним временам и чужак — свояк. Как это поется... по статистике девять ребят...

Дед потряс копной. Кажется, впервые за эти дни губы его тронула усмешка.

— Выходит, в старики записался? Негоже, сынок. Молодость дважды не приходит, она как сладкий сон. Теперь-то и повеселиться. Когда же еще?

Издали, от деревни, донеслись отголоски песни. Старик помешал палкой в костре. Вспыхнуло пламя, занялся с боков подсохлый хворост.

Рядом что-то зашуршало. Я обернулся и узнал Хлата, красивого жеребца с тонкими, высокими бабками. Мы с ним уже подружились. Глаза Хлата блестели, как мокрые сливы. Он ткнулся мордой в мое плечо, и я, не глядя, протянул ему кусок сахара. Ладонью ощутил горячие, шершавые губы. Конь благодарно фыркнул.

— Все, нет больше, нет,— сказал я, слегка отталкивая настырную голову.— Ты же все съел.

Хлат понял, всхрапнул и запрыгал к опушке, где пасся табун. А у деда просветлело лицо.

— Так зачем тебе мои байки? — вдруг спросил он, вскинув мохнатые брови. И, не дожидаясь ответа, добавил:— Лучше приляг, чапан подстели. Ночь долгая.— Окинул взглядом небосвод и легонько вздохнул:

— Красота-то какая. На веки веков...

Небо и впрямь дышало вечностью, я словно впервые ощутил это с каким-то острым, щемящим чувством. В черной бездне Большая Медведица сыпала из своего ковша изумрудные блески. Мигали звезды, золотистая пыль далеких миров растекалась в Млечном Пути.

Сверкнул метеор и погас, оставив огненный след.

Во мне вдруг проснулась ребячливость, и я, как в детстве, крикнул:

— Чур, моя звезда...

— Твоя звезда — ракета,— усмехнулся дед,— где-то там кружится, верно. А это не твоя звезда. И не звезда вовсе, а огненная стрела батора по имени Казял.

Старик взглянул на меня — не смеюсь ли. А я замер: «Вот оно, раскрылся сюпсе¹ сказаний». А вслух произнес, скрывая волнение:

¹ Чудо-ларец.

— Что это за стрела, Расскажи, пожалуйста, мучи¹.

— Ладно, расскажу,— согласился дед.

Он не спеша прочистил трубку, набил ее табаком, жилистыми, в старческих чешуйках пальцами подхватил уголек. К напоенному травами воздуху примешался аромат табака.

— Когда-то люди на земле жили счастливо,— начал Ендимер.— И не было ни злых, ни глупых, ни богатых, ни бедных.

В те времена светило три солнышка и на земле была благодать — сплошное лето. На деревьях росли плоды, каких сейчас и не увидишь, на полях зрели хлеба богатейшие. А в реках и озерах столько водилось рыбы, хоть руками лови.

Так проходили века.

Однажды появился на земле злой человек. Известно, зло с добром не уживаются, и задумал он недоброе — покорить род человеческий и самому людьми править.

Породил тот человек потомство таких же, как сам, злых и завистливых, куштанами прозвал их народ. Они не хотели, чтобы люди жили в мире, благополучии и тепле. И решили во что бы то ни стало погасить одно солнце. Объединились они и стали мутить людей, сбивать их с толку.

— Не нужно нам три солнца, хватит одного,— говорили они.— Такая жара только старикам-асчахам² на пользу: кости греть. А нам пора привыкать к суровой жизни, потому что кругом враги, и они застанут врасплох нас, изнеженных, привыкших к теплу.

— Бейте асчахов, не нужна нам их мудрость, от нее один вред.

— Топите их, лежебок!

Подослали к людям колдунов-йомзей, и те в один голос:

— Убейте солнце! Убейте солнце — так повелели наши духи-покровители.

Асчахи предостерегали людей, чтобы они не верили коварным болтунам.

— Есть в природе свой порядок, не нам его нарушать. Природа за это мстит. Три солнца в небе — это большое счастье. Разве плохо нам живется?

¹ Почтительное обращение к старшему.

² Мудрец.

Но куштаны нападали на асчахов, высмеивали их. Многие, одурманенные речами их, стали колебаться. Проходили годы, все больше опутывали народ куштан-ны: кого уговором, кого силой. Теперь у них на службе была стража с тяжелыми мечами. Попробуй скажи слово поперек — живо приструнят.

Однажды куштаны собрали на большой площади своих сторонников. В небо понеслись горящие стрелы, извещавшие о важном событии.

— Что случилось? — встревожились люди.

Со всех сторон стекался к площади народ. Пришли и мудрецы, но воины оттеснили их в сторону.

А главный куштан уже безумствовал над толпой:

— Долой одно солнце! Хватит нежиться в тепле.

Кто-то из мудрецов пробрался на середину, вскинул руки.

— Люди,— сказал он устало,— то, что вы слышали,— зло пополам с глупостью. Вас хотят обмануть. Бойтесь куштанов, а не соседей. Тепла и света на всех хватает. Не троньте солнце!

А люди совсем запутались: кто прав? На чьей стороне истина?

Тем временем стража похватила мудрецов, чтобы сослать их за тридевять земель в царство трехглавого дракона.

Куштаны велели страже привести на площадь знаменитого охотника по имени Казял и сказали ему:

— Слово народа свято: одно из солнц должно погибнуть.

— А я для чего же понадобился?

— Ты великий охотник! Стрелы твои пронзают семь облаков. Убей солнце!

— Но ведь асчахи учили по-иному: нельзя убивать природу.

— Асчахов больше нет,— грозно произнес главный куштан.

— Мы прогнали их,— вкрадчиво добавил другой.— Хитрые старцы только себе хотели добра.

— Ну,— приказали ему,— поднимай лук! Слышишь?!

Медлил охотник. Не мог он поднять руку на солнце.

— Изменник! Весь род твой изведем до седьмого колена.

Кто-то из самых ретивых стражников уже бросился к дому Казяла, чтобы схватить его детей.

Вскоре на площади слышался детский плач.

Не выдержало сердце отца, когда он увидел своих малюток в руках куштановых слуг.

— Не троньте,— простонал он.

Но куштаны будто и не слышали. Одного ребенка палач уже распластал на земле, занес над ним меч.

— Не троньте! — закричал охотник.— Будь по-вашему! Я готов...

Поднял свой лук, натянул тетиву — просвистела стрела, и затрепетало солнце. Гаснуть стало и вскоре вовсе померкло.

— Маттур¹! Казял маттур! — заорали куштаны, словно хмельные, замахали руками, запрыгали.— Еще стреляй, еще, хватит нам одного солнца!

Казял, как во сне, нащупал колчан, рука его дрожала, пот застилал глаза. Натянул тетиву.

— Вжик! — вздрогнула стрела. И погасло другое солнце.

— Ударяя²! — совсем взбесились куштаны.— Маттур, Казял, маттур!

Пуще прежнего заплясали куштаны вокруг охотника.

В это время женский крик повис над селением.

— Солнце уходит! Солнце...

Все подняли глаза к небу, ужас прошел по толпе — единственное оставшееся солнце уходило ввысь, в неведомую даль, словно боясь, что и его настигнет стрела охотника.

Куштаны переполошились. Люди замерли, заплакали, заголосили женщины.

А солнце улетало все выше и наконец остановилось в бескрайней выси — слабый свет исходил от него, свет без тепла.

Ударил мороз, все покрылось снегом, закружила поземка, заметая поля, птицы падали на лету. Казалось, близился конец света, вечная ночь.

На деревьях погибли плоды.

Холод, голод пошли по земле.

Вот когда поняли люди, какую ошибку совершили, доверившись жестоким и глупым куштанам. Собрались они с силами и прогнали злодеев, а сами стали думать, как теперь быть, что делать.

¹ Высшая степень восхваления человека у чувашей.

² Слово, выражающее восторг.

Первым молвил слово Казял:

— Надо разыскать асчахов, может, они помогут.

— Как же их разыщешь,— сетовали люди,— мудрецы далеко, где-то в горах. Да и кто отважится идти по снегам, по морозу?

— Я пойду,— сказал охотник.— Моя вина самая большая, я стрелял в солнце, стало быть, мне и идти. Вернусь с мудрецами или погибну.

— Все мы виноваты,— отвечали ему люди.

Попрощался Казял с женой, с детьми, с друзьями. Никто не смел его удерживать, ведь он шел, чтобы спасти жизнь на земле. Мать испекла ему в дорогу юсман¹, замешенный на грудном молоке, остатки вылила в чым², который он спрятал за пазухой.

— Да поможет тебе в беде молоко материнское,— сказала женщина,— все мы дети матери-земли. Уж она-то не оставит тебя своей помощью.

И отправился охотник в дальние дали.

Дни сменялись ночами, месяцы годами, а он все шел — через леса дремучие, через болота трясинные, по горам, по холмам, по лощинам.

Встречались ему на пути разбойники, звери невиданные. Всех одолел Казял.

Очень он торопился. Пил и ел на ходу, спать ложился на часок — и снова в дорогу. А когда становилось невмogu, запевал песню о счастливых днях, о свободе и солнце. Эта песня поддерживала в нем силы, рождала надежду.

Однажды повстречался ему орел с железным клювом, он убил его палицей. А из шкуры сделал себе теплую накидку.

В другой раз столкнулся с огромным медведем, который пришел на водопой. Зверь погнался за охотником, и Казял пускал в него одну стрелу за другой, пока не поразил в самое сердце. Мясо медведя изжарил на костре, поел, прибодрился, но вот беда: колчан пуст, ни одной стрелы не осталось.

«Теперь, если что случится, и лук не поможет», — подумал охотник.

Пройдя через дремучие леса, вышел он к высоким горам. Тут в глубоком ущелье заметил следы человека, обрадовался: видно, мудрецы уже близко.

¹ Тонкая лепешка, по преданию оберегающая от злых духов.

² Глиняный горшочек.

Присел он последний раз отдохнуть, как вдруг загремел гром, ударила молния, и увидел охотник хозяина горы — дракона. У чудовища было три головы, три пасти — из каждой вылетал огонь.

— Ы-ых, чаш-ш,— зашипел дракон,— так это ты, червь, хочешь вызволить мудрецов и вернуть людям солнце? Вот я тебе покажу солнце — жарко станет.

— Сначала покажи, а уж потом хвались,— сказал охотник, а самому страшно стало. В руке у него только сабля, разве с таким чудовищем справишься?

— Ну-ка, ударь,— прошипел дракон.

— Баторы первыми не бьют!

— А-а ну, тогда держись!

Ударил дракон хвостом, что тянулся на тридцать верст, охотник в землю ушел по колено. Ударил еще раз — увяз Казял по самую грудь.

— Что,— прогремел дракон,— каково оно, твое солнышко, хорошо греет? — И ударил в третий раз.

Чувствует охотник: конец пришел, вспомнил он наказ матери своей и закричал:

— Мать-земля, вызволяй своего сына!

Тут его будто вытолкнуло наружу. Ударил он дракона саблей — мигом отлетела голова огненная на тридцать верст.

А Казял вынул юсман, что на грудном молоке замешен, съел его и почуял силу великую. Тогда ударил он еще раз — отлетела вторая голова дракона на шестьдесят верст.

Вспомнил тут охотник про чым, глотнул из него молока и в третий раз ударил. Покатилась третья голова дракона на девяносто верст, и потекла по ущелью черная кровь рекой.

Зашагал охотник дальше и вскоре отыскал мудрецов, и те ему очень обрадовались.

Повел их охотник домой, а там уже люди ждут не дождутся. Усадили стариков на высокое место посреди площади, поведали им свое горе.

— Как теперь быть? Холода одолели, хлебушек весь вышел.

— Чтобы снова стало на земле тепло,— сказали мудрецы,— надо вернуть уцелевшее солнце.

— Но как?

— Для этого,— сказал самый старый асчах,— нужно, чтобы оно поверило в наши добрые намерения. Отныне

каждая женщина пусть вышивает на своих полотнах три солнца, что когда-то светили земле. Вышивки эти мы назовем хевел-терри — солнечными.

А мужчины должны изобразить светила на своих там-га — знаках. Так мы покажем солнцу, что поняли свою ошибку и раскаиваемся. Тогда, может быть, оно снова взойдет над землей...

Ендимер раскуривал потухшую трубку, а я спросил: — Что ж, и вправду люди стали вышивать хевел-терри?

— Да,— ответил дед,— с того времени и пошли женские сурбаны. Их повязывали на голову, чтобы солнце увидело вышивку. Но несчастья на этом не кончились. Сбежавшие куштань вынашивали месть. Стали они насылать на людей крылатых змей.

И опять на помощь пришли мудрецы.

— Надо изготовить огненные стрелы,— сказали они.

За дело взялся охотник. Люди подавали ему стрелы, и он едва успевал натягивать лук. Змеи падали, изрыгая огонь и пепел.

Наконец они дрогнули и повернули назад. А стрелы летели им вдогонку, и ни одна не миновала цели.

Еще над землей стлался дым побоища, а люди вновь собрались на площади, чтобы решить, как им вернуть солнце: мороз все сильнее сковывал землю.

— Наверное, солнце не видит наших знаков,— сказали седобородые,— вышивки бледные, а хороших красок у нас нет. Ведь трава эскел, из которой получали краску, зачахла под снегом. Надо придумать, чем заменить траву.

Наступило молчание, все смотрели на кипу верблюжьей шерсти для вышивок, что серела на снегу.

И тогда выступил вперед Казял и поднял руку:

— Я найду краску, такую, чтобы она горела на солнце!

Был он бледен, губы сжаты, а глаза, будто вспыхнувшие зарницы...

И не успели люди опомниться — выхватил охотник из ножен меч и отрубил себе руку... Потом сделал шаг-другой и окропил своей кровью верблюжью шерсть.

Эта шерсть и пошла на вышивки. Стали вышивки такими яркими, так горели на женских платках и на мужских рубахах, что солнце, наконец, заметило их и засияло над землей.

Утихли метели.

Зажурчали в оврагах вешние воды.

Люди радовались весне, ожидая первого цветения, и готовили плуги, чтобы засеять воскресшую землю...

Эта история взволновала меня. Словно и не было ей от роду тысячи лет.

— А Казял, он что, погиб? — не удержался я. — Или это сказка.

Ендимер-мучи не ответил, и я понял, что зря спрашивал.

— Сказка... — промолвил Ендимер, — сказке верить надо. В ней надежда и радость людская. И любовь. Кого народ любит — не забывает. До сих пор живут вышивки, стало быть, и он, охотник, живет. А ты говоришь — погиб...

Костер погас, над нами сияли звезды, такие же далекие, таинственные, как в те времена, когда на земле чувашской рождалась легенда о баторе, вернувшем людям солнце.

ПЕСНЯ БЕЛОЙ БЕРЕЗЫ

*О чем поешь ты, стройная береза,
что так печально шелестишь листвою?*

Из народной песни

Лодка неслышно движется по течению, словно боясь потревожить тишину рассвета и уснувшее на пригорке село. Смаываю наши удочки. Дед Ендимер, усевшись на корме, искусно правит к поросшему ивняком берегу, где удобней всего развести костер.

Между ног у меня — ведерко. В нем красноперки и несколько колючих ершей. Нет-нет и забьют хвостами: «чимбулт! чимбулт!»—то всплывут, то снова схоронятся на дне. Думают, нашли себе надежное местечко. Но это длится недолго. Стоит лодке качнуться, и в ведерке поднимается буря.

Не больше часа просидели мы с удочками в Хузах таппи. Отличное место Хузах таппи, какой только рыбы там не водится: стерляди, окуни, судаки, щуки — всего не перечтешь. Не зря по всему Юхминскому краю ходит о нем слава. Поймает рыбак где-нибудь крупного сазана, а говорит, что именно в Хузах таппи.

О Хузах таппи я слышал еще в пути: будто в давние-предавние времена погиб здесь в бою с врагами отважный хузах, что значит казак, из отряда Стеньки удамана¹. Прибыл он к чувашам с грамотой бесстрашного Стеньки, звал на бой с помещиками. Здесь и повстречал он чувашскую девушку.

Полюбил ее. А отцу девушки не по нраву это пришлось. Так же, как и вольные речи казака. Богатый был старик, мстительный. Однажды ночью привел он царских стрельцов к водопаду, где после ратного дня отдыхал молодой хузах.

¹ Так называли чуваша Степана Разина.

Голова его покоилась на коленях любимой. Задремал он и, конечно, быть ему схваченным, кабы не девушка — разбудила парня, и успел он вытащить свою острую саблю. Страшна сабля хузаха без ножен!

Понял сразу хузах, кто его выдал. Прорвал ряды стрельцов, бросился к старику — тот и вскрикнуть не успел. Упал замертво в пенный поток.

Бился хузах бешено. Ведь не только себя спасал, но и честь любимой. Молнией сверкала сабля, подаренная самим удаманом. Всех врагов порубил, сам, тяжело раненный, повернулся к девушке и вскрикнул, точно его в самое сердце ударили. На траве лежала она, не миновала ее секира стрелецкая, прямо в белую грудь вонзилась. Зашатался хузах, сделал шаг-другой к берегу, да и бросился с горя в водопад. С тех пор это место зовется в народе Хузах таппи, что значит — водопад казака.

...Лодка движется к берегу, с тихим плеском волна оmyвает борта. В лучах рассвета корявое лицо Ендимера кажется посветлевшим, добрым. Иногда он шевелит губами, будто сам с собой разговаривает. Или заговорит, обращаясь непонятно к кому, — то ли ко мне, то ли к воде и прибрежным кустам.

— Природа вечна. Она и человека может сделать бессмертным.

Я смотрю на проплывающие мимо берега. На душе тихо, радостно. Давно собирался поудить рыбу, да все деду было недосуг, а без него я ни шагу. Наконец Ендимер, доверив табун паренькам-подросткам, сам неожиданно позвал меня на рыбалку.

Красива Карлы по утрам. Дышит, словно грудь спящего богатыря. На тихой воде играет рыба, и круги еще долго бегут по воде. Поникшие ветки прибрежной черемухи гладят нас по волосам. Порой кажется, будто они живые и говорят: «Не покидай нас, дружок. Скучно нам без людей. Оставайся».

Я невольно улыбнулся и сказал об этом деду. Он покачал седой копной, у глаз собрались морщины.

— Однако, и ты начинаешь кое-что понимать, — притворился он удивленным. И серьезно добавил: — Понимать природу дано не всякому.

Лодка обогнула мысок, прижимаясь к кустам. Я молчу, думаю о словах Ендимера.

— Слышь? — вдруг спросил старик, тронув меня за руку.— А, поет!

Я отрываюсь от своих мыслей.

— Где, кто поет?

— Береза поет. Вон там, у мыса Илемби!

Иногда мне кажется, что дед просто-напросто выдумывает. Так и сейчас. Ендимер, почувствовав недоверие, насупился. А я, спохватившись, стал усердно прислушиваться. Кругом тихо. Шепчет осока. Под ветром поскрипывают ивы, листок с листком здороваётся, с добрым солнышком поздравляет.

— Нет,— говорю я.— Не слышу песни.

— Хорошенько послушай,— как-то очень настойчиво повторяет дед.

— Где уж вам, молодым, услышать.

Я кусаю губы, с трудом скрывая улыбку, и изо всех сил вслушиваюсь в окружающую тишину.

Набежавшая волна качнула лодку. Я невольно сжал руками борта.

— Вот,— сказал дед, слушая песню березы,— даже река вздыхает.— И, погладив длинную бороду, кивает в сторону мыса Илемби.— Бери весла.

Лодка, рванувшись, скользит, вздымая белые буруны.

— Хорошо поет! — уже громче произносит дед.— Слышишь, слышишь?

Только сейчас я понимаю — начинается новая дедова история — и машинально нащупываю в кармане записную книжку, но тут же спохватываюсь. Старик не терпит писанины, говорит: «Хочешь слушать — слушай. Я тебе говорю, а не блокноту».

— Яндуган,— зовет она своего любимого, чтобы он быстрее покончил с супостатами и вернулся к ней. А какая печаль в ее песне! Сколько в ней любви! И надежды!

Я уже не мешаю деду.

— Вот так, маттур, умный человек! Внимай этой песне. Такую не часто услышишь.

И, покачиваясь из стороны в сторону, он неожиданно запел глуховатым баском. Первых слов я не уловил, но прерывать не решился.

.

Эй, ты, песнь моя, песнь печальная,
Полети, моя песнь, легкой птицею.

Далеко-далече, за горы, за доли,
Отыщи моего любимого.
Ты подай ему, песня, весточку,
Что я жду его — не дождусь.
Пусть в боях ему будет удача.
Конь под ним не споткнется, сабля выстоит.
А как станет он насмерть биться,
Пусть любовь моя сбережет его.
Пусть любовь моя сбережет его
И поможет ему в час беды лихой...

Он поет, словно сам для себя. Иногда так тихо, что я почти не разбираю слов.

Пусть вернется ко мне с победой,
Пусть вернется живой-целехонький...

Голос деда окреп, стал звонче.

Ой, не жди, моя песня, попутного ветра,
Нелегка твоя путь-дороженька...
Ведь и счастье наше нелегкое.

...Несколько минут царит тишина. Дед достает трубку и привычным речитативом, так, что ясно слышится каждое слово, продолжает рассказ.

— Так вот, ачам. Нужно уметь слушать песню Илемби. Только люди с чистой совестью, с ясной душой, кому дорога правда, могут услышать ее. Понял?

— Да, дедушка.

— Говорят, что другой такой девушки, как Илемби, не было во всей округе. Была она тонка, словно ивовый прут, красива, как весенний цветок. Очи ясные, будто звезды горят. Скажет слово — ласточкой защебечет. Взглянет — любого приворожит; злого человека добрым сделает, доброго — сильным. А уж если улыбнется, на всю жизнь запомнится. Рядом с ней старики молодели, добрые молодцы робели, а подружкам с ней было весело.

Бывало, выйдет в хоровод лебедушка, сама краса, до пояса коса. И зазвенят на ней монисты да тухьи¹, да звонкие алги², засверкают под луной чистым золотом, как агах³.

А добра была, как сам пирешти⁴. Скромна, что голубка. А уж работаща да умна — другой такой не сыщешь.

¹ Головной убор у девушек в виде древних шлемов.

² Вид серьги.

³ Вид камня, который чувашаи считают самым дорогим.

⁴ Покровительница домашнего очага.

И надо же случиться беде. Ворвались на чувашскую землю враги-кочевники.

Ох, не жизнь тогда была — сон страшный. Налетят среди бела дня ордой поганой, скот перережут, детишек похватают. Жен, сестер — косу на кулак и в седло. И уж не знаешь, не ведаешь, кто ты есть — человек или так, тля травяная. Но всему, брат, есть конец, даже горю народному. Переполнилась чаша терпения, словно горное озеро после дождей.

Поднялся народ, и повел самых сильных батор Яндуган. Был он силен, умен, с очами хылата¹, а сердце львиное имел. Первым в сечу кидался. Закричит — небо расколется, упавший встанет, отставший вперед кинется, а передние врага сомнут.

Был он буре сродни, урагану братец кровный. У них, видать, и силу брал. Молния сверкала — душа его отдыхала, гром гремел — отвага прибавлялась.

Долго бились чуваша под знаменем Яндугана. Не раз уж точил Яндуган иступившуюся болгарскую саблю. На волжских точил берегах, на священных камнях. Стал враг поддаваться, еще немного, и побежит.

Однако тут к нему подмога пришла. В одну ночь окружили отряды Яндугана. Врагов была тьма-тьмушая, но чуваша дрались отважно. А потом ушли в дремучие леса, в самую глушь Юхминского края.

Нелегка была дорога, люди устали, спотыкались отощавшие кони. Едва стали в лесу на привал, повалились воины в траву и сразу уснули. Один лишь Яндуган крепился, хмурый ходил между спящими. Думу думал.

Сколько родных деревень осталось в руках врага. Сколько близких — матерей, отцов, любимых. Что их ждет теперь?!

От этой мысли сжималось сердце Яндугана. Ох, не сиделось ему в лесу. Кликнуть бы клич, смять орду. Но силы иссякли, и людям, и коням отдых нужен, еще надобно сабли наострить, колчаны наполнить стрелами.

Поутру, когда лес шумел от ветра, будто река полноводная, послал Яндуган гонцов в города и деревни — собирать пополнение. Была среди них и его любимая — Илемби. Он стал ее отговаривать. Мол, не девичье это

¹ Беркут.

дело — соваться в самое пекло. Да не такая была Илемби. Сама под стать Яндугану. Где трудно — там и она.

И всегда ей везло. А на этот раз попала она в руки врагов.

— Скажи, где Яндуган? Где его войско?! — допытывались палачи.

Илемби молчала.

— Скажи! — И сверкала над головой кривая сабля. — Убьем!

Ни слова не обронила Илемби, гордо смотрела на мучителей ясными глазами.

— Говори! Иначе умрешь собачьей смертью!

— Смертью. Иу-у-у! — отзывалось далекое эхо.

Ветер-озорник и тот поутих, переменился и стал относить в сторону крики врагов, чтобы не касались они ушей Илемби. Отнесет, воротится, потреплет, погладит нежно черные девичьи косы. Мол, не сдавайся, Илемби, держись!

Эх, были бы силы у ветра, помог бы ей.

А враги уж и вовсе осатанели.

— А ну-ка! — закричал самый главный ихний начальник. — Развяжите-ка ей язык!

Тут схватили Илемби за белые рученьки, заломили за спину. Начальник даже глаза выпучил, ждет — вот-вот Илемби запросит пощады.

Но не запугать голодному волку иволги: слишком высоко птаха летает. Подняла Илемби голову, тихо молвила:

— Одно вам скажу. Зря вы ищете Яндугана. Погодите, скоро сам он вас найдет! — И крикнула в небо вольному ветру: — Эй, ветер, ветер! Ты лети к Яндугану. Скажи о моей неволе. Пусть отомстит за меня! — Вырвалась из цепких рук, стянула с головы шелковый платок и бросила ветру. — Пусть хранит подарок, помнит свою Илемби.

И, сказав так, на глазах у всех превратилась в стройную кудрявую березку.

От неожиданности враги окаменели. Никто и слова не успел вымолвить.

А вольный ветер во всю мочь понесся в юхминские леса, к войску славного Яндугана.

— У-у-у-у. Янду-у-у-га-га-ан! Ау-у!

Вместе с ветром скрылся и платок Илемби.

...Чуть слышно вздыхала река, облизывая прибрежную гальку. Дед посасывал трубку, не замечая, что она давно погасла.

— Ну, а что было дальше? — спросил я старика, взволнованный рассказом. — Встретились ли Яндуган и Илемби?

Перед глазами все еще стояла девушка с гордым и страдающим лицом.

— Не торопись, — ответил дед. — Вам бы, молодым, все поскорей. А я стар, дай, передохну.

Спустя некоторое время он продолжал:

— Недолго враги хозяйничали. Под знаменем батора Яндугана прогнали их чуваша. — Дед помолчал, потом взглянул на меня искоса. — Я так думаю, он и сейчас жив, Яндуган. Пока жив человек, он борется за правду. — Ендимер поднял глаза, светлые, словно незрячие — мне даже жутко стало — и произнес торжественно: — Мчится он впереди своих ратников, шелковый платок по ветру развевается. И ничего его не берет — ни сабля кривая, ни пуля. Вот покончит он со всякой нелюдью, остановит коня и, обняв березку, поцелует трижды. Тогда и превратится она в юную Илемби. День этот станет праздником для всех на земле.

Лодка причалила к мысу Илемби. Ткнулась в песок. Березка стояла, склонясь над самой водой. Серебристая шелестела листва.

— Что же они, в самом деле встретятся? — спросил я серьезно, в тон деду.

— Непременно. Когда не останется на земле зла.

Видишь, — показал дед в сторону березы, — как она хороша. Разве можно к такой не вернуться! По весне она цветет, наряжается. Ждет своего суженого. И счастлива потому, что живет надеждой.

На берегу зажгли костер, зеленоватый дымок окутал хворост. Я спросил Ендимера:

— Всегда ли она поет, мучи?

— Всего несколько раз в году — когда Яндуган одерживает победу или когда людей ждет большая радость.

Вскоре забулькало в ведерке. Пул шюрби — особый вид ухи, какую готовят чуваша.

Знали бы вы, как вкусна пул шюрби, искусное блюдо юхминских рыбаков. Если вам придется побывать здесь когда-либо, обязательно попросите рыбаков, чтобы научили вас готовить такую уху.

После завтрака мы решили вздремнуть. Я приготовил постель из сухой травы, под голову положил гнилой пень. С непривычки от веселыло в плечах. Все тело гудело. Дул ветерок, и шелест березы баюкал меня, словно в детстве песенка матери. Кажется, дед что-то сказал, что именно, я не расслышал, хотел переспросить — и не мог. Голова налилась сладкой тяжестью. Голос деда остался далеко-далеко... И снился мне сон. Будто стою на холме, а внизу на лугах карлинских народу видимо-невидимо. И вдруг появились два всадника. На одном коне — белом-белом — девушка, на другом — огненно-красном — могучий батор. Поклонились людям, а потом обнялись, словно только что встретились.

И я смотрю на них, смотрю и чувствую себя необыкновенно счастливым.

ЭЛЕК И САРИЯ

*Как придет весна — прочь ненастье,
Зацветет ромашкой околица,
А придет любовь — сердце настежь,
Все тобою заполнится*

Из народной песни

— А сегодня, — сказал Ендимер, привычно усевшись поближе к огню и раскуривая трубку, — я тебе расскажу про богатыря Элека. Немало их было в те давние времена, когда чуваша обороняли от кочевчиков свои земли. Ну, да лучше начну по порядку.

Обосновался тогда на юге Чувашии хан Шигалей, жестокий и хитрый. Сколько деревень и сел покорил, а все ему мало казалось. Не мог он спокойно спать, пока за лесами к северу жили свободные землепашцы, у которых был мудрый и сильный защитник — богатырь Элек.

Думал, думал Шигалей, как бы от него избавиться, а земли его под свою руку забрать, и наконец додумался.

Повелел он снарядить в поход младшую дочь свою, красавицу Сарию. Рассчитал он по-своему: где мечом не возьмешь, там женские чары помогут. Но даже от дочери скрыл он свой недобрый замысел.

Призвал ее к себе и вручил для Элека письмо-послание. А в том письме слова были слаще меда, звонче песни соловьиной. Называл Шигалей Элека добрейшим из добрых, мудрейшим из мудрых, просил приехать в гости для застольной беседы с миром и дружбой.

— Ежели Элек согласится, — сказала дочери Шигалей, — проводи его лесной дорогой прямо к речке Кубня, там мое посольство его встретит по достоинству. Да скажи, пусть едет без оружия, негоже к друзьям с кистенем являться.

— Хорошо, отец, — отвечала Сария, лукаво улыбнувшись. Видно, догадалась об ханской хитрости.

Пустилась она в путь-дорогу, вскоре разыскала богатыря Элека и отдала ему письмо с низким поклоном.

Взял Элек письмо, да не сразу прочел, все не мог оторвать глаз от красавицы. Приказал накормить, напоить дорогую гостью, доброй песней порадовать, а сам пошел седлать коня.

С рассветом тронулись в путь. Не взял с собой Элек ни охраны, ни оружия. Один, как перст, с короткой саблей на боку. Солнце уже поднялось, когда подъехали они к реке Кубне.

— Отдохнем немного,— предложила Сария, улыбнувшись Элеку.

Разве станешь перечить красавице! Спешился Элек, подошел к девушке, хотел помочь ей слезть с коня. Да в ту ж минуту накинulo на него тридцать ханских прислужников. Тут только понял Элек подлый замысел хана. Крикнул в лицо Сарие: «Не женщина ты, змея проклятая!» Сам выхватил саблю и, не помня себя, ринулся на врагов. Солнце закатилось, а он все дрался, сшибая наземь степняков. Уже и рука устала, и сабля сломалась, а он все рубился, не отступая. Но вот выбили у него саблю. Конец близко.

Дрогнуло сердце Сарии, смотревшей на это побоище. Бросилась она к нукерам, вскинула руки к небу:

— Не смейте, не троньте его, он достойно сражался.

— Не наша это — ханская воля,— ответил ей ханский нукер.

— Не троньте! — взмолилась девушка.— Это я его заманила! Ради чести моей...

Закрыла собой Элека и первый удар приняла на себя. А вторым был сражен богатырь. Замерли нукеры, увидев на земле кровь ханской дочери, с перепугу вскочили на коней и ускакали прочь.

— Элек,—прошептала Сария,— Элек, прости меня...

Очнулся от горячего поцелуя богатырь, с трудом открыл глаза.

— Элек, скажи хоть слово... Последнее твое слово я передам землякам твоим.

— Пусть будут храбрыми и честными,— только и вымолвил Элек.— Не пристало людям хитрить и лгать...

— А меня ты простишь? Элек?!

Но молчал богатырь, бездыханный. И склонясь над ним, плакала Сария.

КРЫЛАТЫЙ ЯНДУШ

*Ой, длинны наши дороженьки,
Жаль денечки коротеньки,
Эх, не беда!
Ой, душа моя просит волюшки,
Полететь бы над чистым полюшком,
Жаль, крыльев нет!*

Из народной песни

ыл тот Яндуш родом из Сугут, — начал дед Ендимер, — жил он лет двести тому назад...

Дед закашлял и долго не мог утихнуть. Что-то с ним неладно, должно быть, простыл, — третий день сидит дома. Скучно без дела, вот и обрадовался моему приходу.

Мадусь-кинеми¹ тоже приняла меня ласково.

— На внука нашего похож, на Мишку, — сказала старуха, обмакнув глаза фартуком. — С войны Мишенька не вернулся...

Мучи и кинеме живут с семьей младшего сына. Семья невелика: сам, невестка да два внука. Внуки уже большие, ушли в клуб, в соседнюю деревню.

Ендимер хоть и слаб от болезни, а не прочь пошутить. Вчера посмешил меня басней про чирей, может, и вы ее слышали?

Жил да был чирей. Жил-тужил, потому как все время был один-одинешенек. Только стало чирью скучно, и надумал он найти себе дружка-товарища. Ходил-бродил — повстречал медведя да и сел к нему на лапу. А медведь, как только почувствовал помеху, подбежал к дубу и ну тереться лапой о кору. Не понравилась чирью такая дружба, сбежал он от медведя и вскоре появился на носу у свиньи. Но и та не очень-то с ним церемонилась. Пошла в огород копать картошку, весь чирей перепачкала. Не стерпел незванный гость, опять бежал... Где только бедняга ни пристраивался: и на

¹ М а д у с ь — имя собственное; к и н е м и — почтительное обращение к женщине.

копыте лошади, и на хвосте собаки,— нигде прижиться не мог. И вот нашел человека.

А человек, как только увидел чирей, лег в постель и застонал. Стал он чирей ласкать-голубить. И вазелином его смажет, и марлей обвяжет. А тому только того и надо. Обрадовался, что нашел хорошего человека, и навсегда остался с ним.

Сколько таких присказок знает дед! Долгую жизнь прожил, много видел, слышал, а кое-что и сам придумывает.

Ендимер перестал кашлять, перевел дыхание.

— Чертова хворь, прицепится, как смола,— никак не отстанет. Пробовал выгонять — и пивом, и брагой на меду. Авось поможет. — И сердито добавил: — Не умеем беречь здоровье. Татары вот говорят: «савлык-буян», здоровье — богатство.

И вдруг уставился на меня с усмешкой:

— А ты от кого это слышал про Яндуша?

И, не дожидаясь ответа, повел рассказ.

...Среди дремучих лесов, глубоких оврагов да болот непролазных затерялось село Сугуты. Жили здесь по старинке: охотились, рыбу ловили, держали пчел. И хотя из-за дремучего леса редко выглядывало солнышко, было здесь всегда по-осеннему сумрачно,— однако люди эти любили свет и простор и в добро людское верили.

Жил в этом селенье старый Кайнар, землепашец. Избенка у него под стать остальным — низенькая, неприметная, по окна в землю вросла. Печь в избе век дымилась, потолки черны от копоти, а в запечье по ночам распевал свои песни сверчок.

И так же, как в других избах, рождались здесь дети, вырастали, женились, работали денно и нощно: пахали, сеяли, собирали хлеб, справляли свои немудреные праздники, платили куланай, мечтая о лучшей доле, и, не дождавшись ее, умирали.

А изба оставалась... Правда, и она постарела, и вроде бы сгорбилась. По ночам, притаившись во тьме, слушала песни ветра. О чем он нашептывал? Может быть, о дальних, неведомых странах, о богатых угожьях и славных баторах, что приносят людям счастье на остриях своих сабель.

Пришло время, стал хозяином в избе молодой Туран сын Кайнара.

Жил Туран, как и его отец, закусывая черный хлеб запахом дыма. А тем временем властитель края, могучий тархан, строил себе неподалеку крепость,— и там должны были отрабатывать крестьяне, жители села.

В семье Кайнара на работу ходили двое — сын Туран и внук Яндуш — молчаливый, задумчивый паренек.

С малолетства был он таким, на других непохожим. Бывало, во время пахоты размечтается и не заметит, что лошадь встала или вовсе сошла с борозды.

— Ты, малец, словно бы и не нашего корня,— говорил старый Кайнар.— Ни дать ни взять — барчук, все бы тебе ворон считать, а дело стоит. Ты ведь хлебопашец! Помни об этом, не думы нас кормят — руки.

— Думать никому не заказано,— отвечал Яндуш.

Когда минуло ему пятнадцать лет, смастерил Яндуш самокат. На нем можно было подняться даже на гору, если не очень крута.

Прослышал об этом чуде сам тархан и велел привести к нему мальчишку, а заодно и самокат.

А у тархана жил поп, которого русский царь послал крестить чувашей. Не понравился попу самокат. Пошептал он что-то тархану, и тот приказал бесовскую машину сломать, а Яндушу всыпать плетей.

Вернулся Яндуш домой, ни словечка не обронил. Опять стал думать. Выдастся передышка, ляжет в траву и смотрит на небо. А в небе коршун парит, раскинув крылья. Смотрит Яндуш на коршуна, глаз не сводит. Потом стал пропадать в лесу.

Однажды принес он домой сокола-подранка. Долго возился с ним, все выхаживал.

В то время слуги тархана стали созывать крестьян на строительство моста. Пришлось и Яндушу с отцом собираться. Строили они этот мост, спины не разгибая. Пришло время, сам тархан прибыл посмотреть работу.

— Дорогу, дорогу повелителю! — кричали слуги тархана.— Шапки долой!

Замешкался Яндуш, не успел снять шапку, тут ему и попало: жесткая плеть прошла по спине.

«За что? — подумал Яндуш, сдерживая слезы.— За что они меня? Что я сделал плохого?»

— Это мост во всем виноват,— говорил Яндуш мальчишкам,— не было бы мостов, не было б и плетей.

И задумал он построить дорогу без моста.

Стал возиться Яндуш в своем сарае, что-то мастеририл, строгал. Потом уходил в степь, ловил силками ястребов, а вскоре отпускал на волю и долго следил за их полетом.

Отец знай корил непутевого сына:

— Чего ты зря время тратишь? У других вон сыновья делом заняты, скот пасут, коней сторожат, а ты все строгаешь, а что, и сам, видно, в толк не возьмешь.

— Хочу построить дорогу без моста,— загадочно отвечал Яндуш,— чтобы люди ходили по воздуху.

— А не хочешь ли ты без хлеба прожить да без воды? — рассердился тут дед Кайнар.— Может, тоже чего-нибудь вместо хлеба придумаешь? Вот запрю тебя в погреб и сиди там. Дорога без моста! Ишь, чего надумал! Совсем рехнулся, бога забыл!

— Нет,— стоял на своем упрямец,— можно построить дорогу воздушную, и тогда не будет плетей, и люди не станут гнуть спину на тархана.

— Смотри, накличешь беду,— разгневался дед,— попадешь со своей дорогой прямиком в преисподнюю.

Не бросил своей затеи Яндуш. Начал мастерить после сева, а закончил в самую страду.

...День, говорят, был праздничный. Люди толпились на площади вокруг цыгана с медведем. Медведь чувашам не в диковину, но этот, цыганский, на других был не похож. Люди со смеху покатывались, глядя, как он представляет тархановых дочерей и толстую попадью.

Тут как раз зазвонили к обедне. Промчался куштан в тарантасе, обдав толпу пылью,— в церковь спешил. Заторопился к храму и люд простой.

А поп уже читал с амвона:

— Слушайте, люди, правду. Киреметь и прочие боги языческие потеряли силу. Теперь у нас один бог — Христос, заступник наш и опора во всем. Аминь!

Глядел старый Кайнар на скорбный лик распятого Христа и думал: «Может, русский бог поможет моему непутевому внуку стать человеком. Захочет Киреметь покарать Яндуша за все его выдумки, а Христос тут как тут: «Не тронь мальчика, он хороший». Размышляя так, не сразу понял Кайнар, о чем это люди у дверей швмют.

— Кто это, кто? — раздавалось у выхода.

— Да ведь это Яндуш!

— Яндуш, сын Турана, внук старого Кайнара.

Поп завопил, требуя тишины, но его уже не слушали, все кинулись на улицу.

У выхода толкучка, люди шумят, волнуются, детишки снуют, и все смотрят вверх, задрав головы.

— Яндуш!

— Яндуш, возьми нас с собой!

— Вон он,— подсказал кто-то растерявшемуся Кайнару,— внук твой — на крыше дома.

Взглянул Кайнар и обмер.

— Яндуш,— позвал старик что было силы,— спускайся вниз, несчастный!

Но Яндуш будто не слышал. Возился на крыше возле какого-то сооружения с крыльями.

— Яндуш,— застонал старик,— спускайся, пока не поздно. Русский бог защитит тебя! — И схватился за голову.

Яндуш уже стоял на самой кромке крыши, а на спине у него были крылья, перетянутые старым холстом в заплатках. Толпа притихла. И все слышали звонкий мальчишеский голос:

— Эй, люди! Человек может летать, как сокол. Ему не нужно ни дорог, ни тарханских мостов, где бьют плетями. Небо просторно!

Сказав так, закрутил какое-то колесо, крылья дрогнули, поднялись.

— Улетит,— выдохнула толпа.

Женщины закрестились, иные, повернувшись к востоку, восслали молитвы Киреметю. Детишки хлопали в ладоши.

— Ударяя!

— Слава Яндушу!

Но всех перешиб голос попа. Выскочив из церкви, он заорал, взмахнув крестом:

— Дьявол! Раб презренный, да постигнет тебя кара божья!

Старый Кайнар закрыл глаза и зашептал молитву, которая была древнее, чем весь его род.

А Яндуш... Не успел смельчак взлететь, как тут же стремглав понесся к земле. Раздался треск, кто-то вскрикнул. И все затихло.

Первым подбежал к внуку старый Кайнар. С трудом освободил его из-под обломков, поднял на руки. Глаза Яндуша были полужакрыты.

— Худо мне, дедушка,— прошептал он,— конец пришел.

— Ты будешь жить, будешь,— беззвучно шевелил губами старик.

...Дед Ендимер с минуту молчал.

— Вот и все,— сказал он.— Говорят, перед смертью успел он шепнуть Кайнару: «Ты все-таки не прав, дедушка. Дорогу без мостов можно построить, если взяться всем вместе. Одному трудно. Мне бы подучиться немного...»

В тот день Яндуш скончался. Поп назвал его проклятым богом и не дал похоронить на сельском кладбище. А старому Кайнару сказал:

— Видишь, мой бог сильнее твоего. Твой хотел, чтобы негодник поднялся в небо, а мой запретил.

На что Кайнар ответил:

— Богом-убийцей я бы не стал хвастаться, батюшка. Поп рассердился и обозвал Кайнара старым дураком. Ендимер снова помолчал, кутаясь в одеяло.

— Маттур этот Яндуш. В народе так зовут людей с орлиной душой. Без них жизнь на земле давно бы захирела, как стоячая речка. Люди эти борются и гибнут. Но даже смерть над ними не властна...

ЦВЕТЫ ЭЛЬБИ

*Как во темном бору цветы алые,
Цветы алые, ровно звездочки,
Яркий свет от них по густой траве,
Для кого они горят-светятся?
Как я вышла на люди красавица,
Смотрят все на меня — не посмотрят.
— Ну и девица, красна ягодка.
Эх, для кого она, красота моя?*

Из народной песни

Мы перегнали табун на луг Тимерле. Лошадям здесь приволье — трава до колен. И пастухам удобно, захочешь развести костер, за хворостом далеко не нужно ходить, кругом — кустарники, сухостой. Собирай только, не ленись.

...Солнце зашло, и небо стало гуще синьки, упала прохлада...

Лошади рассыпались по лугу, ищут, где трава посочней. Пастухи прилегли отдохнуть, а мне захотелось размяться, сходить на ближайший холм Чегерчек и оттуда поглядеть на вечернюю землю. Я позвал Ендимера. Дед любил побродить, но сейчас лишь рукой махнул — умаялся за день.

Тропка вывела меня на вершину. Луга внизу уже подернулись сизой кисеей тумана, а верхушки леса были розовые от солнца. Я обернулся и замер. Неподалеку, в ложбине, алой копной цвели георгины, большой, ухоженный куст в кольце из зеленого дерна.

Откуда они здесь, вдали от дороги? Я спустился вниз. Вблизи цветы казались еще ярче, крупней.

Я долго стоял, любовался, потом решил: сорву один цветок, отнесу деду. И только подумал, как позади раздалось:

— Не трогай! — И я увидел Ендимера верхом на коне. Силуэт всадника с минуту недвижно маячил на фоне синего неба: — Не надо, — повторил старик, медленно спешиваясь. — Это цветы Эльби!

— Эльби? — спросил я дрогнувшим голосом: появление деда было неожиданным.

Ендимер, наклонясь, поправлял спутанные ветром побеги. Потом сел на травянистую оградку, закурил.

— Так и знал, дойдешь до цветов — сорвешь, — хмуро обронил дед, — вот и примчался.

— Мучи, откуда здесь эти цветы? Ведь георгины-то... садовые.

— Э-э-э... ачам, — прервал меня дед, — долго рассказывать!

Но я уже чувствовал, что тут какая-то тайна и что дед не удержится — расскажет.

* * *

— Это случилось давно, когда на чувашские племена напал хан Тимер, что значит железный. Говорят, жестокая битва была на этом месте. — Дед рукой показал в сторону луга. — Враг был силен. Дрогнули, отступили чуваша. — Дед покачал головой. — И вот, понимаешь, в самый трудный момент с холма слышалась песня. Гордая такая и печальная.

И молодые, и бородатые воины сразу узнали голос Эльби.

Красавицей слыла она. Что лицом, что походкой — ну прямо княжна писаная. А голос у нее был — краше соловьиного. Нет уже на земле нашей таких певиц. — Ендимер даже рукой махнул. — Так вот, услышав голос Эльби, бежавшие остановились. Девушка пела о войне, о клятве, данной воинами матерям и невестам, о мужестве и гордости мужчины, который способен с улыбкой погибнуть, защищая родную землю.

Коль злодей нападет на нас,
«Прочь», — ответим мы, сыны соколов.
Возьмем в руки еще сабли острые,
Не сносить головы врагу.
Кружит в воздухе тополиный пух,
Далеко он не улетит,
Бежит по полю, бежит злобный враг,
Далеко он не убежит.

— Да, стар уже стал, многие песни ее забылись, — дед кашлянул. — Когда мальцом был — знал. Бабка моя часто пела. Замечательные были песни! Прямо за душу брали. — Дед, сожалея о прошлом, прищелкнул языком. — Так вот, остановила песня бегущих, сердца отвагой наполнила. Вспомнили люди о долге своем — о родных, о любимых, о детях.

И откуда сила взялась — ударили по врагу, земля задрожала. Засверкали сабли, секиры.

А Эльби все пела. Свистели над ней тугие стрелы, но девушка стояла, скрестив на груди руки, и продолжала петь. Враги рвались к ней, знали, откуда к нам сила пришла. Много их полегло на лесных холмах, но тут из-за кустов ринулась свежая сотня, наши бросились было наперерез, да не успели.

Как подрубленная яблонька упала девушка на сырую землю.

Упала Эльби — на устах недопетая песня. На траве — кровь алая. И тогда повела наших воинов месть. Побежал враг, не выдержав натиска. Говорят, владыка их, сам Тимер, едва ноги унес. Раненый вскочил на коня и ускакал, и после этого будто бы дал клятву никогда не ступать на землю чувашей. — Дед выбил потухшую трубку, кивнул на цветы. — Весной выросли здесь цветы. Никто их не сеял... Цветы не простые, это капли крови Эльби, оттого они алого цвета. — И, немного помолчав, добавил: — Не я, люди так говорят...

Мы оба молчим. Холмик Чегерчек утопает во мгле. В траве невидимые стрекозы завели вечерний концерт: — Чек-черик, чек-черик.

Мне кажется, будто они поют: «Чеп-черех, чеп-черех», что значит по-чувашски — «жива она, жива, жива».

Я почувствовал на плече ладонь Ендимера.

— Идем, однако, ачам. Пожалуй, заждались нас у костра.

Он подошел к коню, быстро сунул ногу в стремя и вскочил в седло.

— Постой, мучи!

Взбежал я на холм и, сложив ладони у рта, громко крикнул:

— Бо-бо-бо, Хлат, Хлат, бо-бо-бо!

Издалека донеслось тревожное ржанье. Скоро послышался топот: «тубурдук, тубурдук, тубурдук»...

— Ми-ха-ха-ха-а-а! — протяжно заржал Хлат, подскакав ко мне. Я потрепал его челку. Хлат потерся мордой о мое плечо, замотал головой.

— Умница, стригун. Добрый, а седла не терпит, и узды — тоже. Схватишь его за гриву, и он послушен.

«Эх,— подумал я с сожалением,— скоро тебя запрягут». И крикнул деду:

— Айда, мучи, наперегонки!

Дед улыбнулся.

— Нет уж, сынок, старику с молодым не тягаться. Ты вон с ветром соревнуйся.

Я свистнул протяжно, и Хлат взял с места, будто на крыльях, плавно, легко понесся с холма, только ветер загудел в ушах. Загудел, зашептал, и в этом шепоте и свисте, в дробном постуке копыт рождалась стройная мелодия: то звонкая, то печальная, и на миг показалось, будто поет далекая Эльби. Поет и зовет меня, а куда — неизвестно.

СОЛОВЕЙ

*Всего прекрасней трели
соловья на зорьке*

Из сказаний

Дед Ендимер пригласил меня в соседнюю деревню Карабай Шемуршу, где жила его внучка. «Скоро год, как не видел ее сынишку, моего, стало быть, правнука. Наверное, уж совсем большой».

По правде сказать, у меня не было особого желания разъезжать по гостям. Но уж очень любопытным показалось само название деревни. Кара — черный, бай — богатый — татарские слова.

Слышал я от стариков, будто в давние времена, восставшие чуваша убили здесь близкого друга пришлого хана — мурзу Карабая и разгромили его войско. Так ли? Кто знает.

А дед Ендимер между тем нахваливал тамошние места. Мол, деревня — у самого леса. За околицей большое озеро, в нем карасей, хоть руками лови. А вокруг сады, по вечерам соловьи поют — заслушаешься.

Одним словом — уговорил.

Встретили нас хорошо.

Подняли тост за встречу. Дед Ендимер и зять Василий. Дед с каждой чаркой зятя чествовал:

— Ох и хорош у меня зятюшка, другого такого не сыскать на свете.

Дядя Василий только отмахивался, смущаясь:

— Уж ты скажешь... А зачем искать — одного хватит.

Но больше всех радовался деду маленький Пинер. Как залез к нему на колени, так и остался. То игрушку ему покажет, то картинки — сам рисовал и дома, и лошадей, и сельсовет с красным флагом на коньке. А дед все расспрашивает внука, что к чему, серьезно так. Потом карандаш попросил и сам себя нарисовал — с бородой и

трубкой во рту. И обоим было весело. Недаром говорят, старый, что малый.

...Нам с дедом постелили в большом шалаше, под яблоней. Пахло прохладой, скошенным сеном, от свежести кружилась голова, и, засыпая, я все еще слышал голоса деда и внука.

...Проснулся на зорьке, прислушался.

— Тют-тют-тют, т-ю-ю-ют!

Соловей! Он пел где-то совсем рядом, в кустах.

Осторожно, стараясь не разбудить старика, я направился к выходу. Дед поднял голову.

— Соловей,— прошептал я, словно извиняясь.

Ендимер, не говоря ни слова, вышел следом за мной. Трели неслись справа, где поблескивала росой молодая яблонька. Мы стояли, затаив дыхание. Минута, другая... Дед негромко спросил:

— Понимаешь, о чем он поет?

— Н-нет! — удивился я, вслушиваясь в печальное, нежное шелканье.— Как же это понимать?

— А так,— в голосе деда прозвучал холодок.— Ты лучше слушай. О любви поет...

На мгновение соловей умолк. А затем снова запел, но уже по-иному, резко, с переливами.

— Песня проклятия,— объяснил дед.

Я пожал плечами. То любовь, то проклятие. Послушать деда, так у соловья — целый репертуар. Словно он человек, а не пичуга малая.

— И так всегда по утрам,— сказал дед.— Нравится? — Я не успел ответить, Ендимер продолжал:— Росло здесь когда-то маленькое деревце, вроде кустарника. Называли его керенют. Веточки тонкие, листья, как монетки. Весной каждый год распускались золотисто-розовые цветы. Однажды невеста откуда прилетел сюда соловей. Увидел чудесные цветы и запел.

Так они и познакомились. Керенют и соловей полюбили друг друга и поклялись никогда не разлучаться.

Соловей каждую ночь прилетал к керенют, садился на веточку и пел свои песни.

Но недолго длилось их счастье. Беда ходит за радостью, ревность — за любовью. А зло не спит: глаза у него бессонные.

Узнал об их любви мороз, разозлился и решил отнять у них счастье, его-то самого никто не ждал, не лю-

бил — вот и завидовал другим. Повадился каждую ночь в сад.

Однажды соловей задремал под утро, прижавшись к любимой. А мороз только того и ждал.

Очнулся соловей, а керенют замерзла, листочки опали. Ветки в белом инее.

— Керенют,— взмолился соловей,— отзовись!

Долго звал он свою подругу! Каждую весну прилетал, думал оживет. Но керенют так и не проснулась.

Вот почему свои лучшие песни поет соловей по утрам, на самой зорьке. Вспоминает свою любимую, зовет ее. А потом загрустит и начнет проклипать злой холод, и звучит над землей проклятие... И снова обрадуется, славит солнечный день, потому что солнце сулит надежду. Вот!

Дед поднял палец. В эту минуту он был похож на малого ребенка...

А соловей все щелкал, в нежном неистовстве песни я и впрямь уловил надежду.

«Неужто и вправду,— подумалось мне,— ждет, надеется». Но если даже птицы верят в счастье, в будущее, так людям и подавно нельзя унывать. А уж если к кому и подкралась беда, пусть встанет пораньше, придет в соловьиный сад да послушает...

ТЕНЬ ПРОКЛЯТОГО ТАРХАНА

*От народного гнева праведного
Не укроют ворота каменные,
Добрый конь не спасет...*

Из народной песни

Вернулся я с раскопок Тигашевского кармана, что расположен на юге республики, уже к полудню. Карман — слово древнее, обозначает — крепость. Устал в дороге, лег и тотчас уснул. А когда проснулся, за окнами стемнело. «К деду, что ли, сходить».

Вот уже три дня не виделся с Ендимером. К тому же чувствовал себя виноватым: помчался на эти раскопки один. Может быть, у деда и в мыслях не было ехать со мной, а все-таки надо было позвать. С чудиной он, дед, возьмет и обидится. Бывало уже так — вдруг что-то не по нему, насупится и замолчит на весь день. Даже не поймешь, какая его муха укусила.

Я уже собрался идти, как в дверь постучали.

На пороге появился сам Ендимер-мучи.

— Ну, беглец, как съездил? — спросил старик что-то уж слишком весело: наверное, все-таки таил обиду. — Что видел? Что слышал? Говорят, на раскопках был, у самого профессора... А я как узнал, что ты уже дома, так сразу сюда. Коней на ребят оставил. Поведут на Сархурн. Знаешь, где Сархурн? Да, да, там... помнишь, мы с тобой разок бывали.

Сархурн... Северный мыс Юхминского леса, врезающийся в заливные луга речки Тет. Живописнейший уголок Чувашии. Березняк там сказочный, сквозной, солнечный. Что ни деревце, будто невеста в серебряных монистах, и кора необычная, с розовым оттенком.

Может, потому и называется место — Сархурн, то бишь красные березы. А под березами — чай-трава, изда-лека дурманит.

Так, разговаривая о Сархурне, мы с дедом вышли в сад, присели на скамейку.

— С самим-то беседовал, с профессором? — переспросил Ендимер.— Говорят, шибко грамотный, голова! Повидаться бы с ним, да все времени нет.

— Говорил, мучи, говорил с профессором. Давно он тут, в Чувашии, и возле Таябы работал, и под Чебоксарами.

— Ну... а что он говорит о крепости?— старик достал трубку, приготовился слушать.

Я начал с того, что Тигашевская крепость, по словам профессора, построена примерно лет восемьсот назад. Вокруг нее рвы, канавы. Остатки подъемных мостов. Предполагают, что крепостью владел чувашский тархан.

— А когда же она пала, крепость? Какие предположения?

— Да лет шестьсот... Взята войсками Батыя, внука Чингис-хана.

— К-хм, вот как...

Ендимер насупился, машинально поглаживая бороду, потом пощипал усы.

— Может, и прав твой профессор. Большим людям больше видно. А все-таки в народе по-иному рассказывают. Издавна ходит слово о крепости, и все не забывается.

— Конечно, мучи,— поспешил я согласиться с дедом, даже головой для пущей важности кивнул, чтобы он не сомневался.

— Историю эту я слышал от деда, а дед от своего отца. Так из колена в колено дошла до наших дней.

...Тигашевский карман с давних пор был славой и честью тарханов на юге Чувашии. А разрушен он при тархане Миндыбае.

Едва Миндыбай стал тарханом, вторглись на чувашскую землю несметные орды кочевников. Подобно саранче напали на отряды великого эмбю¹ и стали продвигаться в глубь страны. Скоро дошли и до наших мест, до юхминского края. Народ побросал жилье, стал уходить в леса.

Там вольные духом юхминцы собирались с силами, готовясь к борьбе. Великий эмбю призвал одного из самых смелых и мудрых —пинбю² Актаная, дабы возглавил он войско и задержал нашествие.

¹ Военачальник, главнокомандующий.

² Полководец, дословно — начальник тысячи.

Актанай, старейший и храбрейший, чьи седины и боевой опыт вызывали уважение даже у врагов!

Юхминцы укрепили крепость, углубили рвы, построили мосты, установили мощные пращи-сивалки, метавшие камни на тысячу локтей... А на дорогах вокруг крепости разбросали утсиени — железные шипы против вражеской конницы. Попадет такой шип под копыто — конь упал и всадник — наземь.

Только одну тайную тропу, петлявшую по болотам, оставил Актанай свободной, чтобы поддерживать связь с великим эмбю.

У всех была одна дума — умереть, но не сдать крепости. Лишь тархан Миндыбай держал на уме другое.

Не верил он в победу. И задумал Миндыбай сдаться иноземцам, платить им дань, а самому по-прежнему спокойно владеть крепостью и угодьями.

Послал он во вражеский стан лазутчика, и тот вскоре провел пришельцев тайной тропой к самой крепости.

А дело было ночью. Храбрый пинбю Актанай спал, спали его сербю и вунбю — сотники и десятники. А стражу Миндыбай подпоил хмельным зельем, сон-травой.

Как ворвались пришельцы в крепость, проснулся Актанай и сразу понял — плохи дела. В одном белье кинулся к воинам, поднял их, и все вместе бросились к мосту — преградить дорогу врагу. Но враг был хитер, оставил старика биться с несколькими воинами, а остальные бросились по домам, по княжеским покоям, — и пошла тут резня.

Ранен был Актанай, крепкий аркан свалил его наземь. Заточили старейшего в темницу.

Так пала Тигашевская крепость. Погибла надежда юхминцев.

Враг ликовал. Миндыбаю несли дары и называли его при этом не иначе, как мурза.

Утром, едва взошло солнце, привели пинбю Актаная к вражескому военачальнику.

— Скажи-ка, — грозно спросил военачальник, — где находится табор великого эмбю, где поставил он свои знамена?

Отвечал мудрый Актанай:

— Паршивая овца все стадо портит, да, к счастью, она одна. Спроси Миндыбая, а я тебе ничего не скажу.

— Смотри, Актанай, — пригрозил военачальник, — на костер угодишь. Жизнь или смерть — выбирай.

— Смерть страшна, да недолга,— тихо молвил Актанай,— а предательство — мука вечная. Я воин— умру с чистой совестью, за свой народ.

— Совесть... народ,— рассмеялся начальник, свистнув нагайкой,— вот твой брат-чуваш и сожжет тебя.

— Если найдешь такого.

— Уже нашли. Эй, Миндыбай... Позвать тархана!

Миндыбай уже стоял рядом. Был он бледен, как отбеленный холст, голова опущена.

...К полудню на крепостной площади сложили костер. Актаная привязали к столбу.

— Начинай,— приказал военачальник Миндыбаю.— Да побыстрее шевелись.

Руки Миндыбая дрожали, когда он поджигал сухие поленья.

Жадно взметнулось пламя, облизывая хворост. Пахнуло жаром.

Застонал храбрый Актанай, сжимая зубы. В глазах у него помутилось. В последний раз, прощаясь с жизнью, взглянул на белый свет, на поля, зеленевшие за крепостью, на леса, что тянулись без края, на тела порубленных своих товарищей. Глаза его остановились на тархане, и страшен был взгляд Актаная.

Вздрогнул, попятился Миндыбай, точно замахнулись над ним саблей острой.

— Будь ты проклят, изменник,— прошептал Актанай,— на века! И не примет тебя наша земля.

Так погиб Актанай...

Тархан думал, что никто из своих не видел его злодеяния. Но один из воинов, тяжело раненный, ночью уполз из крепости.

Понеслась страшная весть от селенья к селенью, от дома к дому. И проклинал народ Миндыбая и весь его род.

Вот оно, это проклятие.

Сила, хранящая наши семьи, наши дома!

К тебе наша молитва и просьба. Предатель да не станет зваться чувашем. Никто не скажет ему — брат, отец не назовет сыном, мать — дитем любимым. Он предал народ и семью.

Проклинаем!
Проклинаем!
Проклинаем!

О земля! Благословляя тебя, чувашские матери берут из груди по три капли молока. Сделай так, чтобы не было Миндыбаю счастья. Пусть топчут его чужие ноги, пусть у него отнимутся руки и онемеют уста.

Нет ему прощения! Вечный позор!

Проклинаем!
Проклинаем!
Проклинаем!

Сила, хранящая наш урожай!

К тебе наша молитва и просьба. Тобой вскормлен и вспоен тот, кто предал тебя. Да не будет ему от щедрот твоих ни воды, ни хлеба.

Солнце светлое!

К тебе наша молитва и просьба. По три капли своего молока бросают матери на росные травы в пору восхода. Пусть предатель станет тенью бродячей, не зная ни тепла, ни света. Все живое без солнца вянет. Пусть же и в нем не будет ни жизни, ни радости.

Проклинаем!
Проклинаем!
Проклинаем!

Это было самое страшное проклятие.

Народ не склонил головы перед пришельцами. Не захотел жить в покорности. Много видел он на веку своем: и беды, и радости. Верил, придет еще светлый день.

— Все уйдем в леса, все до единого,— говорили промеж себя люди,— соберемся с силой и ударим по врагу.

Так стали Юхминские леса приютом для тех, кто готовился к битвам.

Но и враг не дремал. Вызвал к себе вражеский военачальник Миндыбая и сына его Туймета и повелел им обучить ханских воинов военным приемам чувашей, открыть секреты боя.

Поклонился Миндыбай, делать нечего. С врагом шутики плохи. Раз трусил — теперь служи. Как говорится, увяз коготок, всей птичке пропасть.

— Победим,— сказал на прощанье военачальник,— будет тебе от нас великая милость, станешь царем чувашским, слугой самого хана, господина вселенной.

Обучил Туймет ханские войска, и двинулись они несметной силой, тесня чувашей к Волге.

Ликует Туймет, предвкушая славу и царские почести...

Шли враги к Волге. А тем временем великий эмбю

обучал своих воинов новым приемам, неизвестным пришельцам. Побеждают не силой — умением. Не зря говорят: и соколы воробьям не страшны, если соколов ведет воробей, а воробьев — сокол.

Еще не светало, когда собрал эмбю свои войска. И сказал эмбю своим ратникам:

— Юндаши мои! Здесь наша земля и могилы наших отцов. Отступать некуда! Будем драться насмерть! Нападем сомкнутым строем, плечом к плечу. Один упадет, другой на его место встанет. Стойте друг за друга, защищайтесь сообща, и ни шагу назад. Позор тому, кто оставит в беде товарища.

— Позор! — эхом прогремело в рядах.

— Сыны чувашей! — вновь заговорил великий эмбю.— На вас смотрят матери и невесты, ваши отцы и деды! Они ждут победы и спасенья! Поклянемся же именем великого Тора¹, что не посраим памяти предков и чести своей!

И повел эмбю своих воинов под покровом ночи прямо в ханский стан, где шло великое пиршество и хмельные враги похвалялись своими подвигами и добычей.

Был среди них и Туймет. Все эти дни слал он к отцу нарочных, извещал о близкой победе. И тархан в своей крепости радовался и тоже затевал пиры вместе с вражескими сотниками. Породниться мечтал с ханской знатью, а дочь свою выдать за самого мурзу.

— Таковую свадьбу закатим,— кричал Миндыбай, утирая жирные губы,— всем чертям на зависть! А сам думал: «Вот уж когда стану я самым могущественным тарханом, поедут ко мне соседи на поклон. Еще и прославлять станут. Чья сила, того и правда. Я ведь не просто тархан, а зять самого мурзы».

Стали готовиться к свадьбе. Ждали новых вестей от Туймета. А он точно в воду канул. День прошел, второй. Ни слуху ни духу. И гонцов седьмой день нет.

Забеспокоился Миндыбай:

— Что ж не едет сынок! Или кони его пристали, или дорога стала длинней?

Послал он к нему новых гонцов. Одного, другого, третьего. Умчится гонец и словно в воду канет.

Однажды под вечер Миндыбай вышел прогуляться на стены крепости, взял с собой меньшего сына Сыххана. На душе тревожно.

¹ Верховное божество в древнечувашской религии.

Повелел ему Миндыбай подняться на самую высокую башню-хыбар, поглядеть: не клубится ли пыль на дороге, не видать ли брата с войском.

Влез Сыххан на башню да тут же кубарем вниз скатился.

— Едет,— сказал,— по большаку одна-единственная карета. За каретой пыль столбом.

Не успели Миндыбай с сыном подбежать к воротам, карета уж возле первого моста. Конь в мыле, а на козлах ни души. Забилось сердце Миндыбая, точно кто в барабан заколотил. Стал тархан белей полотна, а конь-иноходец взвился на дыбы, заржал протяжно.

«Наваждение,— подумал Миндыбай,— к чему все это?»

Неизвестно, кто велел опустить мост, и словно сами собой отворились ворота. Вынес конь карету на площадь и застыл как вкопанный. Отворил Миндыбай дверцу кареты и ахнул — в карете лежал мертвый Туймет.

Собрался народ, прибежали ханские слуги, всполошились, залопотали по-своему.

И тут с неба на самую середину площади бесшумно опустился крылатый человек. Был он во всем черном, лица не видно. От крыльев, блестящих, как доспехи Астамбула, сыпались искры. Онемели стражники, побросали наземь секиры. А человек все летал низко-низко над головами, будто кого искал. Подлетел он к младшему сыну тархана, коснулся его крылом. Вскрикнул Сыххан:

— Ан-н-не-е-е! — и грохнулся наземь.

Зашумел народ:

— Мститель, мститель явился!

— Актанай!

Опомнясь, кинулись враги на крылатого человека, рубили мечом, вонзали копья, пускали стрелы. Но ломались мечи, копья плавились точно восковые. А стрелы летели мимо.

— Горе нам! — закричали в испуге враги. — Он бессмертен, неуязвим, горе нам!

А крылатый все парил кругами, выскивая друзей Миндыбая. И кого касался крылом, те падали замертво.

Люди благодарно поднимали к небу руки, другие, подобрав копья и мечи, стали теснить пришельцев. А те отступили к главной башне и там заперлись.

Но вот подлетел крылатый к лежавшему в пыли Миндыбаю, тот и вовсе перестал дышать от страха. А крыла-

тый вдруг захохотал, да так громко, что земля задрожала,— словно гром загремел с перекатами.

— Ах-ха-ха-ха-о-о!

— Ого-го-го-о!

Взмыл в небо и затерялся в облаках.

В ту же ночь рухнули стены кармана, канавы его сравнялись с землей.

Враги прочь бежали из крепости, пока не повстречались с отрядами эмбю.

Скоро на чувашской земле и духа вражьего не осталось. Но имя предателя не забылось.

Людей, не помнящих родства, изменников отечества, презрительно кличут миндыбаями. А тех, кто принял за отчизну смерть и муку, с любовью называют актанаями.

Я спросил деда, что стало с Миндыбаем.

— Эх, ачам,— промолвил дед,— врагу своему не пожелаю такой судьбы. Не бывает зло безнаказанным. Убежал он со своими хозяевами, долго волком по земле рыскал, везде побывал, и везде ему было плохо, и тошно, и страшно. Не зря говорят — потерявший друга семь дней плачет, потерявший родину — век. Так и умер он на чужбине. Там его и схоронили.

Да только в чужом краю и земля тяжка. Не выдержала душа Миндыбая, ушла с его тенью на родину. Просила, молила родную землю принять ее.

— О земля моих отцов, прими Миндыбая, проклятого людьми и богами!

Но молчала земля. И снова просила тень:

— О мать-земля, великодушная, всепрощающая! Даже врагов своих прощаешь ты. Прими Миндыбая, всеми покинутого и отвергнутого.

И снова тишина.

— О земля моих матерей! Не отдели же меня от праха тех, кто дал мне жизнь! Молю тебя, слышишь?!

Но молчала земля, будто каменная.

И сейчас, сказывают, иным путникам является тень несчастного странника. Ночью в лесу, на болоте слышится голос: плачет, просит простить. Все ждет, может, кто разжалобится, скажет доброе слово, одно только слово — и тогда снимется проклятие с имени Миндыбая.

Но кто же помянет его добром на земле, которую он предал?!

*Поневоле певцу запеть,
Что бескрылой птице взлететь.
Если сам себе станешь лгать,
Как же людям тебя понять?*

Из народной песни

ветало...

В разрывах бегущих облаков показалось солнце, легло на холмы, и они за-светились празднично, а в траве засверкала роса, подобно слезам красавицы Сывламп, о которой недавно рассказывал мне дед Ендимер.

Кони ходко паслись в клеверах, временами поглядывали на нас и протяжно ржали, будто просили не торопить их в деревню — так хорошо на приволье...

Дед Ендимер не спеша рассказывал:

— Нелегка была жизнь крестьянская. Богачи да куштаны привыкли сладко пить-есть, тянули из бедняков последнее. Не было у простого люда светлого дня — с поля да на поле, вот и вся жизнь. А соберешь хлебец да вернешь долги, глядь — в своих-то сусеках пусто. И такая нападет тоска — свет не мил.

Вот в такое-то время в семье одного бедняка родился сын Савкар. Когда вырос, стал складывать песни. Слушали люди его песни, и на душе у них становилось вольготней, верилось, — придет еще счастье.

Да и Савкар поверил в силу своих песен. Пел он о горькой доле сельчан, пел о светлой надежде.

Услышали песню куштаны, испугались. Поняли, какую опасную смуту сеет Савкар. Схватили его и упрятали в подземелье.

— Перестань петь! — кричали они.

— Брось, иначе убьем.

А Савкар знай себе поет.

И тогда они отрезали Савкару язык.

Но друзья продолжали петь его песни.

И песня рождала в них силу и ненависть к угнетателям.

Но не было среди них Савкара.

Задумали друзья освободить певца. Тайно подкрались к подземелью. Искали, искали — не могли найти. Не знали они, что тюремщики давно отвели Савкара в дремучий лес и бросили.

Меж тем Савкар бродил по лесу, горевал. В ту пору и повстречались ему калбаи — лесные люди, беглые хлебопашцы. Обрадовались, что нашли певца, о котором были наслышаны.

— Стой, друг, научи, как нам дальше жить.

А Савкар еще в тюрьме понял — один путь у бедных людей: взять в руки оружие да и ударить всем миром по богачам. Спел бы он об этом, да не может.

Ручейками из глаз потекли горючие слезы. Долго так сидел, раздумывал, потом попросил у калбаев коня и поскакал в самую глушь леса. Там на полянке поднял к небу глаза, взмолился:

— Темный лес, дремучий лес, святая природа, премудрое солнце! Помогите мне, посоветуйте, как быть?!

Но молчал лес, и солнце едва проникало сквозь зеленый шатер.

До вечера сидел Савкар на пенке, а потом вытер слезы, подумал: «Нет у певца языка, зато есть голова, есть сердце, есть руки!»

И как только пришла к нему эта простая мысль, вскочил и начал мастерить инструмент.

Отрезал у коня клочок гривы, стянул конским волосом согнутую ветвь орешника. Подул ветер, и зазвучали струны — тихо, певуче.

Долго еще работал Савкар, примерялся так и эдак, чтобы лучше струны пели. Наконец, смастерил певучий ящик и назвал его кубысом, что означало мудрец без языка.

Взял он свой кубыс и подался к людям.

— Савкар пришел, Савкар! — обрадовались сельчане.

Немой Савкар, играя на кубысе, звал людей на борьбу, учил, как добывать волю и счастье.

Пальцы певца стали его языком.

— Как же так, — спросил я деда, — ведь на нынешних кубысах нет конских волос.

— Нет,— ворчливо отозвался Ендимер.— А в старину были. И не сбивай ты меня. Оборвешь ниточку, брошу рассказ.— И продолжал дальше: — Народ понял, о чем поет кубыс. Настало время — взбунтовались против мироедов. Ох, и жарко им, царевым слугам, пришлось тогда...

Старик еще долго рассказывал. Я уже не вдумывался в смысл его слов. Слышались мне старинные мелодии. И вставал перед глазами старец в белом одеянии посреди сельской площади, запруженной народом. В руках у него кубыс. Пальцы пробегают по струнам. Люди слушают Савкара и ждут, ждут своего часа, того светлого дня, в красных отблесках дальних пожаров.

ЛЕГЕНДА ОБ ЭЛЬБАНУ-БИКЕ И АКТАШЕ

*Посреди соснового бора
Отыскала светлое озеро,
Середь озера — столб золотой,
На столбе бел-платок полощется.*

*Золотой тот столб — мой любимый,
А платок тот белый — судьба моя.
Светло-озеро — мои слезоньки,
А шумливый бор — то враги мои.*

Из народной песни

ассвет...

Солнце еще не взошло, но огненные его перья уже запылали над степью. Затем незаметно выкатился на край земли огромный расплавленный шар. И сразу все вокруг стало розовым.

Мы с дедом одни. Двое подпасков, Петюшка и Вася, который день в лесу на делянке пилят деревья для новой фермы.

[illegible]

Я даже вздрогнул от неожиданности, обернулся. Оказывается, это поет дед. Вдруг Ендимер затих и уставился прямо перед собой. Я проследил за его взглядом: недалеко от нас, в траве, шевелился под ветром цветок утмалтурат. На солнце он был пронзительно синим. Но вот откуда ни возьмись появились две пестрые бабочки и, словно играя друг с другом, запорхали вокруг цветка. Крылья их переливались радугой.

— Эльбану-бике и Акташ, — вдруг произнес дед. Мне показалось, что я ослышался.

— Эльбану и Акташ, — повторил задумчиво дед и добавил, как бы размышляя вслух: — Да, сильные люди жили в древности, крепкие, как сталь. И любить умели по-настоящему, и ненавидеть.

Я молчал, стараясь не упустить ни одного слова из новой истории деда.

В те времена, о которых пойдет речь, неподалеку отсюда стояла крепость чувашского князя Кушламара, из рода Таяба. Потому и крепость называли таябинской.

Справедливым был князь, но не повезло ему. Жена, которую он очень любил, рано умерла, оставив дочь.

Многие болгарские, суварские, хазарские и арские княжны, многие вдовы прославленных мурз, красивые, богатые, передавали ему салам с проезжими купцами, послами. Князя и мурзы звали в гости, желая познакомиться со своими дочерьми. Но князь не хотел жениться вторично.

Дочку он назвал Эльбану, что значит красивый цветок.

Души в ней князь не чаял, исполнял все ее желания, нежил, баловал, дарил красивые одежды, украшения. Так шли годы. Исполнилось Эльбану шестнадцать лет, и стала она такой красавицей, какой еще не видывали таябинцы.

У одного храброго, но бедного воина был сын Акташ. Стройней кипариса, что растет в южных землях, в плечах широк, а глаза, что у дикого барса.

— Сын мой,— сказал ему однажды отец,— тебе уже семнадцать, ты силен, храбр, настоящий воин. Не пора ли тебе поступить по обычаю предков, исполнить долг перед родом. Взял бы себе жену, мне невестку, и подарили бы мне внука на старости лет.

— Я готов выполнить твою волю,— ответил Акташ,— и свой долг. Но моей избраннице всего шестнадцать, прошу тебя, не торопи, подожди немного.

Согласился старый воин.

Минул год.

Снова напомнил отец о женитьбе. И сказал тогда Акташ:

— Хорошо, посылай сватов к князю Кушламару.

Не поверил отец. Что за бредни — бедняку свататься к дочери князя!

— Я люблю Эльбану-бике,— ответил Акташ,— и она меня любит.

— Сын мой,— не на шутку разволновался старик,— до сих пор не имел я сраму, что же ты хочешь — опозорить мои седины? Побереги честь отца!

— Нет,— сказал Акташ,— тебе не придется рисковать добрым именем. Князь справедлив и мудр, он ска-

жет, достоин ли я руки его дочери. Если нет, что же поделаешь.

— А если я не пойду к князю,— возразил отец,— и потребую, чтобы ты взял в жены простую девушку?

— Не делай этого,— тихо произнес Акташ,— мы с Эльбану поклялись, что будем верны друг другу. Если нас разлучат, оба погибнем.

Покачал головой старик — делать нечего — отправился к князю Кушламару.

Провели его в княжеские покои, встал он перед владыкой своим, поклонился.

— Дозволь сказать слово, князь. О твоей справедливости в народе песни поют. Прошу, будь и ко мне милостив.

— Говори,— промолвил князь.

— Состарился я, сражаясь под твоими знаменами, сраму в боях не имел, чести не ронял. А теперь вот, хоть казни, хоть милуй. Сын мой, храбрый Акташ, полюбил твою дочь, солнцеликую княжну. И она его любит. Просят воли твоей... Как ты скажешь, так тому и быть.

Нахмурился князь и грозно спросил:

— Подобаает ли дочери князя брать в мужья простого воина?

— На то воля божья. И предков наших.

— Да, бога и предков,— кивнул князь.— Ну, что ж, зови своего сына, а я кликну дочь.

Позвал старик сына. Вошел Акташ, открыто взглянул на князя и сказал:

— Салам тебе, мудрый и справедливый, да не покинут тебя удачи, а счастье вдохновит на добрые дела. Мир этому сюрту.

— Салам и тебе, смелый юноша,— ответил на приветствие князь,— если ты так же честен и правдив, как и смел, то достоин многого. Да не покинет тебя моя благосклонность.

Отец Акташа, старый воин, слушал, сжимая рукоять меча: ждал, вот-вот прогонит их князь. Но, услышав последние слова Кушламара, едва не заплакал. Однако взял себя в руки — не подобало воину давать волю чувствам.

За пологом слышались шаги, и в покой легкой походкой вошла Эльбану. Одна щека подобна луне, другая — ясно солнышко. Глаза словно звездочки в весенней ночи. Коса до пояса, а на голове платок кружевной,

вышитый рисунками эмит тэрри¹. Такие платки повязывают девушки, когда идут на долгожданное свидание с милым.

Поклонилась Эльбану отцу и старому воину. Затем повернулась к Акташу и вся зарделась, как маков цвет.

— Салам тебе, Акташ, пусть сбудутся в этом доме твои мечты.

Сказав так, шагнула к любимому и в знак своей особой благосклонности накинула ему на шею вышитый кружевной платочек.

Сдвинулись брови князя, но сдержался он, увидев, как просиял храбрый юноша. Сменил князь гнев на милость, развел руками:

— Вижу, вы счастливы, дети мои. А нам на покой пора. Я одинок, Эльбану моя единственная дочь. Муж ее станет мне сыном, народу — князем. И хочу я, чтобы тот, кто останется после меня, также звался мудрым и справедливым. Так что не прогневайся, добрый молодец, придется тебя испытать. Послужи сначала княжеству умом да отвагой, вот тогда я вас благословлю.

— Приму, князь, любое испытание, — радостно согласился Акташ. А Эльбану-бике затосковала, но виду не подала.

— Тогда готовься, — сказал князь, — поедешь послом к соседнему князю народа буртас. А теперь попрощайся с невестой.

Акташ поклонился Эльбану и сказал:

— Жди меня семь месяцев и семь дней. И не горюй — я вернусь.

— Буду ждать, — прошептала Эльбану.

— И он уехал? — спросил я Ендимера, не выдержав долгой паузы.

— А что ж ему оставалось, — ответил дед. — Князь, видать, хитер был. Отказать жениху не решился, дочь жалел. А про себя думал: уедет Акташ и все забудется.

А дальше вот что произошло...

Был у Кушламара дальний родственник, коварный Минтук. Давно зарился Минтук на богатство князя и на дочь его Эльбану-бике. Не прошло и трех месяцев после отъезда Акташа, сговорился он с князем и пошел к Эльбану.

— Недобрые вести получены, — сказал он девушке, — погиб наш посланник Акташ. Тело его нашли мои люди

¹ Вышивка мечты, рассказывающая о встрече возлюбленных.

за рекою Карлы, да и схоронили. Вот все, что осталось,— и подал Эльбану памятный платочек.

— Ах,— только и вымолвила княжна. И рухнула на пол.

С этого дня слегла бике. Не спит, не ест, словно свечка тает.

— Что с тобой, доченька? — спрашивал князь.

— Видно, смерть моя подходит,— отвечала Эльбану,— уж так нам с Акташем боги судили: если одному суждено погибнуть, то и другому долго не прожить.

— Полно тебе,— смягчился князь.— Ждать ведь еще четыре месяца и семь дней... Может, еще вернется.

— А платочек?

— Мало ли что бывает,— вздохнул отец, глядя в сторону: видно, стыд его взял.

Каждый день приходил Минтук к княжне, говорил о своей любви, о верности. Но Эльбану отворачивалась, гнала постылого.

Минуло семь месяцев. Пора бы Акташу и вернуться, коли жив. Но, видно, прав Минтук,— лежат его косточки в сырой земле.

Не встает с постели Эльбану-бике. По ночам тихо плачет. Прошло еще шесть дней.

— Худо мне, отец,— сказала она Кушламару,— чувствую, пришел мой конец.

— Но ведь полдня еще осталось и целая ночь,— успокаивал ее отец.

Наступила ночь. Все во дворце уснули, но не спит Эльбану, ждет не дождется Акташа.

На заре, едва затеплился восток, у ворот крепости послышался топот коней. Прибежали стражники и сообщили князю: мол, какой-то всадник на взмыленном коне трубит в кавал, требует отворить ворота.

— Открывайте,— повелел князь.— И передайте всаднику, ежели зовут его Акташем, пусть немедленно явится во дворец.

Уж очень боялся князь за жизнь своей дочери.

А Эльбану-бике лежала в своих покоях и шептала пересохшими губами: «Я должна умереть. Милый мой, единственный, нет мне без тебя жизни».

Но тут отворилась дверь и на пороге появился Акташ.

— Я успел! Я успел! — закричал он и упал на колени перед Эльбану.— Успел,— повторил он.— Три дня и

три ночи скакал без передышки. Трех коней загнал. Хорошо, встречный пастух пожалел, одолжил мне скакуна своего. Да и тот пал у самых ворот. Но что с тобой, моя милая, отчего ты так бледна?

Протянула Эльбану исхудавшие руки, припала к груди любимого.

С этого дня начала она поправляться. Расцвела княжна, стала еще краше. Вечерами подолгу беседовали они вдвоем. Узнала Эльбану и про обман Минтука. Двоих гонцов посылал к ней Акташ, сообщить, что жив и здоров, помнит о ней. Ни один не вернулся. А третьему дал платочек, чтобы тот поскорей добрался до княжны, но исчез и третий гонец, а, видно, платок попал к Минтуку?!

Но не долгим было их счастье. Напали с юга на болгар серебряных несметные полчища чужих племен. Прибыли их послы к Кушламару, просят помощи. Позвал князь к себе Акташа, дал ему войско и приказал отправляться в путь.

— Значит, снова мне быть одной? Ждать тебя? — спросила Эльбану-бике, не сводя глаз с Акташа.

— Я вернусь! — ответил Акташ, обняв невесту. — И мы сыграем свадьбу.

Ничего не ответила Эльбану, поцеловала Акташа и стала собирать его в дорогу.

Утром Акташ выступил в поход. На другой день перешел он со своим войском реку Карлы и тут повстречались ему гонцы соседей. Недобрую весть несли они: буртасы разбиты, кочевники движутся к таябинской крепости. Ничего не оставалось Акташу, как повернуть назад.

Далеко позади оставил он тяжелую конницу, а сам понесся со своей свитой выручать князя.

А Минтук между тем сбежал из крепости, достиг вражеского лагеря и предстал перед самым ханом.

— Возьми меня в свое войско, всемогущий. Проведу вас к одной крепости, богатств ее хватит на всех. И не нужно мне за это никаких наград, об одном прошу, княжну, дочь Кушламара, отдать мне в жены.

Ночью враги ворвались в крепость. Завязалась битва. Многие защитники сложили голову, а оставшиеся заперлись в княжеской башне.

— Сдавайтесь, — кричали осажденным, — все равно с голоду погибнете. Нет вам спасения.

В крепости увидели, кто их предал, и на голову Минтука посыпались проклятия.

В это время дозорные заметили, что от дальнего леса мчатся к крепости воины на быстрых конях. Островерхие шлемы блестят, а щиты-питлехи снизу подрезаны.

— Наши! — закричали дозорные. — Помощь идет!

Все посмотрели в сторону леса, и Эльбану узнала скачущего впереди Акташа.

— Акташ! Акташ возвращается!

— В небо — горящие стрелы! — приказал князь.

Сразу же взлетели огненные стрелы — сигнал бедствия, просьба о помощи.

— В небе — горящие стрелы! — закричали эртаулы Акташа.

— В крепости враги!

— Хахайт! — И Акташ взмахнул над головой саблей и помчался галопом в крепость. За ним устремились остальные. Враги не успели выслать заслон, поднять мосты.

Бой завязался внутри крепости. На помощь Акташу спешил сам князь Кушламар. Враги наседали, много их было. И вот уже Кушламар, весь израненный, истекающий кровью, упал на руки верных нукеров, и снова чуваша попятилась к башне.

— Нас предал Минтук! — кричали воины. — Смерть Минтуку!

— Где ты, предатель! — позвал Акташ... — Выходи, трус!

Обнажив саблю, выскочил Минтук на площадь, на лобное место. И стали они биться. Сабли звенели, ударяясь о щиты. Эльбану-бике следила из башни за их поединком.

— Ах, — замирала она, когда напал Минтук.

— Так его, милый, смелей, — звенел ее голос, подбадривая Акташа.

И вдруг она вскрикнула, увидев за спиной Акташа кочевника с палицей.

— Акташ, берегись!

Вовремя оглянулся Акташ, вышиб палицу из рук воина и повернулся к Минтуку. Но тот, улучив момент, уже занес меч над Акташем, и Акташ не успел отвести удар. Упал, обливаясь кровью.

— Ах! — раненой лебедушкой застонала Эльбану. — Акташ, любимый!

Покачнулась она, сраженная горем. И вдруг заметила на полу боевой лук, а рядом брошенную кем-то стрелу. Схватила их, побежала к бойнице. Предатель еще стоял у тела Акташа, зло улыбаясь. Но просвистела стрела, и он медленно с искаженным лицом повалился на землю.

А Эльбану прошептала: «Любимый, я к тебе иду, я к тебе». И бросилась с башни прямо на вражеские копья.

Ендимер-мучи раскурил трубку.

— А потом, что было потом?

— Потом,— сказал дед,— пришла к таябинцам помощь, подоспела тяжелая конница Акташа. Прогнали пришельцев. А Эльбану и Акташа похоронили в одной могиле, сверху насыпали высокий курган. С тех пор, будто бы превращаясь в бабочек, выходят они по утрам из кургана и порхают в лучах солнца, радуясь теплу и свету.

СИЛА АХМАДЕЯ

*Скачет всадник по ухабам, по камням,
Не свернуть с дороги верного коня.
И не сгинуть твоей славушке, герой,
Хоть давно ты опочил в земле сырой.*

Из народной песни

старину, — сказал Ендимер, — славила земля мудрыми богатырями. Таким был и Ахмадей — добрый советчик и владыка болгар.

Однажды болгары поднимались вверх по Волге. Шли днем и ночью, впереди колонн — эртаулы, то бишь прокладывающие след, с ними сам Улп-Ахмадей. Зорко следил батор за тем, чтобы воины не допускали кровопролития при встрече с местными племенами.

— Людям ум и сила даны, — поучал он воинов, — чтобы они жили мирно и трудом своим украшали землю.

Так продвигались они на север, без стычек и ссор. Когда же дошли до того места, где Сура и Свияга сливаются с Волгой, остановил племя Ахмадей.

— Не найти нам места краше, — сказал он. — Вот и река повернула на юг. Тут и осядем...

Булгары послушались своего батора и заселили здешние земли.

Но недаром говорят: где свет, там и тень, где добро, там и зло. Был у Ахмадея младший брат Эрендюк. Завидовал он славе Ахмадея. Прямо места себе не находил, по ночам не спал. Однажды услышал он от проезжих купцов заморских о гуннском царе по имени Атилла, который убил своего брата Бледу, а сам стал вождем. И засела в голове Эрендюка худая мысль.

«Убить, — подумал он, — а как его убить, ведь он сильнее меня».

Страшно ему стало от этих мыслей, и ушел он из племени куда глаза глядят — подальше от греха.

Целый год блуждал по свету, жил среди чужих племен. Ахмадей сам его разыскал, вернул домой.

— Не ходи больше никуда,— сказал ему Ахмадей,— небось не сладко жить в чужой стороне, ты ведь даже языка тех племен не знаешь.

— А зачем мне знать,— нахмурился Эрендюк.— Пусть они наш язык изучают и преклоняются, как преклонялись перед Атиллой римские императоры.

— Вот что у тебя на уме,— удивился брат, покачав головой.— А зачем нам пример Атиллов. Куда лучше жить в дружбе. Еще ни один завоеватель не оставил после себя доброй славы.

Строго посмотрел Ахмадей на младшего брата, тот не выдержал взгляда, вышел вон. А когда за полночь вернулся в дом, старший брат его спал и чему-то улыбался во сне.

«Даже во сне ему хорошо»,— разозлился Эрендюк. Выхватил саблю и отрубил ему голову.

Хоронили батора по обычаям предков. Каждый бросил в могилу горсть земли. И так много было бросавших, что на месте захоронения образовался большой курган.

Враги, прослышав о смерти Ахмадея, стали нападать на болгар, но успеха не имели. Говорят, был у болгар секрет: каждый воин, перед тем как идти в бой, приходил к кургану Ахмадея, считал до семидесяти семи и становился сильным, неуязвимым. Даже монгольские ханы, покорившие левобережную Булгарию, не решались забираться в места, где жил Ахмадей.

Прошли века. Булгары на Волге стали зваться чувашами, многие перемешались с татарами, иные переселились в дальние края. Но легенда об Ахмадее и предания, связанные с его именем, не померкли.

Старики рассказывают, будто бы Дмитрий Донской перед боем на поле Куликовом побывал на кургане Ахмадея и считал до семидесяти семи. Даже царь Иван Грозный, идя на Казань, отдал почести кургану.

Да мало ли что говорят, когда хотят верить. А люди всегда верили в мир и добро, потому и помнят батора Ахмадея...

КАРМАЛОВ РОДНИК

*Ой, красив маков цвет,
Да скоро осыпается,
Ой, хороша молодость,
Да скоро кончается.*

Из народной песни

Сегодня я услышал от деда Ендимёра маленькую легенду о большом человеке.

Я запомнил ее слово в слово

...Есть на юге Чувашии дремучие леса, непроходимые чащи. В народе зовут их Кармалскими. В тех лесах бьет родник. Журчит он, журчит испокон веков, поет свою нескончаемую песню. Но иногда, словно взбунтовавшись, выбрасывает искристый фонтан. Вода в роднике особая, не замерзает и зимой, в самые лютые морозы.

Старики рассказывают, будто в глубине, под родником, спит чувашский батор по имени Кармал.

Долго он жил на свете, многие тайны жизни узнал, многих врагов победил, всегда верно служа народу. Но не смог он победить клевету, оговора людского. Оболгали его завистники, стали по деревням слухи распускать, что враг он людям.

— Добрым прикидывается Кармал-батор, а сам одной мыслью тешится: как бы всех прибрать к рукам, а самому царствовать.

Нашлись такие, что поверили лживым наветам, стали сторониться батора. Как увидят его — ставни на запор, ворота на замок, а на порог осиновые ветки накидают. По старым обычаям это означало: незваный гость, видеть тебя не хотим.

Худо стало Кармал-батору, потому что человек он был честный, с душой открытой, и не мог жить в одиночку.

Вот оседлал он своего коня снежно-белого и ускакал в дремучие леса. Выбрал в лесу поляну, слез с коня, поцеловал его и отпустил. Сам же повесил на сук булатную саблю, боевой щит, взял с собой одни только ножны и спустился в овражек.

Там, в овражке, ударил ножнами оземь, сделалась трещина, в нее и прыгнул батор.

На этом месте забил родник. Никогда он не замерзает, потому что жив батор. Люди говорят, придет время и Кармал проснется. Произойдет это в тот день, когда над родной землей нависнет опасность.

Сабля батора забьет по щиту от полуночи до полуночи. Прибежит к дереву снежно-белый конь, заржет семь раз. И упадет тогда наземь старый дуб, заглушая грохотом журчанье родника. Вот когда проснется Кармал-батор, чтобы защитить людей от их настоящих врагов.

Сейчас он спит, а родник поет ему свою песню. Прислушайся, разве она не похожа на чувашскую колыбельную?

ГОРА ВАЙДАРМИНА

*Знай, врагов победит боец,
У которого сабля востра,
А друзей покорит певец,
У которого совесть чиста.*

Из народной песни

М учи, кто такой Вайдармин? Ты как-то называл это имя.

По правде сказать, я не надеялся на скорый ответ.

Мы сидели на завалинке возле конюшни, сухие дедовы пальцы нервно постукивали по коленям. Ендимер, не отрываясь, смотрел на дорогу. Из соседнего колхоза вот-вот должны вернуться подпаски и рассказать, кто выиграл в соревновании коневодов.

Дед имел к этому самое прямое отношение. Выращенные Ендимером лошади всегда были лучшими в районе. Как-то будет на этот раз?

— Говоришь, Вайдармин? — переспросил дед спустя некоторое время. — Это имя богатыря. Чай, слышал о нем?

— Нет, мучи, не слышал.

— Ну-у, не может быть, — он явно тянул, поглядывая в сторону околицы, — любого школьника спроси... легенда известная.

— Да нет же, правду говорю — не слышал.

— Ладно, слушай.

И он стал рассказывать — вначале рассеянно, а потом увлекся.

...Давным-давно был на земле уголок, где жили самые счастливые люди. Это были певцы, и жили они на высокой горе. А гора была не простая: воздух вокруг необыкновенный, прямо скажем, волшебный, любую хворь выгонял. Уставший вдохнет — сил наберется, хмурый — подбодрится, размышляется.

Тогда еще это место не имело названия. Одни называли его Горой певцов, а другие — Страной поющих. Певцы слагали там свои песни и спускались к людям, чтобы спеть им о верной любви, что побеждает зло, о цветах, похожих на радугу, о жизни, о правде, о мечте.

Ходили они с песнями по земле, и повсюду их встречали как самых дорогих гостей.

Так проходили годы.

А беда между тем притаилась рядом и только ждала своего часа.

Была зима.

В том году гору завалило снегом.

Певцы зазимовали в своих домах, в их сердцах рождались новые песни о прекрасных днях, что придут на смену жестоким морозам.

Все воспевали весну, но каждый видел и описывал ее по-своему — получилось у сотни певцов сто разных песен.

Неожиданно на гору напало чудовище по имени Асьтаха.

Дракон Асьтаха имел три головы — три пасти, и каждая изрыгала пламя. Он был так страшен, что одним своим видом мог испугать богатыря. Среди певцов не оказалось такого, кто встал бы против Асьтахи с саблей в руках. Да и сабли-то в Стране певцов не сыскать, их оружием всегда были гусли, шыбыр¹ и кубыс.

Асьтаха напал так внезапно, что певцы не успели опомниться. Многих чудовище проглотило. Иных сожгло, а оставшиеся в живых были заперты в пещере.

Асьтаха выводил их по одному и заставлял служить себе.

— Верных слуг одену в парчу и золото, — сулил дракон, — кто мне будет служить, тот и над людьми будет властвовать.

— А если кому такая служба в тягость? — спросил его один из пленных.

— Спалю огнем!

Никто из певцов не соглашался служить Асьтахе.

«Неужто ни один не покорится, — думал дракон. — Неправда, в голоде и холоде долго не продержатся!»

Уж очень нужны ему были верные певцы, которые прославляли бы его власть и силу.

¹ Вид волынки, древний музыкальный инструмент.

Нашлись-таки слабые духом, немного их было, но и тем был рад коварный Асьтах.

— Наконец-то прославится в веках мое имя! — закричал дракон.

Позвал Асьтах жалких певцов и сказал:

— Хочу, чтобы весь мир знал о моем величии и могуществе. Вы должны мне в этом помочь.

— А как? — спросили певцы.

— Очень просто! — ответил Асьтах. — Будете слагать обо мне песни. Народ полюбит песни, полюбит и меня. А теперь ступайте по домам. Как сложите песню, pošлю вас к людям.

И сложили бедняги-певцы песню об Асьтахе, в которой говорилось, что дракон хоть и чудовище, но сердцем добр, душой отважен и совершил такие подвиги, о которых даже не мечтали богатыри. В этой песне три головы-пасти, изрыгавшие пламя, сравнивались с солнцем, дающим людям тепло, с луною, льющей серебряный блеск в ночном небе, со звездами, сверкающими в необозримой вышине.

Выслушал дракон певцов, кивнул им ласково:

— Вот теперь отправляйтесь к людям и пойте только эту песню. Вернетесь, отблагодарю. Но горе тому, кто изменит мне и запоет другую песню или станет болтать лишнее. Поняли?

Закивали покорно певцы.

— Через семь недель и семь дней вы вернетесь обратно. Если кто не вернется, пусть пеняет на себя. Я разыщу его и на краю земли. Ступайте!

И ушли певцы в долину.

Наступила весна.

Шумели вешние воды. Земля полной грудью вдыхала тепло, зеленела трава.

— Друзья пришли! Песенники! — закричали люди, увидев певцов. — Как долго вас не было!

Тут люди заметили, что певцов мало. Они спросили:

— Где же остальные? И почему вы такие грустные? Почему не улыбаетесь весне?

Ничего не ответили пришельцы.

— Спойте нам, — попросили люди.

И запели тогда певцы песню о добром драконе. О чудовище, которое принесет всем радость и счастье. Дивились люди, слушая их.

— Что случилось с певцами? — говорили они. — Ведь

они поют о драконе, уничтожившем целые селения, не жалеющем ни детей, ни стариков.

— И голоса-то у них фальшивые! С чего бы это? Но никто им не мог ответить.

Тогда люди обратились к певцам:

— Добрые наши друзья! Почему так слабы ваши голоса? Зачем вы славите злого, беспощадного Асьтаху?

— Может, с вами случилась беда?

— Скажите, мы вам поможем!

Но промолчали певцы и на этот раз. И снова затянули все ту же песню.

Люди, слушая ее, только головой качали.

А гости, кончив песню, двинулись дальше, в соседние селенья. Хмуро слушали их люди, молча провожали в путь.

Был среди певцов один — самый молодой. Звали его Тигеш.

Был у Тигеша в одном селении мудрый друг шурсухал.

Он-то и надумал помочь парню, но прежде хотел узнать, что же приключилось с певцами.

И сказал старик Тигешу:

— Было вас много, и все, как один, веселы. А теперь вас мало, ваши лица хмуры, ваши песни обманчивы. Скажи мне, друг мой Тигеш, что вас мучит, какое горе?

Взглянул Тигеш на шурсухала и, вздохнув, промолвил:

— Должен молчать, иначе погибну, как и все остальные. А я ведь молод и хочу жить.

— Разве подобает соколу жить подобно вороне? — спросил шурсухал. — Помню, однажды поймал охотник горного сокола, и чтоб тот не улетел, обрезал ему крылья и пустил гордую птицу во двор — приручить хотел. Дал ему много пищи, много воды. А крыльев-то нет. Взмахнул сокол обрубками раз, другой, и хлоп обратно на землю. Уставился на охотника соколиным своим взглядом, а в глазах тоска смертная... Разве не похож ты сейчас на того сокола? Чего ты ждешь, на что надеешься? Обманом и страхом продлить свои дни? Ты — человек и певец!

Задумался, услышав это, Тигеш.

Полдня думал, потом сказал:

— Ты прав, шурсухал. Не подобает гордому соколу жить, как вороне. Пусть я погибну, но спасу людей. Пусть люди знают, какая грозит им беда и каков он на самом деле, добрый дракон.

Рассказал Тигеш шурсухалу о страшной беде, постигшей певцов, и о страхе, который сделал оставшихся в живых предателями.

— О коварное отродье, проклятый Асьтах! — воскликнул шурсухал. — Стало быть, вашими песнями хочет он обмануть доверчивых людей.

Сверкнули глаза Тигеша.

— Пусть я умру, — сказал он, — но больше никто не услышит от меня эту песню.

— Нет, — прервал его шурсухал, — ты пой. Обязательно пой. Но не эту, а другую песню, которая помогла бы победить дракона.

И еще спросил старый шурсухал:

— Скажи-ка, мой юный друг, когда он велел вам вернуться?

— Через семь недель и семь дней с того дня, как мы покинули горы.

— Ни ты, ни твои друзья не должны возвращаться назад. Зачем лезть в пасть чудовищу?

— Но ведь Асьтах нас уничтожит!

— Смелым угрозы не страшны! Надо звать людей на бой! Или вы забыли старые песни?

Устыдился Тигеш, опустил глаза и пошел к своим товарищам. Поведал он им о беседе со старым шурсухалом. А под конец сказал:

— Я не боюсь больше смерти, не боюсь чудовища. Лживых песен тоже не буду петь. А пойду я по землематушке искать богатырей, которые сразятся с драконом: И вас зову с собой.

Но певцы не согласились идти с Тигешем.

— Листок, упавший с дерева, — сказали они, — уже не прирастет к родной ветке. Наши дни сочтены.

На это ответил им юный Тигеш:

— Если лев пятится перед огромным слоном, это еще не значит, что он трус.

— Но мы не львы, — ответили певцы. — Львы те, что погибли.

— И заяц иногда становится храбрым.

Промолчали певцы и дальше двинулись по долине в те селения, где еще не были. А по селам уже разнес-

лись слухи о странных певцах, подчинившихся злому Асьтахе.

Тигеш тем временем ушел в другую сторону. Он сочинил новую песню и пел ее людям.

Меж Кэтне и Карлы
Черное чудовище губит людей.
Черное чудовище губит людей
И мечтает уничтожить род людской.
А среди народа, говорят, есть человек,
Который может победить дракона.
Говорят, родился и вырос батор,
Который может победить дракона.
Говорят, он скачет верхом на аргамаче.

Слушая Тигеша, собирались к нему богатыри. Певец рассказал им, как напал на Страну певцов Асьтаху и уничтожил лучших — самых умных, смелых, а оставшиеся в живых согласились стать его рабами, и как мудрый шурсухал научил его найти правильный путь.

И воскликнули богатыри:

— Пойдем на Асьтаху! Убьем чудовище!

Повел Тигеш богатырей к мудрому шурсухалу. Тот принял их ласково и сказал:

— Вам одним не победить дракона.

— А как же тогда освободить Страну певцов? — спросили богатыри.

— А вы слушайте, не перебивайте. В древних книгах сказано о могучем Вайдармине. Только он сумеет одолеть Асьтаху.

— Но ведь его нет среди нас.

— Надо найти Вайдармина-батора. Ступайте и ищите!

И пошли богатыри искать Вайдармина, пошел с ними и Тигеш.

Тем временем остальные певцы вернулись в горы к Асьтахе. Тот, видя, что пришли не все, разгневался и с ревом бросился на несчастных.

— Мы не виноваты! Мы верно служили тебе! — только и смогли пролепетать бедняги. Всех до одного проглотил Асьтаху.

Ендимер на минуту умолк, задумчиво глядя на дорогу.

— Ну, и как, — заторопил я деда, — нашли они Вайдармина?

— Нашли,— кивнул Ендимер,— опять ты торопишься. Всему свой черед. Всему. И словам тоже.

— Батор Вайдармин,— продолжал дед,— жил со своей старой матерью на берегу большой реки. Когда явился к нему Тигеш с богатырями, тот корчевал лесную деланку для посева. Брал дерево за ветви и с корнем вытаскивал его.

Тигеш даже струсил вначале: как с таким богатырем разговаривать?

— Тебя Вайдармином зовут? — наконец спросил он. Тот расправил спину и улыбнулся.

Тигеш запел о богатыре, живущем между рекою Кэтне и Карлы.

— Это песня о тебе, Вайдармин-батор?

— Я не богатырь. Я землепашец,— промолвил Вайдармин, утирая вспотевший лоб.

— Старый шурсухал говорит, что только ты можешь победить Асьтаху,— сказали ему богатыри.

— Ему видней,— усмехнулся батор.

Попрощался Вайдармин с матерью и пошел вместе с богатырями к старому шурсухалу.

Мудрец долго, изучающе смотрел на Вайдармина и наконец сказал, обращаясь ко всем:

— Вот мое слово. Надобно испытать батора, и тогда увидим, прав ли я?

И поведал шурсухал, что в лесу под старым-престарым дубом спрятана волшебная сабля. Кто сможет поднять ее, тот и победит Асьтаху.

Пришли к старому дубу, стали копать. Вскоре показалась ржавая, будто почерневшая сабля. Нагнулся Тигеш, хотел поднять, но даже оторвать от земли не смог.

...Не смогли поднять волшебную саблю и другие богатыри.

— Теперь твой черед, Вайдармин-батор,— сказал мудрец.

Тот подошел к сабле, взял за рукоять,— поддалась. Потянул еще разок, и засверкала она в руке Вайдармина, озарив лесной сумрак и лица людей. Будто и не было на ней ржавчины.

Подивились баторы силе Вайдармина. А шурсухал погладил седую бороду.

— А теперь,— сказал мудрец Вайдармину,— взмахни саблей три раза.

Тот взмахнул трижды.

В лесу послышался стук копыт: «Табартак! Табартак! Табартак!» Выскочил на поляну конь. Масти сизой, а на лбу белая звездочка.

Подбежал конь к Вайдармину, заржал призывно. — Вот тебе и боевой друг, — сказал шурсухал. — Мигом домчит в Страну певцов, к самому Асьтахе.

Сел Вайдармин на коня и поскакал в горы. Но не успел он подняться, как увидел Асьтаху. Тот спускался в долину, чтобы покорить людей, а заодно расправиться и с Тигешем.

Встретились Асьтаха и Вайдармин-батор у самого подножья, и разгорелась между ними битва.

Первым кинулся в бой Асьтаха. Замахнулся огромным хвостом. Еще миг — и конец батору. Но успел Вайдармин подставить саблю и срезал начисто хвост дракона.

Три дня и три ночи бились они. Вконец обессилело чудовище. Черная кровь хлестала из его ран. На четвертый день сдался Асьтаха.

— Не убивай меня, батор. Буду твоим рабом. Вместе нам никто не страшен, вместе мы всю землю покорим.

— Э, — ответил батор, — хватит мне того куска, что я в лесу выкорчевал!

— Пощади! — взмолился Асьтаха.

— А ты пощадил безоружных певцов? — Взмахнул Вайдармин саблей — и покатились все три драконовы головы.

Так батор освободил гору от чудовища. Вскоре на место боя явился Тигеш, а вслед за ним богатыри со старым шурсухалом.

И сказал Вайдармин Тигешу:

— Один ты остался из певцов. Но страна твоя свободна! Обучи новых певцов. И пусть они радуют людей хорошими песнями.

Прошло время. Выросли новые певцы, ученики Тигеша. Они ходили из селения в селение и пели о весне, правде и справедливости. А когда уставали, то возвращались к себе на вершину горы и там слагали новые песни.

А гору эту люди называли горою Вайдармина в честь батора-освободителя.

Молчит дед и уже не смотрит на дорогу. А я думаю об услышанном.

— Может, оставили их угощаться? — донесся вдруг глуховатый голос Ендимера, и я не сразу понял, что он говорит о своих, видно, загулявших на празднике подпасках. — А с чего бы их потчевать стали? Не иначе мы в проигрыше! — Дед махнул рукой. В его годы всякая неудача как бы напоминает о возрасте: «Пора, мол, на покой». Мне понятна горечь старика. Уж так он пестовал своих жеребчиков, — на лучших выпасах! По два раза в день под неусыпным дедовым глазом Петюшка с Васькой купали их, чистили...

— Где же она, эта гора Вайдармина? — спросил я, стараясь отвлечь старика.

— Гора?

Дед не успел ответить, послышался топот копыт, два всадника ворвались на подворье, и тут же разнеслись звонкие мальчишечьи голоса:

— Мучи, Ендимер-мучи! Наша взяла!

Дед поднялся, но даже в сумерках было заметно, как растроганно блеснули его глаза.

Ах, как я рад был за него в эти минуты!..

ХУРГАЙК-СЮЛЕ

*Промеж звездочек путь виднеется,
Промеж ярких дорожка светится.
Уж не нас ли она зовет?
На луну взгляну — там поля видны,
На луну взгляну — земля черная.
Уж не нам ли по ней ходить?*

Из народной песни

етняя ночь.

Я лежу в траве и смотрю на небо. Чуть покруживается голова. Рядом дед Ендимер ворошит в золе картошку. Возьмет на ощупь и, обжегшись, дует на пальцы. Я не вижу старика, но чувствую каждое его движение.

— Огонь ее не берет, прямо камень, — ворчит дед. — Осина... от нее не уголья, один пепел. Только и названия, что дерево.

Он сгребает палкой едва тлеющие синевой угольки.

— Пекись, пекись скорей, не тяни за душу!

А я смотрю на Хургайк-Сюле¹, что уходит в безвестную даль, смотрю долго, не мигая, и от этого начинает казаться, будто в черной дали пляшет крылатая тень.

Из-за рощи всплывает луна. В смеженных ресницах сонно различаю девичье лицо, распущенные волосы. Да это же она, девушка из сказки по имени Тавбри, я слышал о ней еще в детстве.

— Пинеслу выглядываешь, — доносится до меня голос старика.

— Какую еще Пинеслу?

— Ту, что на луне. С парнями это бывает, как заметят ее — глаз не оторвут.

Так вот оно что, у нас ее зовут Тавбри, а здесь — Пинеслу. А сказка-то одна. Но деду невдомек, что мне она известна. Вот он и напустил на себя обычную в таких случаях важность, мол, попроси хорошенько, а я еще

¹ Дорога диких лебедей. Так исстари чувашаи называют Млечный Путь.

подумаю, стоит ли языком шевелить. Но я молчу, словно бы задремал, и дед не выдерживает:

— Откуда тебе знать это имя, иные старики и те путаются, по-разному кличут. Но ее звали Пинеслу, это уж точно, клянусь бородой. Да, именно так, Пинеслу, что значит девушка, имеющая тысячу достоинств.

Вот поди поговори с таким дедом.

— И как она на луну попала, по-разному рассказывают, а правду мало кто знает.

— Вот как?

— Да, вот так! — роняет дед, словно я и впрямь виноват в том, что люди склонны к выдумкам.

...Однажды на берегу озера, в густом ивняке, сидела девушка-красавица. Волосы, как у русалки, по плечам спадали. Заплетала она их в толстую косу, светлым гребнем расчесывала, песню напевала:

Ой ты, озеро синеводое,
Поплещись в берега,
Нашепчи мне радость...

Вдруг она смолкла, чего-то испугалась. Перед ней в воде, как в зеркале, добрый молодец улыбается. Будто и впрямь со дна вынырнул, смотрит на нее не насмотрится. И то ли птица на ветку села, в воду листочки окунула, то ли сухая травинка упала, пошли по воде круги, побежали в разные стороны, — исчез парень.

Оглянулась — а любимый ее, Азан, за спиной стоит. Рэслый, крепкий, лицом ровно солнце ясное.

И сказал Азан:

— Хорошо ты поешь, Пинеслу.

Засмущалась девушка, закрыла лицо фартуком.

Вот она какая была! Хороша да скромна, не то что иные, никак себе цену не определяют, и все оттого, что природа к ним добрей, чем к другим была, красотой одарила... Нет, Пинеслу таким не чета. И скромна и работаща. Сама и песни складывала, слушаешь — сердце радуется.

Давно они сдружились, друг дружку любили. И не ждали беды, не ведали. А беда упадет камнем с неба — и никакой тебя аргамак не умчит от нее.

Невзлюбила девушку злая мачеха-колдунья. Сперва старалась отвадить жениха, выдать за него свою дочь,

да зря старалась. Тогда она принялась за девушку, но и та не поддавалась. Какую только работу на нее не взымали: и сено косить, и за скотиной ходить, и по дому убирать. От зари до зари на ногах Пинеслу, а все такая же веселая, бойкая, знай песни поет.

Вот однажды принесла девушка воды из колодца, а дверь заперта. Допоздна просидела на крылечке с ведрами, а в полночь позвала мачеха злых духов, нечистую силу, и унесли они Пинеслу на небо, забросили на луну.

— Пускай там сама себе поет, сама слушает,— сказала мачеха.

А чтоб тяжко ей было, повесила на плечо коромысло с полными ведрами, дескать, поглядим теперь, долго ли так протянешь.

Коромысло к плечу будто приклеилось, не снять не сбросить. Вот какие дела.

— А что же Азан,— спросил я деда,— разве не спас свою любимую?

Старик ответил как бы нехотя:

— Кого любят — в беде не оставляют. Пустые твои слова.— И, смягчившись, добавил: — Ты дальше слушай.

Сильно горевал Азан. Бродил по горам, по лесам, по речным берегам. Все звал любимую:

— Пинеслу, Пинеслу, где ты, зорька ясная?

Но вот однажды глянул он на луну и увидел Пинеслу. Увидел и поклялся: жив не буду, а ее спасу.

И стал Азан мастерить крылья, чтобы долететь до луны и обратно в целости вернуться.

Скоро крылья были готовы, большие, крепкие, как у орла. Из чего он их сделал, неизвестно. Может, из любви своей сделал, слезой склеивал. Однако — полетел.

И чтоб не сбиться с пути, держал путь на Хургайк-Сюле. Вот когда понадобилась человеку дорога, оставленная лебедями.

«Поднимусь я по Хургайк-Сюле до неба,— думал Азан,— подожду, куда луна подойдет поближе, тогда и достану Пинеслу».

Но от беды, видать, и на крыльях не умчишься.

Прослышали ведьмы о том, что задумал Азан, всполошились. И рассыпали по небу звезд видимо-невидимо, все перемешали.

Сбился с пути Азан.

А Пинеслу все глаза проплакала.

— Ой, беда моя, горюшко. Я словно яблочка половинка отрезанная, разлучили нас с милым на веки вечные. За что, не знаю, не ведаю.— Днем и ночью на землю смотрела, искала Азана да шептала сквозь слезы: — Не оставит он меня, найдет.

Тяжко ей стоять. И сидеть — ведра книзу тянут. Станет ей неумоготу, потихоньку песню запоеет:

Ой ты, озеро синеводое,
Поплеши в берега, нашепчи счастье.

Говорят, кто очень ждет, непременно дождется. Настала ночь, и увидела Пинеслу летящего Азана. Вскрикнула от радости и запела свою любимую, чтобы Азан услышал.

Ой ты, озеро синеводое...

Только зря пела, исчез Азан, канул в темень, словно камень в воду. Унесло его невесть куда. И снова осталась Пинеслу одна.

Белая лебедушка, весенний цветок Чувашии. Одна ты, одинешенька во всем ночном мире. Никогда там солнце не всходит, вечно звезды блещут.

Грустные звезды — ее глаза.

Подхватит ветерок ее песню, понесет в родные края. Нежный калган-ковыль запечалится, к земле прикинется...

— Что ж она так никогда и не вернется?

Отчего и сам не знаю, в эту минуту Пинеслу казалась мне живой, настоящей, а вовсе не сказочной.

— Ах, ачам, пока жива песня, жив человек. И не век бродить Азану меж звездами.

В безмолвии ночи плывет луна. Ничто не вечно под ней. Стареют люди и деревья. Гора становится пылинкой, река — ручейком. Все проходит.

А любовь остается...

ГОЛОС ЧАВДАРА

*Поет иволга на сосеночке,
Все сосенки в лесу одинаковы,
Где-то плачет родимая матушка,
Кабы мне отыскать ее.*

Из народной песни

Я сижу на склоне холма, обхватив руками колени, и смотрю вниз на подсернутую вечерней дымкой зеленую глубь долины. Уплывает к закату огромное алое солнце. Скоро скроется за холмом, но перед тем как исчезнуть, с минуту отдохнет у него на плече.

— Мучи, а мучи, отчего этот холм называют холмом матери Чавдара?

Я оборачиваюсь, чтобы видеть лицо деда.

Он следит за моим взглядом, а глаза его изучают вершину холма, сплошь усеянную мелким гравием. Холм крут, обрывист, отвесная стена меловая и на фоне заката кажется седой.

У подножья поблескивает ручей, чуть слышно его журчанье. Ручей бормочет свою вековую песню. Знать бы, о чем он рассказывает. Вода его прозрачна и холодна, на дне белеют камни.

Дед по-стариковски снисходительно улыбается.

— Этот ручеек, может быть, единственный свидетель подвига, который совершили Чавдар и его мать,— говорит дед.— Ее звали Сайраслу-бике, что означает — гостеприимная. Слушай, я расскажу тебе о них.

* * *

...Давным-давно, неподалеку от холма стояла могучая крепость. Много лет защищала она окрестные земли от непрошенных гостей. Разумны были ее хозяева. Они хорошо понимали, что острием меча поле не вспашешь, а жатва войны — смерть.

Но глуп тот пахарь, который забывает о своем мече,

и поэтому люди, жившие в крепости, были храбрыми воинами. Иначе нельзя. Лицом к врагам стояла крепость, а за спиной у нее чувашские земли.

В те времена знаменитый эмбю Чавдар был совсем еще молод и правила всем его мать Сайраслу-бике. Женщина, а мудрей иного мужчины. При ней расцветали ремесла. Гончары, кузнецы, чеканщики славились своим мастерством не только у себя на родине. Иноземные купцы делали крюк, чтобы заглянуть сюда, закупить местные изделия, а заодно разложить на базарной площади на цветастых длинных коврах и свои товары.

Сайраслу-бике знала о хитрых замыслах коварного Тохтамыша и жестокого Тимерлена, мечтавших стать владыками мира, и держала меч наготове. Ведала о делах далекой Московии, о ее князьях, копивших силу против коварных ханов.

Ласково принимала она приезжих издалека послов, гостей, знаменитых путешественников, внимательно выслушивала их рассказы о дальних странах, ученых людях.

А сын ее эмбю Чавдар меж тем мужал, вместе с ним крепла и его дружина. Когда лазутчики доносили о набегах соседних племен, посылала Сайраслу войско во главе с сыном, и враг, застигнутый врасплох, бежал.

Сказывают, в те времена замыслил Тохтамыш идти на Московию... Ночью примчался запыленный гонец с недоброй вестью и в ту же ночь ускакал на свежих конях к Москве, дабы оповестить князей. А другой всадник покинул крепость, чтобы забить тревогу по чувашским городам и селам.

Большую силу собрал Чавдар. Мужчины взяли оружие, в такое время — всяк воин. А место воина — под знаменем эмбю.

Чавдар, отважный полководец, не стал ждать, когда враг нагрянет, двинулся навстречу непрошеным гостям. В крепости остались только малые дети, женщины да старики.

Шли чуваша на супостата стройными рядами, сохраняя боевой клин — острием вперед. Гарцевал на белом коне сам Чавдар. А вокруг него — ближайшие друзья и помощники, славные баторы. На флангах пылила легкая конница, защищая отряд от внезапного нападения.

На этих лугах, кивнул Ендимер, и сошлись два вой-

ска — Чавдара и Тохтамыша. Страшная была битва. От топота копыт дрожала земля, звон мечей летел за леса и горы, кровь убитых уже не принимала земля... Силен был враг и хитер. Стало ему известно, что мудрый старый цинбю, возглавлявший легкую конницу, погиб, а его место занял неопытный, но дерзкий честолюбец сербю. Конницу сербю заманили к лесу, оторвав от главных сил, и перебили начисто.

Впервые дрогнуло сердце Чавдара. Послал он в крепость вестника, просил, чтобы стар и млад укрепляли стены, готовились к самому худшему — осаде.

Ничего не ответила гонцу Сайраслу, молча отпустила его и принялась за дело. Работа шла от зари до зари.

Однажды ночью в крепости слышали конский топот, шум, крики, увидели метавшиеся на ветру огни. Услышала Сайраслу голос Чавдара.

— Мать! — кричал эмбю, — Враг торжествует. Мы прокляты богом! Юндаши мои пали в бою. Мать, открой скорее ворота. Враг висит у меня на пятках, меч его над моей головой.

Но молчала старая мать. И все боялись взглянуть ей в лицо, так скорбно было оно. Вдруг она подняла руку, и голос ее зазвенел в ночи:

— Сын мой — не младенец, но — муж! Я не узнаю его голоса. Тот, кого я слышала — не мой сын, он трус!

— Я — твой сын! — крикнул Чавдар.

— Был у меня сын, — сказала Сайраслу немного погодя, — но он не бежал от врага, как заяц, не укрывался за толстой каменной стеной. Он защищал народ и свою мать, а не просил у нее помощи. Разве не храбр он, как сокол, разве рука его не держит сабли, разве не ждут его воины на поле брани. Он — там, среди них. А тот, кто стоит у ворот, — не сын мне. Я не узнаю Чавдара!

Так сказала мать, и все затихло. Лишь далеко-далеко слышался гул побоища, там гибли чувашские воины, побеждаемые многочисленным врагом.

Снова послышался топот коня. Он удалялся все дальше, и видно было, как блеснула вдали выхваченная из ножен сабля.

Скоро по степи разнесся призывный звук кавала¹. Он звал воинов, возвещал о том, что полководец жив, не упали стяги его, и врагу еще рано торжествовать.

Воспрянули воины, услышав эти звуки, сомкнули по-

¹ Военный рог.

редевшие ряды. Всю ночь продолжался бой, тоскливо ржали раненые кони, стонали упавшие воины, а кавал Чавдара все звучал призывно и торжественно.

И всю ночь стояла мать Чавдара на хыбар-башне, вглядываясь в темноту. Все глаза проглядела она, беззвучно шепча молитвы. Именем солнца, именем светлого дня просила у Пюлехсе¹ победы своему единственному сыну.

Пока в степи надсадно и грозно звучал кавал, мать знала, сын ее жив.

К утру враги отступили. В крепости ждали — вот-вот зазвучит победная песня. Но не было слышно ни звука.

На поле брани воины искали эмбю, чтобы сложить к его ногам чужие знамена — так требовал обычай — и не могли найти...

Из ворот крепости вышла мать Чавдара. Увидев ее, народ изумленно затих: за ночь женщина стала седой, вчера еще смоляные волосы белы, как снег. Не глядя ни на кого, она шла по степи туда, где лежали тела погибших. Остановилась, и все услышали голос эмбю:

— Мама!

Бросилась Сайраслу-бике на голос сына.

— Сынок,— застонала мать.— Свет моих очей! Радость моя! — Голос ее сорвался.

Чавдар открыл глаза уже затуманенные смертью, из последних сил приподнялся на локте и улыбнулся.

— Ты слышала мой голос? Ты узнала его, ма...— И совсем тихо прошептал одними губами: — Спасибо...

Точно подстреленная лебедь, вскрикнула женщина и рухнула наземь.

— Пюлехсе! — гневно проговорила она, подавляя рыдания.— Пюлехсе, где ты?! Есть ли ты? Почему не вняла моей молитве? Почему он мертв, мой сын?! Нет тебя, нет, нет!

Обхватила руками голову и превратилась в холм, седой-седой.

...С тех пор и зовут этот холм — холмом матери Чавдара. У подножья журчит ручей. И текут в нем материнские чистые слезы...

¹ Одна из могущественных богинь.

ЛЕГЕНДА О ПАХЧАСЕ ЯМАНСАРЕ

*Как в орешнике следы зайньки,
Ой, в зеленом следы зайньки,
Недосуг идти, а то бы выследил,
А уж выследил, так словил бы.
Как на улице следы девичьи,
Как на пыльной следы девичьи.
Недосуг идти — провожать ее,
А пошел бы — как раз женился...*

Из народной песни

люблю рисовать. Дома у меня полно этюдов.

Увижу живописное место: речку, заросшую ивами, уголок леса — и сразу тянусь за карандашом. Иногда по памяти рисую портрет своей невесты. Она мне кажется самой красивой на свете, самой доброй, ласковой и приветливой. Ее улыбка вдохновляет меня, а доверчивые глаза требуют, чтобы я был честным, правдивым.

Ее портретов у меня накопилось множество, но все — неудачные. В жизни она куда лучше. Но сегодня, мне кажется, портрет удался. Я смотрю в ее глаза, они синие-синие. И как будто говорят мне: «Когда же ты вернешься? Я скучаю...»

Открываю дверь, и в комнату вошел дед Ендимер. Да, я совсем забыл: вчера мы с ним договорились написать письмо внучке, что уехала по комсомольской путевке в Сибирь, на стройку.

Старик поздоровался, присел к столу. Я не успел убрать рисунок, дед заметил его — о, это глазастый дед — и улыбнулся:

— С фотокарточки срисовал?

— Нет, мучи, по памяти.

— Вот как? — удивился старик. — Значит, как Ямансар?

Я пожал плечами. Второй раз слышу это имя. Однажды был на этюдах в заволжском лесу. Места великолепные, и мне захотелось нарисовать в гуще можжевельника лицо невесты, чтобы оно чуть проступало среди ветвей. Увлечшись, не заметил, как ко мне подошел пожилой человек.

— Рисуете? — Я сразу узнал его и, по правде ска-

зять, растерялся. Это был известный чувашский художник.— Неплохо, неплохо, а где же натура? Наверное, пошла цветы собирать?

— Нет, — ответил я, — в Москве она. В аспирантуре. Я так, по памяти.

— Ах, по памяти? Ну, что ж, можно вас поздравить, совсем, как Ямансар.

Тогда мне неловко было переспросить, кто такой Ямансар, но деда я не стеснялся:

— Он что, тоже художник, этот Ямансар?

Ендимер поморщился.

— Художник... Это сейчас так говорят. Он был пахчасем, знаменитым садовником... Да, он умел выращивать цветы. Это было так давно, что о нем знают только очень старые люди. Да и то со слов своих прадедов... Его смерть помирила здешних чувашей и татар. Послушай, если желаешь, а потом напишем письмо внучке. Время терпит...

...Жил да был в старые времена сын чуваша-землепашца Ямансар. Отец его умер рано, мальчика вырастила мать.

Был он красив, пел, как иволга, а еще умел разводить цветы. Потому и стали звать его люди Ямансар-пахчась. Деревня, в которой они с матерью жили, находилась на берегу реки Булы, рядом со старинным татарским селом.

Чуваши с татарами частенько ссорились, порой и до драки доходило: одни молились многочисленным богам, а другие — аллаху. У чувашей всеми делами в деревне управляли йомзи и жрецы, а у татар — муллы. Это они натравливали одно село на другое, это они говорили: «Наша вера правильная, а кто в нашего бога не верит, будет проклят». ✱

Особенно враждовали в дни религиозных праздников. Бывало, вспыхнет ссора из-за пустяка, а попы и рады — примутся раздувать ее, точно костер из сырого валежника — дым глаза ест.

Старики своих мулл и мачаваров поддерживали, а молодежь ссориться не хотела. Ей погулять бы, повеселиться, вместе провести агатуй¹ да приглядеть на празднике невесту.

¹ Весенний праздник.

В тот год весна была ранней. Уже в начале Пуша¹ вешние воды умыли землю. А вскоре закончилась весенняя страда. В честь праздника задымили на пашне котлы с ага-пати — полевой кашей, заиграли гусли, шыбыры, созывая людей. Люди из окрестных сел по обычаю сходились за рекой, на равнине, что лежала между чувашским и татарским селеньями.

Агатуй, как всегда, начался с ирдэжю — состязания певцов. Один за другим выступали признанные певцы. Подошла очередь Ямансара.

— Поднимусь я над облаками,— запел юноша,— чтобы взглянуть с высоты на землю и увидеть село, где живет моя милая. Стану я ветром резвым, быстрокрылым, поцелую ее шею лебединую, ее глаза, без которых я сам точно слепец... Стану я солнцем веселым,— буду улыбаться ей с утра до заката, греть ее своим теплом. А еще я стать хочу луною и проплыть над домом любимой, заглянуть к ней в окно, может быть, она мне улыбнется во сне. Или стану я полевым цветком, пусть сорвет меня она поутру на росистом лугу.

Хорошо пел пахчась Ямансар, с душой. Легко брал самые высокие ноты. И заметили люди, поглядывает Ямансар в ту сторону, где в кругу подружек улыбается тонкая темнобровая Алтынсес — дочь татарского муллы.

Алтынсес знала, что чувашский юноша давно в нее влюблен и ей посвящает свои песни. Было приятно, что пахчась Ямансар, которого уважают все чуваша, любит ее. Но до сегодняшнего дня сердце ее было свободно. А вот сейчас оно затрепетало.

Захотелось сказать певцу что-то ласковое. Подошла к нему вместе с подружками.

— Ты поешь так,— сказала Алтынсес,— что сердце замирает, и хочется ему выпрыгнуть из груди и улететь высоко в небо вместе с твоей песней.

— За это я тебя должен благодарить,— ответил Ямансар.— Это ты вдохновляешь меня, Алтынсес.

После этого агатуя Ямансар и Алтынсес стали тайно встречаться, потому что строги были мусульманские законы и сурово осуждали тех, кто нарушал их.

Девушка и юноша полюбили друг друга. Посоветовали друзья Ямансару послать сватов к отцу Алтынсес, самых уважаемых жителей деревни.

¹ Весенний месяц.

Пахчась Ямансар согласился.

— Хоть и поклоняемся мы разным богам,— начали сваты, придя к мулле Карабаю,— но бессильны перед любовью, перед единым богом, которого мы называем Юрату, и твои родичи — Ярату. Наша община знает, что пахчасю Ямансару приглянулась твоя дочь Алтынсес, о достопочтенный мулла. И твоя дочь любит Ямансара. Просим назначить калым за нее, который обязуемся внести немедленно.

Молча слушал мулла Карабай речь чувашских шур-сухалов. Только глаза его беспокойно бегали, лицо от волнения стало подергиваться.

— Наш бог, великий аллах,— сказал мулла,— велит нам быть сильнее наших чувств. И он покарает всякого, кто нарушит его волю, породнится с неверным.

Ни с чем ушли чувашские сваты.

А мулла Карабай тем временем задумал выдать свою дочь за старого бая, который давно сватался к Алтынсес.

Слезам горючими обливалась девушка у ног отца, всемогущим аллахом заклинала не отдавать ее постылому баю. Но что девичьи слезы для Карабая! Богатый калым да имя доброго правоверного ему дороже. Не понял он отчаянья Алтынсес, не знал жалости. Но не тут-то было. Девушку держали взаперти, и отец зорко охранял ее.

Наступил день свадьбы Алтынсес. Подруги одели ее в свадебный наряд, а когда пришел за ней жених, побежали смотреть на старого бая. Только одна, самая близкая подруга осталась. Ей-то и сказала Алтынсес:

— Ямансар обещал мне вырастить цветы, которые будут улыбаться солнцу и закрываться, когда солнце уйдет на покой. Скажи ему, Алтынсес просила вырастить такой цветок, который в непогоду будет плакать живыми слезами, напоминая людям о загубленных ими жизнях. Скажи, Алтынсес любила его одного и вечно будет любить, никогда не будет принадлежать другому. Передай ему этот платок. А теперь оставь меня одну.

— Я боюсь,— промолвила подруга,— боюсь за тебя, тусым. Я что-то недоброе предчувствую...

— Нет, нет, ступай, я хочу остаться одна.

А когда люди старого бая навеселе ввалились в девичью комнату, сердце Алтынсес уже не билось.

Похоронили Алтынсес на другой день.

Мулла Карабай старался держаться бодро. Но было

видно — смерть дочери сломила его. Впервые он словно не замечал, что неверные присутствуют на похоронах.

Но вот все ушли. Остался на кладбище один Ямансар.

Подруга Алтынсес успела шепнуть ему последние слова любимой и передать ее подарок — платочек.

— Я выполню твою волю, Алтынсес,— тихо сказал Ямансар.— Клянусь тебе!

В тот же день явился он к мулле Карабаю и сказал, что хочет посадить цветы на могиле.

— Зачем тебе это? — спросил мулла.

— Я любил Алтынсес и хочу оставить добрую память о ней и о нашей любви.

— Хорошо,— кивнул Карабай.

Старики татары, узнав, что неверный будет ходить на их кладбище, взбунтовались. Еле уговорил их Ямансар.

— Ты не должен тревожить священную землю. Можешь сажать свои цветы только на глубину лопаты,— хмуро сказали старики.— Иначе — берегись. Аллах покарает тебя.

Ямансар слушал, опустив глаза, его душила обида.

...С утра до вечера проводил пахчась на могиле возлюбленной. Буйно разрослись посаженные им цветы. Ямансар ухаживал за ними, подрезал, подстригал и никому не позволял подходить близко.

— Сейчас не время,— говорил он,— когда можно будет — скажу.

Наступил авн¹.

Хмурым утром постучался пахчась Ямансар в дом, где жила самая близкая подруга Алтынсес.

— Я исполнил ее волю,— сказал он,— можешь позвать людей.

В тот день, кто мог ходить, пришли на кладбище. Взглянув на могилу, люди замерли. Перед ними была живая Алтынсес, а из ее карих глаз текли слезы.

— Дочь моя,— прошептал Карабай,— ты до сих пор плачешь?

Старики качали головами, женщины в изумлении молчали.

...С тех пор людей, умеющих рисовать по памяти, зовут ямансарами.

¹ Десятый месяц чувашского летосчисления.

ОКАМЕНЕВШИЕ ТИНЮКИ

*Нитка тоненькая, тоненькая,
Тоньше ниточки стан мой девичий.
От какой беды исхудала я?
Нету горше беды — молвы худой.
Ой, белым-бела березонька,
А еще белей мое личико.
Отчего бледна, от какой беды?
Нету горше беды — клеветы людской.*

Из народной песни

ойдем-ка мы с тобой завтра на рыбалку, — сказал Ендимер, видно, догадавшись, что я заскучаю в ночном.

Однажды мы уже встречали зарю на реке. Тогда я впервые услышал от деда о вечно живой Илемби, что, превратившись в березку, ждет не дождется своего любимого Яндугана.

«Хорошо бы еще раз побывать на мысе Илемби, подумал я, услышать песню березы». Но дед сказал, что на этот раз мы будем рыбачить за озером Хундимера, возле больших столбов, которые в народе называют окаменевшими тинюками. Я так обрадовался возможности побывать в незнакомых местах, что пропустил мимо ушей слова «Хундимер» и «тинюки».

На другой день, к вечеру, мы вышли из дома и через час были на реке. Там, на приколе, под старым развесистым дубом отыскали лодку и поплыли вверх по реке.

Стемнело, когда перед нами распахнулась черная гладь озера. Лунная дорожка бежала от берега к берегу, изредка слышались тихие всплески.

— Рыба играет, — сказал я, затаив дыхание, — много ее здесь, наверное.

— Нет, — покачал головой дед, — нет в этом озере ни единой рыбки.

Он перехватил мой удивленный взгляд и кивнул на воду.

— Зачерпни-ка ладонью да попробуй на вкус — все поймешь.

Вода оказалась горькой, с привкусом ржавчины. Очевидно, содна били минеральные ключи.

— Люди говорят, что рыбы здесь уже лет сто нет и не будет. И травы на берегах тоже,— продолжал Ендимер.

«Странно»,— подумал я, догадываясь, что эти места связаны с какой-то новой легендой. А вслух сказал:

— Проклятое место, что ли?

— Вот именно, проклятое,— согласился дед.— Не будем здесь останавливаться.— И он направил лодку к видневшимся у протоки трем столбам.

— Вот они, окаменевшие тинюки,— промолвил старик.— Здесь и закинем удочки, а пока давай сложим костер.

Мы сошли на берег. Собирая валежник, я подошел поближе к столбам. Они располагались треугольником и очертаниями напоминали застывшие человеческие фигуры.

«Окаменевшие тинюки... Что это такое? И это озеро... какое-то неживое. Надо будет расспросить Ендимера».

Дед, стоя на корточках, раздувал огонь.

— Мучи,— обратился я к деду, когда он, отдышавшись, уселся на траву,— что такое тинюк?

— А,— отозвался старик, словно только и ждал вопроса.

Он стряхнул с чапана лесной сор, уселся поудобнее, а я приготовился слушать.

— Старая история про алманчу Савалей, его добрую жену Пикенеш и трех судей-тинюков, которые сжили со свету эту женщину... Долго рассказывать.— Он покосился в мою сторону.

— Я уже научился слушать, мучи.

— Богатый человек был алманчи Савалей,— начал дед,— и мудрый — ума палата. Знали его в соседних селеньях и бойлыках Серебряной Булгарии, в землях буртасов и мокшей. Но не богатством славился Савалей, а красавицей женой, краше и добрее которой не было, должно быть, во всей Великой Булгарии, что лежала меж четырех рек, называемых Волгами — Великой Волгой, Черной Волгой, Белой и Серебряной.

Звали ее Пикенеш, что значит маленькая красавица.

Жил неподалеку от них, в соседнем селенье, мурза Хундимер.

Худое дело задумал мурза — силой навязать свою любовь прекрасной Пикенеш. Знал он, что алманчи Са-

валей часто отлучается из дома по торговым делам, и только ждал удобного случая.

Скоро такой случай представился.

Однажды собрался Савалей в дальнюю дорогу, попрощался с домашними. А жене сказал:

— Вернусь через три месяца. Жди меня, береги дочь.

С тем и уехал. А на другой день в дом явился мурза Хундимер, будто и знать не знал, ведать не ведал, что Савалей в отъезде. Поговорил о том о сем, да исподволь и подвел разговор к самому главному: мол, зачем тебе, прекрасная Пикенеш, такой муж? Ведь он не дорожит тобой, оставляет на долгие дни одну, без ласки, без утешения.

— Так и увянешь, не распустившись, как одинокий цветок в сыром лесу! Полюби меня, Пикенеш, уж я постараюсь, чтобы ты была счастлива.

А Пикенеш ему в ответ:

— Разлука любви не страшна.

А мурза сжал кулаки:

— ...Вот возьму и распущу слух, что пригрела ты меня, приласкала, пока Савалея дома нет... Что будешь делать? Кто поверит в твою невиновность. Муж первым проклянет!

Переменилась в лице Пикенеш, но ответила спокойно:

— В детстве слышала я сказку про белую лебедь. Плыла лебедь по озеру, белая, величавая, а рядом — серые гуси. И взяла тут гусей зависть: «Мол, отчего мы серые, невидные, а ты, лебедь, бела как снег?» Похватали со дна грязного ила, забросали лебедушку, — и ну на радостях гоготать:

— Вот и ты теперь стала серой! Нечего нос задирать. Такая же, как все!

А лебедушка нырнула в воду, вынырнула — белей прежнего. Нет, сосед, к чистому грязь не пристанет.

Поднялся мурза мрачней тучи:

— Ну, что ж, — сказал, — посмотрим. Еще припомнишь меня, красавица.

И ушел, хлопнув дверью. А Пикенеш и рада. Только на душе осадок остался, да вскоре рассеялся.

Красавица о мурзе и думать забыла: мало ли хлопот по хозяйству, еще дочь на руках.

Но случилась беда.

Как-то взяла служанка-хархам девочку в сад погулять. И часа не прошло — слышались крики. Выбежа-

ла Пикенеш, видит: лежит служанка ни жива ни мертва, вокруг люди суется, голоса.

— Дочь! — закричала Пикенеш. — Где моя доченька! Заметалась по саду, заплакала...

Девочки нигде не было. Служанка, очнувшись, ничего толком сказать не могла. Какие-то люди выскочили из кустов, сбили ее с ног, а девочку схватили, та и пикнуть не успела. Унесли...

Рухнула наземь бедная Пикенеш, едва привели ее в чувство.

— Дочь, доченька, — одно только и твердила бедняжка, — где моя дочь?

Верные слуги бросились в погоню за злодеями, да вернулись ни с чем.

Слегла Пикенеш. Не ест, не пьет, ни с кем говорить не хочет. За три дня состарилась, не узнать ее.

...Возвращался Савалей из дальней поездки и еще в дороге прослышал, какая беда стряслась в его доме. Дурная весть — крылатая. Встречные снимали шапки-малахай, участливо кланялись и, глядя вслед, качали головами.

Словцо-другое долетало до Савалея, но он пропускал их мимо ушей, а однажды, словно иглой в сердце, кольнуло: «Что-то люди таят от меня, не договаривают».

Будучи на постое, не стерпел Савалей, схватил хозяина избы за рукав:

— Ну-ка, говори, о чем народ шепчется. Правду скажешь — не трону, солжешь — худо будет.

— Не серчай на меня, славный алманчи, — сказал понуро хозяин, — не нами слухи придуманы.

— Говори!

— Сказывают люди, будто жена тебя обманула, оттого и наказал вас бог, отнял дочь. Ну, а что и как там...

Не договорил хозяин, страшен был Савалей в ту минуту.

— Молчи, святотатец! — И схватился за кинжал, да вспомнил, что слово дал, и, весь дрожа, опустил руку.

Дома у постели больной жены молча стоял Савалей, потом заговорил — и голос его прозвенел ровно булат под молотом:

— Сердце мое скорбит о дочери. Не смогла ты ее уберечь. Но не об этом сейчас... Честь моя запятнана твоей изменой. Я все знаю, люди зря говорить не станут, слухи сами собой не родятся.

Ничего не ответила ему Пикенеш. Вспомнилась ей угроза Хундимера: «Кто поверит в твою невиновность. Муж первый проклянет. погоди, еще вспомнишь меня».

— Нет моей вины перед тобой,— проговорила Пикенеш, чуть шевеля губами.— Клянусь... это злые языки...

Но Савалей только головой покачал. Не поверил.

— Слабая женщина — хуже змеи. Я прикажу выбрать тинюков пусть решат, права ты или виновата...

— Тинюки... это слово мне незнакомо...

— Откуда тебе знать,— сказал дед,— все о них давно позабыли. А в древности, решая спор, выбирали трех судей. Даже поговорка такая была: «Справедлив, как тинюк».

— Судьи, значит...

— Вроде того,— махнул рукой мучи.— Судьи тоже бывают разные. Но тинюк — всем судьям судья.

...Объявил Савалей народу, что Пикенеш отрицает свою вину и что дочь будто украли по злому умыслу.

— Сам-то веришь ей? — спросили люди.

— Нет, не верю. Сказано, нет дыма без огня. Оттого и требую суда.

— Дело твое,— ответили люди.

Тут же выбрали троих тинюков, уважаемых старцев-шурсухалов. На месте этих столбов и вершился суд.

Народу собралось видимо-невидимо. Люди не верили, что добрая и скромная Пикенеш могла оказаться изменницей. Встали на свои места тинюки. Впереди на холмике старший, двое — чуть позади.

Старший помолился на восток и начал:

— Люди добрые. Сегодня мы судим женщину, что звалась до сих пор женой алманчи Савалея. Ходят о ней худые слухи. Кто хочет сказать слово, пусть выйдет.

Был в толпе и Хундимер со своими слугами. Едва тинюк кончил говорить, толкнул мурза одного из них. Тот вышел вперед, поклонился.

— Знаю доподлинно,— промолвил он,— об измене этой женщины.

Один за другим выходили на лобное место слуги Хундимера и свидетельствовали о женском бесчестье.

Плакала, слушая их, добрая Пикенеш, а ничего поделать не могла. Кто мог ее защитить. Служанка вступилась было за хозяйку, но ее словам никто не поверил.

Решили тинюки, что виновата Пикенеш. Опорочила мужа и в наказание за грехи потеряла ребенка.

— Пусть прыгнет в костер, огнем очистит от скверны род славного Савалея!

Развели на берегу костер, подвели Пикенеш.

Люди плакали, глядя на бедную женщину.

— Пощадите ее! — шумели в толпе.

— Мы будем за нее молиться, да простит ее Пюлехсе!

— Не верьте злым наветам!

Но тинюки были неумолимы. Молча смотрели они на Пикенеш. Она гордо шагнула к костру, посмотрела в последний раз на людей, на реку, в которой плясали языки огня, подняла к небу руки:

— Люди добрые, муж любимый!.. Я чиста перед вами. Но я знаю клеветника, того, кто принес нам беду. Мурза Хундимер! Это он оклеветал меня. Вы, тинюки, слепые судьи. Но и на вас есть судья, он все видит. Я, мать и жена, проклиная вас!

Сказала так и прыгнула в костер. Пламя подхватило ее, подняло высоко до небес, там она и сгинула.

Понял все Савалей, вскрикнул, точно подбитый сокол, и тоже бросился в огонь.

Люди с ненавистью смотрели на тинюков, а те не могут ни шагу ступить, ни пошевелинуться.

— Глядите, глядите,— зашумела толпа.

И все увидели, что тинюки превратились в камни. Сбылось проклятие Пикенеш.

Не ушел от возмездия и мурза. Земля поглотила преступника. А на этом месте образовалось озеро, люди так и называли его — озером Хундимера.

Сердце у мурзы было злое, жестокое, потому и вода в озере горькая, рыба в ней не водится, трава по берегам не растет.

...Дед поднялся и не спеша спустился к лодке. Я пошел следом. Мы отчалили, старик правил к протоке.

— Вот оно как, ачам,— произнес он поучительно.— Добрые люди оставляют после себя доброе имя, злых поминают лихом. А неправедных судей ждет вечный позор...

*Два платочка беленьких рядышком,
Два платочка — две половиночки.
Где ты, милая, синеглазая?
Иль нам вместе быть не судьба?*

Из народной песни

орька красит восток. Просыпается лес, вздыхает потихоньку, радуясь солнцу и ветру. В шелест листьев вплетается негромкий голос деда Ендимера.

— ...и тронулся Атл со своими тридцатью тремя баторами к хунскому царю...

В эту ночь дед рассказывал без устали. Такое с ним не часто бывает. Вначале поведал легенду о Ятмане-эмбю, затем о богатыре Мургаш-баторе, а теперь вот вспомнил сказание о храбром богатыре по имени Атл.

— ...Хунский царь ласково принял Атла: нужны ему были служивые из подвластных земель. Но узнав, что с Атлом прибыло лишь тридцать три конника, удивился, а затем впал в гнев.

— Как смели презренные рабы насмехаться надо мной! Я просил у шурсухалов три тысячи, а вас всего тридцать три. Да за такие хитрости я их по миру пущу!

Атл остановил его:

— Стая воробьев не спугнет сокола, а сокол распотрошит воробьиную стаю.

— Что ты желаешь этим сказать?— прошипел хунский царь.

— Не торопись судить, пока не убедишься в моей правоте. Хотя нас всего тридцать три батора, но мы сильнее иной тысячи.

Услыхал это царь, покачал головой и приказал чувашским баторам быть наготове. Они первыми встретят приближавшегося врага.

С тем и отправился почивать.

Утром к царю прибежали придворные.

— Измена! — закричали они. — Эти мерзкие чувашаи переметнулись к врагам. Едва завидели их, бросили лагерь и поминай как звали. Горе нам!

Царь поспешно оделся, велел войско построить. Сам решил расправиться с изменниками, но снова прибежали стражники.

— Чувашаи едут!

Вышел царь на крыльцо. В городские ворота, напевая песню, уже въезжала дружина Атла.

— Где вы были, предатели? — закричал хунский царь. — Я думал, вы честные воины, а вы трусы.

— Пока ты спал, — прервал его Атл, — мы тут поразмялись немного. Погляди на ту сторону горы, все поймешь.

— Посмотрите, что там такое, — приказал царь.

Увидели мурзы, что широкое поле сплошь усеяно трупами врагов. Не чуя ног, вернулись обратно.

— О великий и всемогущий, — запричитали они, — о светлый, несравненный, о солнцеподобный и луноподобный, о...

— Хватит, — закричал царь. — Говорите толком, в чем дело.

Перебивая друг друга, рассказали мурзы обо всем, что видели.

Обрадовался царь, а затем, будто шепнули ему на ухо худое слово, сдвинул брови. «Если эти молодцы такую тьму разгромили, — подумал он, — то моих слуг они вмиг сомнут. Опасные друзья... Страшновато с такими воинами под одной крышей». И решил поскорее от них избавиться.

«Приласкаю их, задобрю, а затем одним махом всех порешу».

Объявил хунский царь пир великий в честь чувашских гостей-победителей.

Узнала об этом и единственная дочь хунского царя — красавица Касьпи. Еще до того была она наслышана об Атле. Это он разбил врагов, требовавших от царя дани, а заодно и ее, Касьпи, — своему вождю в наложницы.

«Хоть бы одним глазком взглянуть на него,— подумала Касьпи,— столько добра сделал и даже награды не просит».

Вышла в сад и спряталась в кустах. В ту пору Атл прогуливался по саду.

«Какой он красивый, статный,— обрадовалась Касьпи, выглядывая из своего укрытия.— Такого и полюбить не грех».

Заметила служанка радость на лице Касьпи, да и шепнула ей на ухо:

— Такой красавец — и погибнет! Жаль...

— Что? — удивилась Касьпи.— Что ты сказала?

— Что слышала,— отвечала служанка,— кому на пир веселье, а кому слезы. Погубят молодца по цареву указу, умрет он после первого кубка.

Белей цветка степного стала Касьпи.

«Нет, нет,— подумала она с ужасом,— он не должен погибнуть».

А тем временем гости уже собирались на пир. Пришли и чувашские воины. Тогда-то и подбежал к Атлу хунский мальчик и поманил за собой.

— Куда, зачем? — спросил Атл.

— Разве сокол боится воробья? — ответил мальчик.— Ступай за мной.

Удивился Атл и пошел за ним по песчаной дорожке в сад. Там он увидел прекрасную девушку и сразу догадался, кто она.

— Здравствуй,— сказала Касьпи,— я ждала тебя, Атл.

— Здравствуй,— ответил Атл, опустив глаза.— Пусть любят тебя звезды. Чем я заслужил такое счастье?

— Дикий голубь, если пожелает, может каждый день любоваться цветком, одиноко растущим в поле.

— О,— сказал Атл,— ты так же мудра, как и прекрасна. Твое имя означает вечернюю зарю. Разве зоря может быть одинокой?

— Да,— вздохнула Касьпи,— если солнце не захочет взглянуть на нее.

— Сколько звезд, больших и малых, посылало ей свои лучи?

— Я ждала солнца.

— Когда же оно появится?

— Уже появилось.

— А не дала ли зоря имя этому солнцу?

— Атл,— ответила девушка и зарделась, точно алый цветок.

— О боги,— прошептал юноша,— разве можно взвалить на одного человека сразу столько счастья.

— Солнце мое,— тихо сказала Касьпи,— беда за счастьем ходит, а ненависть за любовью.

Ничего не понял Атл, лишь молча смотрел на девушку. И тогда рассказала Касьпи о нависшей над Атлом беде.

Поблагодарил молодец красавицу и поспешил к своим баторам. В ту же ночь покинули они хунский город.

Но как ни старался Атл — не мог успокоиться. Все о царевне думал. Понял батор, что полюбил добрую красавицу, которая спасла его от верной гибели, и рассказал обо всем своим друзьям.

Те сразу же остановили своих чудо-аргамаков и поскакали обратно. Въехали в город — и ко дворцу.

Недаром говорят, любящее сердце — вещун. Касьпи стояла у окна своей горницы, будто знала, что вернется ее возлюбленный. И как только увидела Атла под окнами, спрыгнула прямо к нему в объятия. Ни отца не спросила, ни матери. Только сказала:

— Я с тобой, Атл!

Узнав о побеге дочери, разгневался царь и выслал погоню.

Лучшие воины хунов помчались вдогонку за чувашами. Но не посмели они поднять меч на баторов, спасших их от врагов. Постояли, поглядели вслед конникам и повернули назад.

— Как я счастлива, что мы вместе,— шептала дорогой Касьпи.

— И я счастлив,— отвечал ей Атл.

Но недолгой была их радость.

Плохая весть скакуна обгоняет.

Еще не прибыл Атл к своему царю, а хуны уже известили того о случившемся и пригрозили мстью. А на храброго Атла возвели напраслину: будто воин он плохой, долга своего не выполнил, да еще дочь украл.

Схватили Атла царские слуги и заточили в темницу.

Атл надеялся, что образумится царь, поостынет и рассудит, кто прав, кто виноват.

Но проходил день за днем. Бедный Атл с товарищами все томился в сыром подземелье. А красавицу Касьпи заточил грозный отец в башне. Плакала Касьпи, все

глаза выплакала. Слезы ее лились ручейком, и где-то далеко образовалось из них соленое море, которое называли Каспийским.

Храбрый Атл тоже не стерпел позора. И попросил он светлое солнце:

— Помоги мне, солнышко, выручи. Сделай меня быстрой речкой, потеку я по долам, по лесам в ту сторону, где живет моя ласточка.

И тут не оставили Атла друзья.

Обратился Атл в великую реку и помчался в сторону хунской земли, а его товарищи понеслись вслед за ним. Потому-то река Атл, то бишь Волга, не одна течет, а с тридцатью тремя притоками.

...Дед умолк, пососал трубку и посмотрел в сторону речки Карлы.

— И Карлы был другом Атла, вот он и сейчас торопится к Волге.

Над рекой клубился сизый туман, и мне подумалось, прошли века, а человек мало изменился — так же любит и ненавидит, горюет и радуется.

САВДЕБИН ДОЛ

*Ой, бежит, звенит речка,
Что мне делать, как быть,—
То ли камушком в омут,
То ли щепкой уплыть?..*

Из народной песни

ы перегнали табун к дубовой роще, мыском выдававшейся в луга. Видно, роща эта и напомнила деду легенду о Савдебином доле.

— Когда-то,— сказал Ендимер, улегшись в тенечке,— в этих местах жил богатый пахарь Актар. Было у него три сына и дочь — Савдеби.

— Старинное имя,— заметил я.

— Правда тоже старинная, с человеком родилась. Не перебивай.

Так вот — Савдеби... Сыновей старик не баловал, бывало, завалит работой,дохнуть некогда. Помощников себе готовил: не охотятся, так лес корчуют. А придет страда, с утра до ночи в поле. Хозяйство выросло большое, дом, что крепость, на каменном фундаменте, а вокруг городьба из дубовых кольев. Птицы и те редко залетали на подворье. О людях и говорить нечего... Скрытно жил старик, с деревенскими не водил дружбы.

Так жил он, горюшка не знал. Иногда лишь вспомнит об умершей жене, запечалится, да не надолго. Глянет на дочь, посветлеет: вся в мать — красавица!

Ничего не жалел для Савдеби, терем ей выстроил, особняком банька. А братья завели для нее семьдесят семь гусей и уток, чтобы, значит, не скучала.

— Живи, сестричка, копи пух на перины. На приданое.

Жених-то у нее уже был, Тимеккей, из соседней деревни.

Вот пришло время помирать старику. Схоронили его чин чин, по старым обычаям. Сороковины справили.

Еще недельку кручинились, а потом будто прорвало братьев — стали они что ни день пить-гулять. Нагрянут в деревню, затеют драку, мужиков побьют, девок на усадьбу умыкнут, опозорят... Не было с ними сладу.

Тяжко стало Савдеби от такого житья, стыдно перед людьми, перед женихом своим, Тимеккеем. Станет ему жалиться, а он ей:

— Уйдем,— говорит,— брось их, охальников. Не место голубке в вороньем гнезде.

Она смолчит да заплачет. Уйдешь, братья и вовсе дом разорят. И так уж все прахом идет.

Невтерпеж и людям стали их бесчинства. Собрались как-то самые отчаянные, бросились вдогон братьям, пленниц отбили, чуть самих не взяли. Ворота спасли разбойников. Ворота те на запорах, огорожа высокая, не перелезть. Стали, топчутся.

Братья тем временем разожгли на дворе костер, стали смолу варить, к осаде готовиться.

Увидела это из окна Савдеби, а еще жениха своего, что первым на ворота вскарабкался. Испугалась до смерти. Ведь не пощадят никого братья, смолой обварят, изуродуют. Подумала так и потайным ходом пробралась к сельчанам: «Пропадай, мол, богатство. Лучше бедно жить, да в чести у людей». Про смолу рассказала: «Уходите, худо вам будет!»

— Нет,— сказал Тимеккей,— ежели уступим, тогда нам и вовсе житья не станет. Веди нас потайным ходом. Не бойся, плохого не сделаем, отведем братьев в село, пускай судят их по закону.

Страшно стало Савдеби, горько за братьев, однако ж как говорится: кровушка родная, а совесть своя. Провела она сельчан на усадьбу тайком, да не тут-то было: не дались братья добром, схватились за топоры. В драке-то двое из них погибли, а третий, младший, пощады запросил — тем и спасся. Посадили его в амбар до утра, до суда мирского, а ночью он доску в стене выломал да в глухой лес удрал. Там и бродяжил год ли два, пока не забылись обиды и люди позволили ему вернуться.

Нелегко жилось эти годы и Савдеби. Сколько ни просил ее Тимеккей выйти за него замуж, одно ему твердила:

— Не могу, родненький, не могу. Подождем брата, как он скажет, так тому и быть. Ведь никого из родных

у меня не осталось, некому благословить мое замужество.

— Сама себя обманываешь,— горевал Тимеккей,— грех на душе таишь, вину перед братьями. А ведь ты не виновата. Никто не знал, что так получится, сами они смерти своей искали.

Молчала Савдеби, опустив голову. Ждала.

Тем временем Актар-младший подходил уже к дому. И повстречался ему на пути деревенский горбун, злой, мстительный. Как-то подшутил над ним на гулянье Тимеккей, он с тех пор затаил обиду.

— Здравствуй, парень,— сказал горбун,— хорошо, что ты вернулся. Значит, есть бог на свете, он все видит, и никому не уйти от его кары.

— О чем ты? — нахмурился Актар-младший.— Говори ясней. У меня дорога прямая, хватит — наплутал по кривым стежкам.

Рассказал ему горбун о том, как пробрались тогда деревенские люди к братьям во двор и кто их провел тайным ходом.

— А сейчас сестрица твоя и Тимеккей к свадьбе готовятся. Знай, милуются день-деньской, да еще у ночи прихватывают. Небось не ждут тебя. А ты вот он — тут как тут, гость незванный.

Темней тучи стал беглец. Поклянись, говорит, что молвил правду. Да так глянул, самому горбуну страшно стало. Поклялся тот своей бородой, сединой предков. Не дослушав, кинулся сын Актара к дому, сел в засаду, у ворот, и как только вышел Тимеккей, кончил его ударом ангара¹, а сам — во двор, в сестрицын терем.

Увидела брата Савдеби, не знает, плакать ли, радоваться. А как глянула ему в очи, обомлела вся, слова не вымолвит.

— На колени,— крикнул брат,— на колени, убийца братьев, и будешь ты проклята навечно!

Он еще медлил, ждал, покается Савдеби, заплачет, попросит милости. Но сестра только побелела вся, белей снега вешнего. И ответила она брату:

— Да, я люблю Тимеккея...

— Нет уже Тимеккея...

— Я люблю его,— прошептала Савдеби,— а тебя ненавижу. За убийства твои, за позор, который терпела...

¹ Вид кинжала.

Взмахнул брат ангаром, оборвалась речь Савдеби. Так и умерла с открытыми глазами.

Со смертью сестры не угасла злоба младшего брата. Бражничая по деревням, рассказывал о сестре всякие небылицы: мол, ради любовных утех осквернила Савдеби родной кров, предала единоутробных братьев, и за то покарал ее бог.

Подружки Савдеби, любившие ее за доброту и ласку, украсили могилу белыми камнями. Когда же худая весть облетела окрестные селенья, кто-то разбросал камни, и холм, где была она похоронена, осиротел. Но не надолго. Снова подружки выложили его камнями.

Так и повелось с тех пор — мужчины, проходя мимо, выбрасывали камни, а девушки снова укладывали. Но, видно, тех, добрых людей, кто верил в чистоту Савдеби, было больше. И вскоре на могиле вырос каменный курган. Это место в народе стали называть Савдебиным долом.

ВУТКАЙК

*Много ль нам надо для счастья, братцы,
Ведь жизнь коротка, да не золотом красна,
Не золотом-серебром — добрым словом
Эх, добрым словом.*

Из народной песни

В соседнем селе сгорела усадьба. — Знаю я этого погорельца, — сказал Ендимер, — еще в прошлом году предупреждал его: не сквернословь на людях, это к добру не приведет.

Я удивленно посмотрел на деда: шутит он или всерьез говорит.

Дед усмехнулся и продолжал:

— Он, бывало, и жену ругал, когда та у печки хлопчет. Последнее дело — ругать женщину, которая у огня. Этого Вуткайк не простит.

Вуткайк — волшебная птица. В дословном переводе — хозяйка огня. Я слышал о ней еще в детстве, и мне интересно было, что расскажет Ендимер.

Женщину звали Улбиге.

Людские беды и несчастья отзывались в ее сердце... А людям в те времена жилось нелегко. Они еще не умели строить дома, шить теплую одежду. Терпели от диких зверей, злые холода настигали их в бескрайних степях.

Однажды прослышала Улбиге о волшебной птице, которая может принести людям счастье. Птицу звали Вуткайк.

Думала-думала Улбиге и решила отыскать птицу.

Но не знала она, где ее найти.

Тогда женщина обратилась к людям:

— Может, кто из вас слышал о птице Вуткайк?

— Не знаем, — ответили люди, — не слыхали.

Улбиге спросила у птиц.

— Нет, не встречали,— прокричали птицы и полетели дальше.

Женщина обратилась к бабочкам:

— Может быть, вы видели хозяйку огня Вуткайк?

Одна бабочка сказала, что слышала о ней от крота. Крот долго живет, много знает.

— А где же мне найти крота?

— Вон в том лесу. Я полечу, а ты беги за мной, там и увидишь.

Выслушал крот женщину и сказал:

— Видишь этот старый дуб? Под ним спрятана волшебная палочка. Откопай ее и ударь по дубу, да при этом скажи вот что...

Крот говорил очень тихо, словно кого боялся, но Улбиге, наклонившись, все расслышала. Поблагодарила она крота, откопала палочку и ударила ею по дереву.

— Дуб, дуб,— сказала Улбиге,— дай мне один листок.

— Я всегда рад помочь доброй женщине,— прогудел в ответ дуб.

И тут же на землю слетел дубовый листок. Улбиге коснулась его волшебной палочкой и прошептала, как учил ее крот.

— Секлень, суюся, секлень!

На языке деревьев это означало: «Поднимись, листок, поднимись».

Так сказала Улбиге, села на листок и полетела.

Внизу расстилались поля, темнели сосновые боры, змейками сверкали реки. А потом Улбиге стала замечать, что земля становится пустынной — нет ни зелени, ни воды, одни пески да пески. Кругом не видно ни шалаша человеческого, ни зверя, ни птицы.

«Вот она какая, пустыня,— подумала Улбиге,— живой души не отыщешь».

А листок тем временем стал снижаться, вот уже и земля близко.

«О! Какие они желтые, эти пески»,— только и успела подумать женщина и села на мягкий холмик.

Осмотрелась Улбиге, видит — вьется в песках не приметная тропка. Пошла она по ней, на обочине старичок сидит. Седой как лунь, и рубашка на нем и порты белые, холщовые, а сапоги будто мелом мазаны. Сидит, мурлычет себе под нос, никого вокруг не замечает.

— Здравствуй, мучи! — сказала Улбиге громким голосом. А сама вся дрожит.

Старик поднял голову, посмотрел на женщину и сказал:

— Здравствуй, ирт.— Это значит: «Здравствуй и ты».— Подойди-ка поближе, не бойся. Я ведь ждал тебя и знаю, чего тебе нужно. Хозяйка огня живет недалеко, вон в той рощице, иди туда.

Побежала Улбиге к рощице, а там, у родника, стоял красный терем, в нем и жила Вуткайк. Вошла женщина в терем — увидела волшебную птицу с человеческой головой и рассказала, зачем пришла.

— Если можешь, помоги людям. Я слыхала, ты добрая и могущественная.

— Обо мне не будем говорить,— ответила волшебница,— а вот ты, я вижу, в самом деле добрая. В какой путь пустилась без опаски. Вот за это я и награжу тебя. Ступай и передай людям — будет у них огонь. Защитит он их от многих напастей. И скажи им еще: Вуткайк, мол, наказывала, чтобы они поклонялись женщине за ее большое сердце. Тому же, кто посмеет ее обидеть, худо придется.

Вернулась Улбиге к своему племени, а у пещеры уже костер горит.

С тех пор люди не боялись больше ни зимы, ни диких зверей, стали рубить себе избы. А Улбиге уважали все от мала до велика.

Однажды к Улбиге зашел сосед, поздоровался с ней, а женщина, хлопотавшая у печи, как на грех не расслышала. Сосед решил, что Улбиге загордилась, не желает с ним знаться, и закричал на нее в сердцах:

— Пусть с тобой шайтан здороваётся! Ноги моей здесь больше не будет, карга проклятая!

Обернулась Улбиге, не поймет, в чем дело, а у самой от обиды слезы выступили.

Вуткайк это слышала и очень разгневалась. Как только сосед затопил свою печку, огонь выскочил наружу и ну плясать по избе — все сгорело, одни головешки остались.

— С тех пор огонь мстит всем, кто нехорошо отзовется о женщине или начнет при ней сквернословить,— подытожил Ендимер.— Женщина — святыня, Мать! Она дает жизнь человеку...

Сказка мне понравилась, Ендимер заметил это. Некоторое время он молчал задумчиво, а потом вздохнул, покачав головой:

— Нет на свете лучшего лекарства, чем доброе слово, так неужто его жалеть людям. Жизнь, она и так коротка... Слышал песню «Амарткайк»? Нет? Вот я тебе напою, послушай.

Летит Амарткайк посередке неба,
Легит Амарткайк посередке неба,
Эх, по самой середочке.
Гнездо у нее на верхушке дуба,
Гнездо у нее на верхушке дуба,
Эх, на самой верхушечке.
А думы наши летят к старине,
Откуда пришла к нам о счастье мечта,
Эх, о счастье мечта.
А много ль нам надо для счастья, братцы,
Ведь жизнь коротка, да не златом красна,
Не златом-серебром — добрым словом,
Эх, добрым словом.

СКАЗАНИЕ О САРРИ-БАТОРЕ

*Цветок свой мед отдал пчеле
И, радуясь, лелеет завязь...
Себя для друга не жалеет
И счастлив будь врагу на зависть.*

Из народной песни

В этот вечер я засиделся у Ендимера допоздна и услышал от него еще одну историю, которая, по-видимому, родилась вскоре после взятия русскими Казани. Что тут правда, что вымысел — судите сами...

Однажды старейшина чувашского селения по имени Сарри-батор ушел со своими воинами в поход. А в это время напали на село данники казанского хана: дома разграбили, жителей увели в рабство.

На обратном пути Сарри-батор узнал о несчастье и приказал своим воинам догнать ханский отряд.

В темном лесу чувашасти настигли ханских слуг и разбили их, а сельчан своих вызволили.

Дважды в том тяжелом году нападали ханские отряды на села чувашей, несли с собой смерть, плен и разорение.

Решил Сарри-батор идти в Московию, туда, где, по словам купцов, стояли каменные города, а воины имели ружья, поражающие громом и молнией.

— Попросим у царя помощи, — сказал он послам, — мы готовы перейти в Московское подданство, чтобы жить спокойно, в мире и согласии.

День проходил за днем, ночь за ночью, а от Сарри-батора не было вестей, и сам он не возвращался.

— Не случилась ли какая беда, — качали головами седобородые старцы. — Что-то долго их нет.

— Сам великий Киреметь покарал дерзких за то, что осмелились ехать в страну нечестивцев, — говорили

те, кто не желал союза с Москвией и хотел склонить народ на сторону хана.

— Не может Киреметь покарать ходоков,— стояли на своем старцы.— Боги благословили батора.

Они говорили правду. Перед дорогой жрецы принесли жертву Киреметю: сварили тайын-сыра — священный напиток. Потом отвели быков в священную рощу, где была молельня — Киреметь-карди.

Старшина, жрец и мачавар-смотритель помолились на восток. Потом к ним привели одного из быков. Жрец зачерпнул расписным ковшом воды и плеснул на животное.

— Принимай наш дар, великий и добрый...

Но бык как ни в чем не бывало продолжал перемаывать свою жвачку.

— Уберите его,— сказал шепотом жрец,— не принимает его Киреметь.

Подвели другого быка. Этот, как только на него попала вода, тряхнул головой, замахал хвостом.

Люди облегченно вздохнули.

Скоро алая бычья кровь залила траву. На нее вылили еще тайын-сыра. Быка освежевали, тушу разрезали на куски.

— Пусть будет у Киреметя,— начал жрец,— пусть будет у Валем Хози, пусть будет у Илькумера, Михенбера, пусть будет у Вылах добрый тайын-сыра и наш чюк... Пусть наслаются.

К обеду послы съели все мясо, выпили тайын-сыра, снова помолились, встав на колени лицом к востоку. Потом стали разглядывать священное дерево: что им ответит Киреметь? Если он недоволен, на дереве покажутся два пера, а даст согласие — одно. Но бывает, что ему безразлична людская затея, тогда он вообще не даст о себе знать.

Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, вот, вот! Добрый Киреметь с нами!

И впрямь, на священном дереве белело одно-единственное гусиное перо. Оно говорило людям: боги одобряют начатое дело.

Вот почему мудрые старцы надеялись, что Киреметь побережет послов.

Однако тревожились и стар и мал. Уже подумывали, не послать ли гонцов, пусть разузнают, что там и как.

Но тут разнеслась весть:

— Едут!

Воротились послы с подарками и царской милостью. Сарри-батор рассказал старейшинам, что русские рады союзу, потому что сами терпят много бед от ханских набегов.

С этого времени никто больше не уводил насильно юношей на ханскую службу, не увозил чувашских девушек, разлучая с родными.

Но так продолжалось недолго. Однажды пронесся слух, что новый казанский хан, жестокий Едигер, грозитя отомстить всем, кто отпал от Казани и перешел к Московии. Несметные полчища хана двинулись на Чувашию.

Сарри-батор собрал было войско, чтобы встать на пути врага, но оно рассеялось, как тополиный пух от порыва ураганного ветра, силен, могуч был Едигер, разбил чувашей, разграбил земли, пожег дома.

Те, кто уцелел, ушли в леса.

Время было весеннее, и люди ставили шатры, шалаши, рыли землянки, не теряя надежды вернуться к зиме на родные пепелища и отстроиться заново. Не оставит их Московия без помощи, не может быть, чтобы хан одолел Грозного царя. Стало быть, надо готовить семена, а заодно и новые срубы.

Между тем послы, ездившие к царю, привезли счастливую весть — москвитяне собирают огромное войско, готовятся идти на Казань, дабы навечно изгнать Едигера. Они просили чувашей и черемисов помочь им людьми и конной тягой.

В начале лета русские войска стали переправляться через Суру. У них были длинные ружья и большие пушки. Чуваша помогали войску чем могли — несли хлеб, мед, вели лошадей. На привалах солдаты пели незнакомые песни, и чуваша подтягивали им, хотя и не знали слов.

Вскоре войска пошли дальше, а вместе с ними двинулись и чувашские отряды во главе с Сарри-батором.

Русские, чуваша, черемисы осадили Казань, им помогали аулские татары, которых хан замучил поборами. Осада длилась долго. Гремели русские пушки, стрелы градом сыпались с обеих сторон. По ночам люди грелись у костров и Сарри-батор веселил воинов песнями, которые пел под шыбыр.

Однажды к осаждавшим прибыли ханские послы.

О чем они говорили с военачальниками, никто не знал. Одно стало известно — в конце переговоров попросили прислать им певца-волынщика. Пусть, мол, явится в крепость, хан желает его послушать.

Воины не хотели отпускать Сарри-батора. Видно, мстительный хан надумал заманить к себе чувашского полководца и расправиться с ним. Однако царь, которому доложили о просьбе хана, призвал его к себе и о чем-то долго с ним совещался.

И пошел Сарри-батор в свой последний путь.

Удивительное было зрелище. От землянок чувашского лагеря в сторону крепости не спеша, будто меряя землю, шагал музыкант, наигрывая на шыбыре-волынке. Воины, словно зачарованные, смотрели ему вслед, слушали затихавшую вдали песню. Только несколько человек из царской свиты и сам царь, казалось, ничего не слышали, сосредоточенно считали шаги батора. Вот певец уже у ворот города, вот он скрылся за стенами.

— Большую помощь оказал нам Сарри-батор, большую помощь, — вздохнул царь, лицо его было мрачным.

Кто-то из чувашских военачальников спросил царя:

— Хотел бы я знать, о какой помощи вы говорите, батюшка? Кто знает, вернется ли Сарри-батор? В лучшем случае песни его ободрят осажденных.

— Пусть, — сказал царь, — пусть приободрятся. Недолго им песни слушать.

Уже потом стало известно, что русский царь решил вести подкоп под стены, а сколько до них шагов, точно никто не знал. Ошибаться нельзя. Пороху маловато. Вот и считал царь шаги батора, чтобы, значит, ошибки не было, взорвать, так уж наверняка, под самой стеной.

Прошло сколько-то времени, и под крепостью загрохотало так, что в небо поднялись глыбы камней, тучи песка, а в стене образовалась брешь. В нее кинулось войско царя. И долго еще над полем брани звучали разноязыкие крики победителей.

А Сарри-батора так больше никто и не видел.

НА ЗАКАТЕ

*Добрый конь бежит —
 земля дрожит,
Видно скоро конец дороге.
Ой, бегут года, как в реке вода,
Оттого и душа в тревоге.*

Из народной песни

гляжу, прищурясь, на слепящий закат;
солнце, выбросив два крыла, огненной
птицей плывет над дальним лесом, вот-
вот сядет на вершины сосен.

С запада подул ветер, стало свежо.

— К дождю,— промолвил дед Ендимер, глядя в небо.

Я поднял голову. Над нами ни облачка, чистая глубокая синева. Даже не верилось, что небо заволочут дождевые тучи. Но я знаю, дед не ошибается, недаром его называют в селе живым барометром.

Бывает, Чебоксары предсказывают по радио «ясно», а сельчане, отправляясь в поле, берут с собой плащи.

И глядишь — хлынул дождь.

Вот и сейчас дед пророчит ненастье. А как узнал — мне невдомек. Спросил об этом, стараясь особенно не выдавать своего любопытства. Он лишь пожал плечом:

— Каленое солнце. Чуваши еще говорят — «дождевое». Видишь, как печет на закате.

— Это все?

— Все, да не все... Потяни воздуху.

Я сделал глубокий вдох.

— Ну, и что?

— Как «ну и что»? — удивился дед. — Пары. Водяные пары.

— Ничего не чувствую. Воздух как воздух.

Мы сидим на старом бревне перед дедовым домом, ждем с лугов стадо. Частенько сходятся сюда соседи — поговорить, посудачить о новостях, благо у деда на закате свободная минута: как стемнеет — уходит в ночное.

«Ка-а-ак! Ка-ак!» — слышалось над головами.

— А,— сказал Ендимер,— моя правда. Птицы тоже

непогоду чувствуют. Гляди, вон ласточки заметались...

Некоторое время мы наблюдали за птицами, чертившими небо.

— Разные бывают птицы,— заговорил Ендимер.— Наши деды считали, что одни приносят счастье, другие — беду. Скажем, была такая птица — куйкырыш, та приносила богатство. Может, слыхал?

Я покачал головой.

— Мало интереса у вас к старине,— добавил он с укоризной.— Слушай, расскажу тебе об этой птице.

Мне показалось, в глазах старика мелькнула лукавая искорка.

...В соседнем селении жил когда-то богатый мужик. Звали его Ямбар. Ямбар из рода Багая. Ох, и богатый был. Одиннадцать мельниц у него вертелось в окрестностях. Из них три — водяные. В Симбирск-городе лавки держал — торговал яичками да пухом. Помню я его, хорошо помню. Бывало, тройка у дома стоит наготове, кони — огонь, все вороные. Тарантас с рессорами. Свистнет ямщик — понесутся быстрее ветра, только пыль к небу.

Говорили о Ямбаре разное. Но больше всего о его богатстве, откуда оно взялось. Дескать, дед его Багай поймал птицу куйкырыш — и пошло от нее все благоденствие.

Птичка-невеличка, с воробья, может, чуть больше. Хвостик у нее красный, по бокам — белые полосы. Откуда она взялась? Сказывали, будто петух, проживший семь лет, сносит три яйца. Из одного вылупляется змея, из другого — собака, а из третьего — сама куйкырыш. Вот она и дает богатство, лишь сумей словить.

— И что же — всяк разбогатеть может?

— Да, вроде бы так.— Дед замялся.— Точно не скажу, иной раз сомненье берет. Вот послушай, жил в нашей деревне мужик Тэвенеш. Бедняк из бедняков. Весь их род был таким: хлеб водой запивали. Тэвенеш этот на гражданской погиб. Кавалеристом был. Помню, сам рассказывал мне любопытную историю.

Пошел однажды в лес, забрел в самую глушь. Грибные места искал... Заплутал, да и вышел на большую поляну. Смотрит, сидит на кусточке птица. Хвост красный, а по бокам белые полосы — куйкырыш! Обрадовался Тэвенеш, стал подкрадываться. Птичка сидит, хвостик красноперый чистит.

Подобрался к ней Тэвенеш, протянул руку, птица, то ли почуяла недоброе, а может, ей надоело сидеть на одном месте, вспорхнула и плавно понеслась над поляной. Тэвенеш, не будь дураком, прыг следом да схватил ее за кончик хвоста. Птица пискнула, и только он хотел ее ладонью накрыть — оступился и упал в яму, головой о сучок ударился, весь лоб расшиб. Худо ему было, свет в глазах померк. А когда опамятовался — птицы и след простыл, лишь на травке перышко красное.

— Вот и смекай теперь, всем ли она приносит счастье.. Таким, как Тэвенеш, и птица не дается. А вот почему у иволги желтое оперенье, знаешь? Это наши старики тоже по-своему объясняют.

ПОЧЕМУ У ИВОЛГИ ЖЕЛТЫЙ НАРЯД?

Ендимер задумчиво поглядел вдаль. Оранжевый круг солнца тонул в зеленых волнах леса, небо по горизонту было золотисто-синим, а легкие облачка казались совсем прозрачными.

— Когда-то иволга была некрасивой, перышки неказистые, серенькие, под цвет земли. И звали ее пикайк. Но была она добрая, доверчивая, с отзывчивым сердечком.

Так пикайк жила, по утрам с подружками щебетала, на солнышко глядела. Однажды стало ей жаль солнышка. Нет у него подружек, одно-одинешенько день-деньской бредет по небу. Верно, скучно бедняжке.

Так подумала, вспорхнула с ветки и полетела. Долго летела, через семь небес. Вот уже и солнце близко.

— Здравствуй, Солнце красное. Верно, тошно тебе в небе одному. Хочешь, я спою тебе песенку?

— Спой, добрая птица, — ответило Солнце. — И как это ты догадалась повеселить меня? Никто еще не жалел Солнца. Я-то всех грею, а меня — никто.

И пропела пикайк Солнцу лучшие свои песни.

На прощанье сказало Солнце маленькой птичке:

— За доброту твою, за веселые песни подарю я тебе новый наряд. Пусть он напоминает тебе о нашей встрече.

Радостная вернулась пикайк домой, в родную рощу. Перья ее сверкали, как лучи солнца. А люди, увидев ее

в новом наряде, стали звать «саркайк», что значит птица со светло-огненным оперением.

И сейчас дружит иволга с Солнцем. Стараются быть поближе к нему. Потому и вьет свои гнезда на самых верхушках деревьев. А по утрам дает знать о себе дружку: дескать, все у меня хорошо, все в порядке, порхает над деревом, поет-заливается.

Говорят, деревенское наше солнышко лучшее лекарство от всех болезней. Иволга тоже хворому человеку помощница. Недаром от желтухи у нас лечатся водой, настоянной на ее перьях. Многим помогает.

— Я и сам видел, как лечились чуваши этой настойкой.

— То-то и оно,— ответил дед,— в каждой сказке своя правда.

— А нет ли у тебя еще байки о какой-нибудь птице.

— Как же нет,— усмехнулся дед.— Вот, скажем, о голубе. Она так и называется:

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ГОЛУБЬ?

Дед опять вынул трубку, да так и не закурил: уж больно хорошо дышалось под вечер. А тут еще ветерок с полей подул: принес с собой запах чебреца, терпкий аромат разнотравья.

— Ну, так вот,— сказал Ендимер,— хорошего человека иной раз зовут голубем. И не зря. Всякое слово свой смысл имеет. Голубь по-чувашки — кавакарчан, похоже на «кавакарчин» — то бишь голубой человек. В этом вся суть!

Голубь — по преданиям — сын солнца и неба. А северное сияние приходится ему бабушкой. Ты примешь, как переливаются у него на шее перышки, какие цвета, краски! Про голубя всегда говорили, что он весь в бабушку. Верно, и характером пошел в нее, ведь у бабки воспитывался.

Жил он у нее, пока не вошел в зрелые лета, и тогда бабка решила послать его к людям на землю — дарить им добро и правду. Провожая, сказала внуку:

— Дед твой Хель был злым. Ничего хорошего люди от него не видели. Просили дождя, он сыпал град. А когда они нуждались в тепле, он заметал поля снегом. Его называли Богом холода и зимы, тогда-то я и поссорилась

с ним. Пусть люди, узнав тебя, забудут все плохое. Неси им добро и правду.

— А в чем она, правда? — спросил внучек.

— Правда — в любви.

— А добро?

— Делай все, чтобы люди радовались. Это и будет добро.

Сошел внук на землю и стал жить среди людей. Радовал их добрым советом и помощью. За это они называли его — кавакарчин.

Однажды он повстречал девушку, и они полюбили друг друга. Но нашлись злые языки, стали дразнить кавакарчина, судить-рядить, чистую душу мутить.

— Как же ты, небесный человек, можешь ласкать земную женщину. Не пара она тебе!

И чего только не наплели ему о девушке.

Обиделся кавакарчин, обернулся птицей и полетел. Не хотела девушка отпускать любимого, побежала за ним, заплакала. Но ничего не помогло, да и кавакарчин уже не мог стать человеком. Он только опустился на минуту, запрыгал вокруг девушки, заворковал с горя: «Кулюк, кулюк», что означало — «милая, милая». С тем и улетел.

Да так навсегда и остался голубем.

Слово «кавакарчин» с тех пор изменилось, люди стали называть голубя — кавакарчан.

Видел северное сияние? В давние времена люди говорили: это бабушка смотрит на землю, ищет своего внука.

...Я хотел попросить деда рассказать еще что-нибудь, но с околицы, мыча, потянулось стадо. Дед заторопился к воротам, чтобы встретить свою корову да позвать соседку, чтобы подоила. А там, глядишь, — и в ночное пора.

ТРОПА АХУНА

*Не вернулся бы я в деревню,
Не вернулся бы я в родню,
Да зовёт меня березонька,
Машет ветками под окном.
Ещё манит меня небо синее,
Небо синее с ясным солнышком
Над моей родимой кровлей.
Не вернулся бы я в деревню,
Не вернулся бы я в родню,
Не могу забыть отца с матерью,
Не могу забыть...*

Из народной песни

Лорит костер...

В его слабых отблесках мелькают тени пасущихся лошадей. Они то появляются, то исчезают. Все вокруг — и тени, и лес, безмолвно чернеющий вдали, и сонный крик неизвестной птицы — кажется каким-то призрачным, нереальным.

Я подбрасываю в огонь валежник. Жадное пламя лижет хворост, с треском сыплются искры.

Дед Ендимер не спеша рассказывает нам о бунтаре по имени Ахун. Мы с подпаском Васькой лежим, стараясь не пропустить ни слова. Рот у Васьки открыт, курносое лицо розово от огня и густых веснушек. А чуть поодаль от нас Петюшка, резчик-умелец, ни минуты не сидит без дела. Вот и сейчас, слушая деда, ловко орудует ножом, мастерит кнутовище.

...Вот, стало быть, сослали его в Сибирь, за то, что побил он самого улбута¹. Улбут помог соседним богачам выкрасть девушку, которая была невестой Ахуна. А без любви человеку какая жизнь?

Улбут знай прохаживается по деревне, животом вперед, усмехается. Сибирь, говорит, угомонит разбойника. Она, матушка, велика. Тайга, тайга на тыщи верст, болота, зверье дикое. Попробуй сбежать! От зверья ушел, в болоте не увяз, пуля стрелка настигнет.

Но, видно, свобода сильнее цепей. Что там цепи! Ими разве что медведя удержишь, неразумного зверя. Чел-

¹ Землевладелец, помещик.

век иное дело. Умом силен. И уж если зовет его родная земля, тут уж ничем не удержишь. Свобода! Не страшны ей ни леса, ни болота.

Ровно через год объявился Ахун здесь. Как он вырвался, как бежал с каторги, одному ему известно. Ходили слухи, будто на лбу у него клеймо выжжено, на руках следы от колодок. И еще поговаривали, что поклялся он матерью отомстить всем, кто заставил его испытать чашу горя.

И правда, как только появился он, стало твориться что-то неслыханное. В собственных хоромах, прямо в постели, нашли убитым богача Пратура, рядом лежала записка: «Не продавайте наших девушек улбутам, проходимцам. Дайте им волю, пусть любят желанных, заводят семьи, рожают детей. Всех насильников ждет такая участь».

На другой день сгорело дотла имение улбута.

Однажды ночью подстрелили начальника ибресинской тюрьмы.

Народ догадывался, чьих рук это дело. Значит, правда, что Ахун не погиб, жив он, вернулся и мстит врагам, тем, что украли его любимую, и тем, что мучили его в тюрьме.

Спohватились и власти. Вызвали из Буинска стражников. Три дня рыскали по следам Ахуна. Обошли несколько деревень, обшарили долину Сархурн и наконец добрались до ближайшего леса. Войти-то они в лес вошли, да обратно не вышли. Нашли их тела на тропе, что зовется сейчас тропой Ахуна.

Прибыли новые стражники. Эти сразу же стали хвалиться, мол, не уйдет от нас разбойник, поймаем и повесим вниз головой, дабы другим неповадно было. Начались розыски, да только попусту, а вскоре и эти стражники исчезли, точно так же, как те, первые.

Тюре-шара, как называли в старину богачей, стали пугливы, как мыши, обходили тропу Ахуна за три версты.

Но снова вызван был большой отряд казаков.

И грачи храбрятся, когда над ними не парит сокол. Казаки были уверены, что схватят Ахуна. Гарцевали на своих конях выкормленных, гуляли по деревням, бражничали. Словом, веселились не к добру. Люди, глядя на них, так и говорили: «Ох, не миновать гулякам руки Ахуна».

И впрямь, недолго они землю топтали. Все та же тропа стала их последним прибежищем, а кони казацкие объявились в бедных дворах деревни Сугуты. Кто их привел, никто не видел.

Люди знали своего благодетеля, да помалкивали. И то сказать — безлошадным житье несладкое. Иной на себе плуг тащит. А тут конь-огонь, как не порадоваться.

Сказано, добрая весть на аргамаче скачет. Во всей волости только и говорили об Ахуне. Богачи даже коней казачьих не отняли. Боялись Ахуна: вдруг до него дойдет...

А бедняки, те молились за его здоровье.

Теперь, когда Ахун был поблизости, никто их не трогал, не смел обижать.

Однажды бедный крестьянин Шамалак не вернул долга богачу-односельчанину. Срок подоспел — а денег нет.

— Погоди до осени, — просил Шамалак богача, — соберу урожай, с лихвой отдам.

Не внял его слезам богатей. Заявился со старостой и увел со двора последнюю корову. Да еще овцу прихватил за проценты.

— Вот теперь, — усмехнулся, — мы с тобой квиты.

У бедного Шамалака детишки мал мала меньше. Как им жить без молока. И хлеба нет, и картошка на исходе.

Загоревал Шамалак, ушел в лес, задумал покончить с собой. Уже и петлю приготовил, на сук забросил. Да в тот же час услышал:

— Эй, добрый человек, скажи, какая нужда тебя гложет?

Огляделся Шамалак — вокруг ни души.

«Видно, — подумал, — мне все это почудилось. Слышал от людей, будто перед самым концом такое бывает — голоса слышатся».

Опять взялся за веревку. И снова голос:

— Эй, добрый человек, не торопись с жизнью прощаться. Скажи, в чем беда твоя... Может, я помогу?

Посмотрел Шамалак по сторонам и опять никого не увидел. Но на всякий случай спросил:

— Кто ты, дух ай человек? Если человек — покажись.

— Нет уж, ты сперва ответь на мой вопрос.

Рассказал тогда Шамалак о своем горе и услышал такие слова:

— Не тужи, я тебя выручу.

Еще раз спросил Шамалак, кто с ним разговаривает — дух или человек. Голос ему ответил:

— Я живой человек, а показаться не могу, неровен час, испугаю. Лицо мое изувечили в тюрьме да на каторге. А вот помочь я тебе помогу, мое слово верное. Ступай и скажи людям: если кто их обидит, пусть придут сюда, к большому дубу, и трижды крикнут: «Ахун», а затем поведают о своем горе.

Вернулся Шамалак домой. А наутро увидел во дворе корову и овцу. Сначала подумал — сбежала скотина от богатея. Но вспомнил про лесной разговор. А тут и сам богатея заявился, руки у него дрожат, лицо точно холстина белая.

— Шамалак, — сказал он, — это я привел тебе корову и овцу. А долг свой вернешь осенью. Когда сможешь, тогда и вернешь.

Узнали об этом люди.

С той поры все, кто терпел без причины от богатея, выходили на тропу Ахуна и трижды звали его. Потом называли имя обидчика и рассказывали про свою беду. На другой день кто-то проучал обидчика.

Власти вконец потеряли покой. Слали губернатору одну жалобу за другой. И вот снова прибыли солдаты. Их было много, все вооружены до зубов. Группами ходили по домам, искали следы Ахуна. Пустили даже слух, мол, никакого Ахуна нет, просто в округе орудует шайка беглых каторжников. Но люди им не верили.

Искали-искали солдаты, ничего не нашли. А в лес не заглядывали.

Тогда начальник отряда вместе с солдатами ворвался в дом Ахуна, выволок на улицу его мать и избил плетью. В тот же вечер Шамалак поспешил к знакомой тропе известить об этом Ахуна.

Трижды позвал его и рассказал о случившемся.

Ахун не заставил себя долго ждать. Точно раненый зверь кинулся к родному дому. Сердце его рвалось от ненависти. Об опасности он не думал: недруги надругались над старой матерью. Он не мог оставить ее в беде.

Солдаты ждали Ахуна — поставили у ворот силки.

Дело было под вечер, не заметил Ахун силков. Запутался. Тут его и поймали.

Заковали Ахуна в цепи.

На другой день солдаты согнали сельчан на площадь перед церковью. Привели Ахуна.

— Покайся,— сказал ему офицер,— сколько жизней погубил. Покайся и сохранишь себе жизнь. Сам за тебя слово замолвлю. Не повесят тебя, отправят обратно в Сибирь. Жить будешь.

Покачал головой Ахун, засмеялся. А лицо у него страшное, на лбу клеймо.

— На что мне такая жизнь? Чем сто лет жить в клетке, лучше год на воле. А нет воли, и жизни не надо.

Костер угасал. Дед молча сосал трубку. Вася поднял голову и чуть слышно сказал:

— О таких вот и складывают сказки.

— Сказки,— сердито буркнул дед.— Правда это все, чистая правда.

— Да мы верим, мучи,— торопливо заверил Петюшка, желая смягчить старика,— дальше-то что, где у этой правды конец?

— Будет и конец,— ответил Ендимер, искоса взглянув на пристыженного Ваську,— только не такой, верно, как ты думаешь.

...Сказал Ахун про вольную жизнь, поглядел в небо. А там в синеве сокол парит. Медленно так, расправив крылья. И крикнул Ахун:

— Люди! Был я свободен, как птица, и у меня было два крыла. Одно крыло — любовь к вам, таким же беднякам, как и я, а другое — ненависть к палачам. Был и я когда-то молод и зелен, как эта трава. Дурного никому не делал, в добро верил. Ан нет его, добра, нет правды, потому что все им позволено, кровопийцам, казнить нас и миловать. Кто дал им такое право?

Тут офицер как закричит: «Молчать!» Толпа загудела, но сразу же утихла, стараясь уловить каждое слово Ахуна.

А он продолжал:

— Не сдался я им, и вы не сдавайтесь, кровь за кровь!

Офицер замахнулся шашкой и приказал Ахуну просить у народа прощения, иначе разбойника все проклянут.

— Цветок засохнет, если пчелы его невзлюбят,— совсем уже тихо произнес Ахун,— то же и со мной будет, если люди от меня откажутся. А ведь я за них жизнь отдаю.

Словно плеткой стеганули по сердцу слова Ахуна. Закричали деревенские парни: «Спасем Ахуна», «Смерть палачам!»

Бросились сквозь толпу, но старики удержали отчаянных. Зря, мол, только головы сложите, не нам тягаться с солдатами, у них ружья — близко не подпустят. А наш Ахун еще вернется, непременно вернется, не такой он человек, чтобы в неволе сидеть.

Едва уgomонили парней.

А тем временем солдаты окружили Ахуна, готовясь в дорогу. Ахун трижды поклонился людям и сказал:

— Эй, ял-йыш, не поминайте лихом. Еще встретимся.

— Ишь ты, храбрец,— посмеялся офицер,— значит, смерть лучше тюрьмы? Вот тебе кинжал. Коль не дорога жизнь, покончи с собой, и нам меньше возни. А? — И снова засмеялся.

Засмеялись и солдаты.

Взял Ахун кинжал в свои закованные цепями руки.

— Хорош,— сказал,— булатная сталь.

— Так что ж, боишься?.. — спросил офицер. И не закончил. Сверкнула сталь, и кинжал вонзился в сердце карателя.

Ахнул народ. Растерялись солдаты. Но быстро опомнились. Словно бешеные псы набросились на Ахуна. Еще крепче скрутили беднягу, привязали к телеге да и поспешили вон из деревни.

С тех пор никто больше не видел Ахуна.

Одни говорят, будто казнили его в губернском городе, другие — что сослали в Сибирь, а то еще слух прошел, будто в пятом году видели его в самой Москве на баррикадах...

ПЕВЕЦ

*Коли доброе зерно посеяно,
Добрым колосом обернется.
Коли доброе дело содеяно,
Доброй памятью отзовется.*

Из народной песни

А вот послушай историю. Не знаю, что в ней правда, что придумка, ведь с тех пор лет сто прошло, а может, больше. От деда своего слышал. Бывал он за Чебоксарами.

Приехал в одну деревню русский, по виду барин: живет на нем с цепочкой, шляпа, очки. А лицом прост, глаза добрые.

Остановил свой тарантас на площади возле крайнего дома. Огляделся по сторонам, видно, все ему здесь в диковинку. Ребятишки поодаль в лапту играли, как увидели барина, попритихли, рты разинули. Кто-то крикнул:

— Вырас килче! Русский пожаловал!

Стоят, глядят — что-то он делать станет! Которые посмелей, подошли поближе, однако расстояние держат — боязно.

Русский ласково усмехнулся, поманил ребятишек пальцем.

— Кил! Идите сюда.

Ребята помялись, сделали шажок, другой. А русский все улыбается.

— Что ж вы, — говорит, — первый раз человека видите? Может, вас очки мои пугают? Так я их снять не могу, — повертел очками и снова надел. — Я, братцы, без очков, как без рук. Не вижу, глазами слаб. Без очков даже не различу, кто вы: мальчики или девочки.

Ребята рассмеялись — страх прошел. Один из них, черноголовый, подошел близко. Русский с ним поздоровался за руку. Потом вынул из кармана пулу.

— На. — сказал, — ешь, храбрец.

Мальчишка на радостях — пряник в рот.

А русский между тем достал из тарантаса кулек с пряниками — и ну угощать. Никого не обделил.

Тут и взрослые подошли. Видят, человек хороший, позвали в гости — так обычай велит.

Сидит русский в избе, на столе хлеб-соль, молоко из кружки пьет, по-чувашски разговаривает, о житье-бытье расспрашивает. А потом и о себе сказал, какая нужда привела его к чувашам. Оказывается, он ученый, песни собирает, вот желал бы узнать, есть ли в деревне певцы.

— Давеча, — говорит, — ехал лесом, ох и знатно кто-то пел неподалеку. Видно, на грибы набрел, да и запел на радостях. Не ваш ли сельчанин?

— Никак, это Хведи, — отозвался кто-то из хозяев.

Тут же послали ребятишек — найти песенника.

Явился Хведи, поклонился гостю и встал в сторонке. Мужик как мужик, землепашец, от других не отличишь.

Русский попросил его спеть.

— Спой, Хведи, спой, не робей, и мы послушаем, — подхватили крестьяне.

Хведи бровью повел, приглядываясь к гостю. Чудной, дескать, русский. Таких еще не бывало. Исправник ли заедет в село или судья, — от них кроме крику ничего не услышишь. А этот жизнью интересуется, песни ему нужны.

Гость, видно, понял, о чем Хведи думает, сказал негромко:

— Хочу, — говорит, — в русском журнале ваши песни напечатать. А то, мол, некоторые думают, что нет у чувашей стоящих песен. А я не верю... Не тебя ли я в лесу сегодня слышал?

Хведи кивнул головой и запел:

Кукует кукушка на елочке,
Во ржи поет перепелочка,
Соловей засвистел в черемухе,
Отчего бы и нам не запеть.

Даже не верилось — этаким мужичок невидный, а голосище! Прямо волшебство какое-то...

Эх, свистит соловей в черемухе,
Не пора ли и нам запеть.

Голос то звенел с веселым озорством, то стихал печаленно, и слышался в нем ручеек лесной, звонкий и ветра тревожный шум.

Русский торопливо записывал в тетрадь, люди только диву давались, как быстро бежит по бумаге гусиное перышко.

Ой, не станет молочком ряженка,
Не станет девчонкой вдовушка.
Я спросил ее: «Улыбнись разок,
Позови весну, дорогой дружок».
Отвечала так: «Что весну дразнить».
Видно, век уж мне в женихах ходить.

Долго пел Хведи. Потом умолк, взглянул на русского, глаза прищурил: «Ну как, дескать, понравилось?»
— Еще, Хведи,— попросил русский,— спой еще.
И Хведи затянул новую песню.

Куда ж ты в дождь, ласточка,
Да в темную ночь,
Капли с крыльев падают,
Уж лететь невмочь.
Куда ж ты в ночь, девица,
На свою беду.
Наземь слезы катятся,
Я следом иду...

Кончил, перевел дыхание, да вдруг как зачастит на два голоса:

- Пойдем-ка, невестушка, семилистник рвать!
- Семилистник стар, не пойду, дружок!
- Ой, пойдем-ка, невестушка, за борщовником!
- Ой, борщовник, дружок, не вырос.
- Пойдем-ка, невестушка, за ягодками!
- Не пойду, дружок, не спели еще.

Пел Хведи одну песню за другой. Песен у нас, что сосен в бору. Гость едва успевал записывать.

Тэвик, тэвик, пигалица,
Где же твое гнездышко?
— В конопляном полюшке.
Нипочем ему ветер злой,
Защитит его березка белая.
— Защитила бы, да листочков нет...
Еще верба растет недалечко;
Только верба та тож печалится,
От плохих корней поусохла вся.

Русского звали Ознобишиным. Так открыл он народного певца. О Хведи вскоре большая слава пошла. И остался он в истории под именем Хведи Чувашского.

НАРУТНИК

*Птицу в воздухе держат крылья,
Человека на земле — правда.
Не посечь ее саблей вострой,
Не убить царевым указом.*

Из народной песни

Сегодня мы ночуем в Кучум-поле. Знаете ли, где оно? Кто бывал на юге Чувашии, знает: много всяких историй ходит о нем среди местных жителей. Вот одна из них.

...Давным-давно сибирский царь по имени Кучум, возвращаясь на родину после долгих походов на Русь, остановился здесь на отдых. Но чувашки не жаловали грабителей-чужеземцев. И однажды ночью юхминский тархан внезапно напал на войска Кучума. Жестокая была схватка. Бросив раненых и всю свою добычу, Кучум бежал. С тех пор зовется поле кучумовым.

В мокрой от вечерней росы траве, фыркая, пасутся кони. Не стоит им на месте, нет-нет и подойдут поближе к костру. Поглядят то на огонь, то на нас и, мотнув головой, словно извинившись, отходят в сторонку.

Сегодня в ночном лишь мы с Ендимером. Подпаски наши днем работали на ферме, сейчас, наверно, третий сон уже видят.

А мы здесь сидим, играем в молчанку.

Сам не пойму, что со мной творится... Тоскую. Думаю о той, что осталась в Чебоксарах. Больше двух месяцев не виделись, все уже сердцу не мило.

Ночь темна, небо в звездах. И дед молчит как назло, будто язык проглотил. Чувствует, что мне не до него, и тоже замкнулся.

Удивительная вещь — разлука. Когда живешь вдали от любимого человека, вспоминается каждая мелочь — слово, улыбка, жест. Иногда такое найдет — дышать трудно. И лезут в голову всякие мысли.

А ждет ли?

— Затосковал, значит? — Голос Ендимера донесся словно бы издалека.

Повернувшись на бок, ощущая теплоту примятой травы, я подбросил в костер хвороста. Пламя осветило дедову щеку, темную, как старый глиняный горшок.

— Да, плохо,— сказал я вслух,— каждый день письма пишу. На душе мутно. Говорят же — письма для глаз, свидание для сердца.

— Хороша она, верно, а?

Я пожимаю плечами: шутит или впрямь любопытствует. Молча вытаскиваю из кармана фотокарточку. Дед смотрит долго, я начинаю терять терпение. Может, не понравилась?

— Как Серси, хороша,— говорит он чуть погодя, и в груди моей закипает обида: «Серси! Воробей! Что же он лучшего сравнения не нашел?»

— А что тут на обороте, стихи, что ли?

— Ну, стихи.

— И-и, ты, значит, еще и поэт?

— Нет, не поэт. Просто написал для нее.

— Да-а-а,— протянул дед,— чего не сделает любовь.

И так уж получилось, я взял у него карточку и прочел вслух:

Передо мной твое лицо,
Ты смотришь ясным взглядом.
Так отчего же я грущу,
Ведь ты со мною рядом.

Прочел и замер, чувствуя, как горят щеки.

Дед задумчиво произнес:

— И у Мигула было похожее стихотворение.

— У какого Мигула?

— Нарутника.

Я не понял, переспросил.

— У того самого,— ответил дед,— что когда-то приезжал к чувашам и подружился с нашей Серси.

Вот оно что. Серси — имя девушки. Как же я раньше не догадался. Не мог дед обидеть мою невесту воробьиным прозвищем.

— О каких временах ты говоришь, мучи?

— О давних, сынок. Я тогда, как и ты, молод был. Силу в руках чувствовал... Бывало, вернусь с поля, спина гудит, а ничего — бегу в хоровод.

Однажды вот так же затемно вышли мы в село на гу-

лянку. Девчата хоровод повели. Иные в стороне под шыбыр петь стали. А силачи, как всегда, борьбу на траве затеяли. Ну и я с ними... И только, помнится, перебросил Сантубая через голову, как со стороны реки вышел к нам парень. Высокий такой, ладный, лицо белое, с бородкой.

— Чапла, чапла,— сказал, и эдак твердо «че» выговаривает.

Мы тут же смекнули: «чужой!» Некоторые парни давно точили зубы на соседей, кое-кто стал уже рукава засучивать. А парень даже не взглянул на них, подошел ко мне, подал руку. «Коля»,— назвал себя.

Русским оказался.

Так мы с ним познакомились. Молодец был хоть куда! Студент, образованный. В Питере у чувашских купцов наш язык изучил.

С полгода прожил в наших краях, все наезжал из города. Называли мы его Мигулой, а то и просто — на-рутником. Собирал он молодежь, с речами выступал против царя. Сначала страшновато нам было, потом привыкли. Ругал он помещиков, заводчиков, купцов, а нам рассказывал про жизнь и где правда, и как ее искать.

Мол, все люди одинаковы и права у всех должны быть равные. Почему же один — богат, у другого хлеба в обрез? Один хозяин, другой раб. И не найдешь управы на обидчика, потому что богачи друг за дружку держатся, ворон ворону глаз не выклюет. Но придет время, поднимется народ, свергнет царя. Для этого надо нам объединиться. Один в поле не воин.

Нравились нам его слова. Да и сам пришелся по душе: уважал чувашей.

— Вы,— говорил Мигула,— народ работающий, умный. Беда в том, что неграмотные. Письменность вам нужна, ученые люди. Ведь вот — каждому в отдельности правды не объяснишь. Напишешь — все прочтут. А вы читать не умеете. Была ли у вас письменность когда-нибудь? Иногда мне кажется, была. Видел вышивки ваши, сурбаны, платки. И каждый рисунок будто соткан из букв неведомого алфавита.

— Да,— дед помолчал, собираясь с мыслями...

И жила в нашей деревне девушка по имени Серси. Красавица. Парни так и сохли по ней. Серси — хорошее имя. Если б ты знал древние обычаи, понял бы.

Я благодарно взглянул на деда, а он, перехватив мой взгляд, усмехнулся.

— Так вот, почему ее так звали? Потому что в семье до нее были две девочки и обе умерли, а когда родилась третья, родители назвали ее Серси, чтобы Эсрел, бог смерти, не смог ее найти. Спутает ее с воробьем и запрет воробья в темное царство, а девочка останется жива.

И вот Серси выросла и стала красавицей.

Я был счастливей других: жили мы с ней по соседству и каждый день виделись. Бывало, выйдет за калитку, взглянет синими очами, улыбнется, и я уж целый день как на крыльях летаю.

Помню, дарил ей цветы, а весною в праздник первого цветка надевал ей на шею венок из подснежников. А это означало, что каждый, кто посмеет ее обидеть, будет иметь дело со мной. Я все ждал... Ждал, когда она, улыбнувшись, подарит мне вышитый платочек. С этого момента назовут меня женихом, а ее невестой.

Но вот по деревне прошел слух, будто Серси встречается с Мигулой.

Я вначале не поверил, только внутри что-то оборвалось. Нет, думаю, не может того быть. Мало ли пустомелей в деревне. Болтают невесть что. Да и Серси была со мной ласкова, с хоровода вместе ходили. Правда, в иные вечера не выходила Серси к подругам, может, дома сидела, на работе-то за день умаешься.

А сердце щемит, щемит... Мысли путаются.

Мигула-то мне другом был. Придет в деревню и сразу ко мне. Стихи читал. Русские стихи. О чем — невдомек мне, а слушать нравилось. Будто ручей журчит, а то вдруг как громом ударит. Я их запоминал и повторял слово в слово, хотя и не понимал смысла. Память у меня была, не то что нынче — мешок дырявый...

Ну вот... Разве мог я на него подумать. Да и неловко как-то, уж очень серьезный человек. Только о свободе и разговаривал, о том, как буря очистит мир, смоят вешние воды грязь с земли. Правда, однажды смущенно так улыбнулся и сказал:

— Вот, написал стихотворение, не совсем привычное, друзьям, может, и не понравится. Они ждут о борьбе, а я соловьем залился. И тут же перевел.

Я мыслями всегда с тобой, заря моя,
Я вижу тебя во сне, разговариваю с тобой,

А мне хочется быть рядом, всегда рядом,
Чтобы видеть тебя, слышать твой голос...

Вот ведь как. Я даже подумал, не о Серси ли оно. Нет, глупости... Зачем студенту писать о любви к простой чувашской девушке? Не мог понять, что любовь преград не ведает, перед ней, как перед богом, все одинаковы.

Как бы там ни было, затосковал я шибко. Жду, явится мой друг названный, все у него расспрошу. Не смолчу.

Осенние работы к тому времени кончились. Девчата стали собираться на посиделки. В один из таких вечеров в окно к нам постучали. Вышел во двор, гляжу — он, Мигула. И какой-то весь на себя не похожий. Лицо бледное, губы сжаты.

— Ендимер,— прошептал, а сам оглядывается,— дело есть. Рискованное. Нужно пять-шесть смелых парней-егетов. Если можно, договорись сегодня же. Пусть готовят кинжалы, коней. Дорога дальняя. Послезавтра, как Большая Медведица взойдет над селом, соберетесь у околицы.

— Да в чем дело, толком скажи!

— Пока не могу, верь на слово, ради блага людей рисковать будем. Потом все объясню.

— Ладно,— говорю,— верю.

Пожал он мне руку, тряхнул и исчез.

«Что он задумал такое? А вдруг недоброе. Не находил я себе покоя. Идти или не идти? Нет, думаю, человек за правду стоит, худого не затеет». И пошел искать дружков.

Охотники, само собой, нашлись. Смельчаки у нас не переводились. Да и Мигулу знали.

На другой день и кони готовы, и кинжалы наточены. Но тут случилась беда. Беду, как говорится, не ждут, сама приходит. К вечеру в село прибыли урядник со старшиной. Собрали народ, объяснили — ищем, мол, русского бунтаря. Не видели такого?

— Нет,— говорим,— не видели.

— А по нашим сведениям, он у вас в деревне! — поднял голос урядник.— Он бандит, супротивник царя-батюшки.

А мы на своем стоим, не знаем такого, и все тут.

— Добром не выдадите,— закричал урядник,— сами найдем, тогда на себя пеняйте! Поставим на околице черный столб.

Черные столбы ставили в деревнях, когда усмиряли бунт. Столбы проезжих отпугивали. В такой деревне не останутся на ночлег ни обоз, ни путник. И торговать нельзя, не выгодно — налог повышен.

Не пужливого мы десятка, но все ж столб нам ни к чему, вот мы и обхитрили старшину. Посулил он нам награду за поимку бунтовщика, мы и согласились для виду.

Мигулы в деревне не было, и никто не знал, где он. Ищи ветра в поле. Да если бы и был, не принято у нас друзей выдавать.

В ту же ночь исчезла и Серси. Думали, в лесу заплутала, искали по глухим тропам, не нашли. Пропала наша красавица. А мне не верилось, что Серси погибла, чуяло сердце — жива. Тогда и пришло мне в голову: а не пошла ли Серси в город, предупредить Мигулу об опасности?

Хоть и царапала сердце ревность, а не забыл я о слове, данном нарутнику. Ночью мы семеро на конях выехали за околицу. Ждали, ждали, да все зря — не пришел Мигула. Так на зорьке и разошлись по домам.

Мигула не объявлялся, Серси тоже не было. Видно, вместе они где-то схоронились. И удивительное дело, понемногу перестал я горевать, привык, что ли, что так оно и должно быть. Об одном думал: поскорее бы нашлись они живы-здоровы. Пусть любят друг друга, только бы были живы.

Но проходил день за днем, а от них ни весточки. Бывало, сижу, думаю, изведусь вконец. Порой так и толкало меня оседлать коня и айда на поиски. Может, им подмога нужна, рука дружеская. Что-то делать надо, не сидеть же сиднем.

Прошла еще неделя, другая...

А вскоре дошел слух, которому и поверил-то я не сразу. На солдат, что вели каторжников в Сибирь, напали студенты, выручить хотели товарищей, которые на царя покушались. Да не вышло у них, подоспели стражники, стрельбу подняли. Погибло в бою человек десять, среди них будто был один русский студент и чувашская девушка.

Старик стал разжигать трубку. Горящая ветка дрожала в его руке.

— Вот так,— сказал Ендимер,— и кончилась моя любовь. Знала ли Серси о моем чувстве, догадывалась ли, не знаю и никогда не узнаю. Да и к чему, может, оно и лучше.— Ендимер долго глядел в костер, потом встрепенулся: — Мигулу я не винил. Он ее не обидел, не украл — сама ушла.

Морщинистое лицо деда было печальным.

МЫСКАРА

*Две руки — работай добыта.
Две ноги — ходи без оглядки.
А язык у тебя одишеенок,
Пусть же речь твоя будет краткой.*

Из народной песни

Наконец-то дед пошел на поправку — банька помогла.

Попарившись вволю, сидел он у печки, розовый, помолодевший, и рассказывал мне о проделках Патяна.

Я не сразу понял, кто он, этот Патян, но дед в ответ лишь беззвучно засмеялся.

— Как это — кто? Землепашец, известное дело. Чуваши землю любит, а земля человека мудрым делает. Вот и был таким Патян — умница, выдумщик, никому спуска не давал и остер на язык — попадало от него и богачу, и попу, и обманщику. Неужто не слышал?

— Откуда он, из какой деревни?

— Из какой, из какой... — Казалось, дед с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться. — Из нашей! А может, из какой другой. Давно его нет на свете. А спроси любого, и тебе ответят: Патян? Наш он, земляк...

Ендимер явно наслаждался моим неведением.

— Удивительная вещь — популярность, людская любовь...

— То-то и оно, — сказал дед, — и приходит она к тем, кто ее не ищет. Патян не искал, вот она к нему и пришла. И навсегда осталась. Побасенки про Патяна называются «мыскара». Хочешь, кое-чего расскажу?

КОЗА В ЦЕРКВИ

Как-то коза Патяна забрела в церковь...

Увидал ее поп, и ну орать, пинать ногами бедное животное. А коза кричит — за околицей слышно.

— Тварь, — бушевал поп, — святое место изгадила! Вот я тебя, шайтанское отродье!

Дед на мгновение умолк, взглянул на меня:

— А знаешь ли ты, между прочим, почему козу кличут шайтанским отродьем? Не знаешь? А вот почему... Когда-то на земле вовсе не было коз. Молоко людям давали только коровы. «Спасибо великому Торе,— говорили люди,— за то, что дал нам корову-кормилицу». Услыхал их Шайтан, дай, думает, тоже сотворю свою корову, пусть люди и меня благодарят. Стал он творить: рога, ноги, туловище — все как у божьей коровы. И молоко есть. Только вот ростом мала, не хватило у Шайтана материала. Да и нравом пошла в своего творца, лезет повсюду, того и гляди беды наделает. Вот люди и называли козу шайтанским отродьем.

Так вот,— продолжал дед,— Патян издалека узнал свою козу по голосу — и бегом в церковь.

Встал перед попом и говорит смиренно:

— Батюшка, зачем гневаешься? Разве ты забыл Евангелие. Там ведь сказано...

— Что? — прервал его поп. — Что там сказано?

— А то: коза, попавшая в храм божий, да будет священной.

— Ну да? — не поверил поп и побежал посмотреть Евангелие, а Патян козу за веревку — и был таков.

МАСЛО В КОЛОДЦЕ

Из губернского города приехал к старосте чиновник. Угостил староста чиновника на славу, и захотелось тому после жирной еды воды попить.

У старосты во дворе колодца не было, и он повел чиновника к Патяну. У того колодец глубокий, и вода в нем чистая, родниковая.

Подняли ведро, напился чиновник вволю и заглянул в колодец: что там плавает, будто снежная лепешка?

— Что это, что это? — любопытствовал гость.

Это было масло, Патян бросил его туда, чтобы оно в жару не испортилось.

— Масло, барин,— сказал староста,— обыкновенное масло.

— Съедобное?

— Само собой.

— Как же оно туда попало?

Тут Патян, стоявший рядом, не выдержал, объяснил:

— А у нас, чувашей, масло в колодце рождается из воды.

— Ах, какая благодать,— поразился чиновник,— счастливые вы люди, чувашаи.

СКОЛЬКО ЗАЧТЕТСЯ ГРЕХОВ

Однажды Патян прибежал к попу.

— Батюшка, батюшка,— сказал Патян, запыхавшись,— скажи, пожалуйста, сколько грехов на совести, если убить одну божью коровку.

— За божью — три!

— А как их замаливать?

— Заказать три молебна да поставить семь свечей,— сказал поп, предвкушая заработок: ведь за свечи церковь деньги берет, и немалые. Да и молебнов давно никто не заказывал, а тут на тебе — целых три.

— Ай-ай-ай,— опечалился Патян,— этак ты, батюшка, разоришься.

— Как это разорюсь? — не понял поп.

— Да ведь твой-то сынок убил божью коровку, и не одну, а сразу две. На лугу. Я сам видел.

Пришлось попу даром отслуживать шесть молебнов и выставить четырнадцать свечей.

С тех пор он с Патяном здороваться перестал.

ПАТЯН И ПУРМИС¹

Сельского пуяна — богача, который был родственником Патяну, выбрали старостой. Однажды приехал к нему пурмис, и они вместе зашли в сторожку. Там, как обычно, сидели мужики и о чем-то судачили. Был среди них и Патян.

Староста, видно, рассказал пурмису о своем бедном родственнике. Вот пурмис и заговорил с Патяном. Видно, обласкать его захотел, одарить денежкой. Даже в карман было полез, а сам спрашивает:

— Значит, это ты Патян, родственник старосты?

— Нет, пурмис, да сохранится до старости твоя борода, — ответил Патян, — не я родственник старосты, а староста мой родственник.

¹ Бурмистр.

Пурмис глазами захлопал и руку — вон из кармана. Так и не получил Патян подарка.

ПЕТУХ ПОМОГ

Нанялся Патян плотничать к богачу, а богач тот был скрягой, кормил Патяна всего два раза в день, да и то не досыта. Утром и вовсе ничего не давал.

Однажды поутру, когда на плетне запел петух, Патян и сказал хозяину:

— Сдурел он, что ли, твой петух? Слыхал, что он говорит? Пора, мол, завтракать. И чего так старается, я ведь не голоден. Да и работать легче на пустой желудок... Кыш отсюда! — закричал Патян на петуха.

Неловко стало хозяину, позвал он Патяна завтракать.

ПОСЛЕ МОЛИТВЫ

Батюшка, кончая проповедь, сказал прихожанам:

— Рабы божьи, мир сей — юдоль горькая. Да придет благодать на том свете. Жить вы будете в раю, под тенистыми кущами, реки там молочные, берега кисельные...

Патян перебил попу:

— Если так, — сказал он серьезно, — отчего же ты, батюшка, в рай не торопишься?

ПАТЯН ПОМОГАЕТ ДЕВУШКЕ

К одной девушке сваталось множество женихов, вконец ее замучили сваты. Не знала она, как от них отделаться. Был у девушки возлюбленный, только он в то время отсутствовал, уехал в город на заработки. Девушка дала слово ждать его и ждала. Родители, видя, что их дочь всем отказывает, осерчали:

— Этак ты старой девой останешься! — корил ее отец. — Слишком уж ты разборчива. Пройдет год-другой, спохватишься, да поздно будет! Нет уж, хватит ломаться. Кто первым сегодня придет, за того и просватаем.

Первым явился сын соседа-богача. Старик сдержал слово, велел выдать за него строптивую дочь. Уже и рядиться стали, а невеста — в слезы. Потом собралась тайком и побежала к Патяну.

— Патян-теде, Патян-теде,— запричитала бедняжка, едва ступив за порог. И поведала ему о своей беде.

— Не горюй, что-нибудь придумаем,— успокоил ее Патян,— больше к тебе ни один сват не явится.

Сказал так и что-то зашептал ей на ухо. Невеста слушала, кивала, глаза ее просыхать стали, а под конец и вовсе заулыбалась, поблагодарила Патяна и со всех ног кинулась домой.

Дома в чулане нашла старое платье, затолкала в рукава сухой конопли и внесла в горницу. Как раз у них печь топилась, сватам угощение готовили. Бросила девушка платье в печь, конопля от жара лопаться стала — на всю избу треск стоит. А девушка — одним глазком на сватов — знай приговаривает:

— А-а, вот вам проклятым и смерть пришла! Много вы моей кровушки попили. Горите в огне, горите!

Переглянулись между собой сваты и говорят:

— И-и, да ведь невеста-то глупа. И неряха к тому же. Надо же так запаршиветь!

Сказали так и пошли вон из избы, даже с хозяевами не попрощались.

С того дня и пошла о девушке слава: неряха, дескать, да еще с придурью. А ей того и надобно: отделалась от сватов.

Скоро и жених вернулся из города, славная была свадьба. Само собой пригласили на гулянье и Патяна. Поблагодарили его молодые за выручку, а невеста поднесла вышитую рубашку.

— Носи на здоровье, добрый человек.

— Э,— сказал Патян,— добрым не проживешь, иной раз и хитрить приходится.

МЫШЬ В СМЕТАНЕ

Пошел Патян в гости к снохе. Не очень-то его сноха жаловала, и на сей раз угощать не стала, даже за стол не посадила.

— Нет,— говорит,— милок, ничего, пусто в чулане... Молочком бы тебя попотчевать, так корова недавно отелилась, все телок забирает. Вот раньше, бывало, молока, хоть залейся. Сметану снимали. Хороша была сметана, нынче и вкус-то позабыли.

А у самой в сенях полный горшок сметаны: Патян, когда еще входил, подметил.

Сноха вышла во двор дать корма корове, а Патян поймал мышь, обмазал ее сметаной и вынес на крылечко.

— Эй,— крикнул он снохе,— погляди, что это с мышкой приключилось? В сенях поймал.

— И-и, проклятушая,— завизжала женщина,— всю сметану перепортила! Полон горшок был! — Вгорячах и забыла, как приbedнялась перед Патяном.— Что же теперь делать? Вылить придется.

— Зачем добру пропадать,— сказал Патян,— давай, я доем. Мышка — она тоже тварь божья, я не побрезгую.

Так Патян досыта наелся сметаны.

А снохе — урок! Не зря говорится: не обманывай — сам обманешься.

ПАТЯН МОЛИТСЯ БОГУ

В церкви шел молебен. А поп в том приходе был жуликоватый, корыстный. Читает молитву, а сам говорит дьякону по-русски:

— Эй, дьякон, дьякон, погляди в окошко, не нам ли несут яички в лукошке?

Чуваши русского языка не знали, и невдомек им, о чем поп говорит, а на слух складно получается. Вот они и думают: «Хорошо читает молитву батюшка».

А Патян, который в тот день был в церкви, все понял. «Глупые люди», — подумал он.

Тут колокола ударили. Стали прихожане расходиться, а Патян все стоит перед образом божьей матери, молитву шепчет, а потом взял да и сказал, громко так:

— Услышь меня, мать божья: у попа нашего глаза завидушие, руки загребушие!

«Хороший человек, верующий», — подумал поп, который не понимал по-чувашски.

— Эй, боже,— продолжал между тем Патян,— если ты справедлив, если ты существуешь, пошли сию минуту болезнь на попа, покарай хапугу.

Но батюшка ходил по церкви как ни в чем не бывало, махал кадилом. Удивился Патян: как же так? Где же божье могущество? Махнул рукой, сплюнул и больше в церкви не появлялся.

КАК ПАТЯН ДОМ ПРОДАВАЛ

Поехал как-то Патян в Симбирскую сторону на ярмарку и заночевал в одной деревне. В той деревне жил скупой и жестокий богач. Он давал людям займы, а потом драл с них три шкуры, так что крестьянам нечем было даже налог уплатить.

Обо всем этом узнал Патян на постоялом дворе. И решил проучить богача.

— Вот что,— сказал он беднякам,— я вам помогу, только найдите мне одежду получше.

На другой день снесли ему кто что мог: один — совсем еще новую шапку, другой — сукман, третий — обувь. Еще привели Патяну коня — гладкого, откормленного. Где уж его раздобыли, одному богу известно.

Принарядился Патян, молодец молодцом, сел на коня и тронулся в путь.

Подъехал он к дому богача, спешился у колодца будто бы воды попить, а тут и сам хозяин на крылечко вышел.

Патян и говорит ему:

— Слушай, добрый человек, ты, никак, всех тут знаешь. Есть у меня дело — дом продаю. Сам в Питер перебираюсь, жаль дом оставлять, совсем еще новый, в лапу рубленый, с пристроечками. Может, кто купит на снос? Отдаю почти даром, по случаю.

У богача и глаза разгорелись.

— Давай,— говорит,— я куплю. Чего добру пропадать, деньги хоть и небольшие, а все тебе пригодятся.

И тут же вынес задаток, испугался, как бы не упустить покупку.

Взял Патян деньги, и поехали они в соседнее село. Патян это село давеча проезжал, видел на околице усадьбу богатую.

Прибыли они в то село, к той усадьбе, Патян и говорит:

— Вот, погляди, каков дом задаром берешь.

Богач ему и остальные деньги в руку сунул.

— Ну, спасибо,— сказал Патян.

Пришпорил коня и помчался, только пыль отнесло к обочине. А богач повелел своим людям разобрать избу. Бросились они к дому, залезли на крышу и давай ее растаскивать. Уже осталось немного — два-три венца, а

хозяин тем временем у соседа гостил. Выбежал — и в крик.

Хозяин кричит, а богач еще громче.

Пока разобрались, что к чему, Патяна и след простыл.

Доскакал он до постоянного двора, где оставил свою телегу, отдал беднякам деньги, одежду и поехал дальше своей дорогой.

НЕ ХВАЛИСЬ ТЕМ, ЧТО СЛЫШАЛ

Один куштан все хвастал, будто он обо всем на свете слышал и все знает.

— Нет ничего такого, о чем бы я не слышал!

— Значит, ты должен был слышать о диком звере по прозвищу Пингайк,— поймал его на слове Патян.

— Ну, как же,— ответил хвастуннишка,— знаю, рассказывали мне об этом звере.

— А вот и не знаешь,— сказал Патян.

— Нет, знаю,— рассердился куштан.

— Давай спорить,— предложил Патян,— на самую жирную овцу. Если выиграешь, в твоём стаде голова прибавится.

— Давай! — согласился куштан.

Ударили они по рукам. Патян и спрашивает:

— А скажи, друг, на кого похож этот зверь: на зайца или на козленка?

— Н-на зайца,— сказал куштан и, увидев, что Патян улыбается, тут же спохватился,— нет, на козленка!

— Эх, ты,— сказал Патян,— никогда не хвались тем, что слышал, пока сам не увидишь. Такого зверя и нет вовсе, я его выдумал.

И забрал у куштана овцу.

СМЕЮЩАЯСЯ ЛОШАДЬ

Однажды поехал Патян на базар. А там посреди площади у телеги старого богача народ толпится.

Оказалось, кто-то из парней присватался в шутку к дочери богача, а та его, как говорится, отбрила. Слово за слово, парень возьми и скажи, дескать, не иначе, как она с каким-то изъяном, раз до сих пор в девках сидит. Богач на рожон полез, и ну хвалить свое чадо: мол, дочь его красавица, оттого и разборчива. Не каждый ей по душе придется.

Дочь слушала, губки дула. А конь богача то ли застоялся, то ли чужую лошадку увидел,— как заржет на весь базар.

— Отец, отец! — закричала дочь.— Смотри, наш конь смеется!

Тут уж и люди вокруг засмеялись, начали расходиться. Все им ясно стало. Богач покраснел, точно рак вареный. А Патян покачал головой и сказал:

— Эх, айван-бедняжка. Разве дело в красоте? Мир красит солнце, а человека — разум.

НЕ ЖАДНИЧАЙ

Однажды Патян с соседом отправились на двух саних в лес за дровами.

Взяли они в дорогу по шыртану¹. Сосед был жаден, захотелось ему Патянов шыртан съесть, а свой сохранить. Думал он думал, как это сделать, вдруг видит — лежит на обочине кряж, толстый такой, ну прямо матица от водяной мельницы.

— Давай поспорим,— вызвался сосед,— кто этот кряж на сани взвалит, тому и шыртан.

Сам он был высок, плечист, а Патян — невысокий, худощавый, с таким спорить можно.

Первым взялся за работу сосед. Тужился, кряхтел, а кряж ни с места. Вконец умаялся, сел на снег и говорит:

— Теперь ты попробуй!

Патян, не долго думая, расчистил снег возле кряжа, поставил в ложбину сани, да и толкнул кряж легонько, тот на сани и лег.

— Как же я-то не додумался,— горевал сосед,— эхма...

— Не был бы жадным — додумался бы,— ответил Патян. — А теперь отдавай-ка шыртан...

МАЛЕНЬКАЯ РАЗНИЦА

Поехал Патян в село Нюргечи, что в долине Кубни, покупать кирпич. Обошел мастеров-хозяев, поглядел, пощупал кирпичи — не понравились. Тут подходит к нему мужик из соседнего села Янкасы и говорит:

¹ Вид колбасы, национальное кушанье.

— Какой здесь кирпич? Один сырец. Ты к нам заезжай, у нас настоящий купишь.

— Э,—махнул рукой Патян,—знаю я вашу поделку, одним только и отличается...

— Чем же это? — нахмурился мужик.

— Если ненароком уронишь,—сказал Патян,—здешний кирпич пополам, а ваш — на три части.

ОБЖОРА

Сестра Патяна любила поесть. Садясь за стол, так и норовила отхватить кусок побольше.

Однажды мать испекла им йывы — пышные пампушки из пресного теста в виде птичьего гнездышка с ямкой посередине. Чтобы йыва скорей дошла, ее накрыли коноплей. Конопля придает блюду особый вкус.

Вот вышла сестра на крыльцо скоротать время до обеда, а Патян тем временем задумал подшутить над ней. Взял сырой картошки, обрезал ее наподобие гнездышек, да и положил вместе с йывой, прикрыв коноплей. Йывы получилось много — целая гора.

Сели обедать, сестра — хватъ самую крупную йыву. Откусила разок — захрустело на зубах, откусила еще раз — опять хруст, и во рту горько.

Смотрит, глаза выпучила — а в руке у нее картофелина. Заплакала сестра от обиды:

— Издеваться надо мной решили, да? Нарочно мне картошку подсунули.

— А ты не жадничай,—урезонил ее Патян.

— Не твое дело,—пуще прежнего заревела сестра.

— Ну, тогда не обижайся,—сказал Патян,—знаешь ведь поговорку: у жадного во рту и салма становится камнем. Вот и сейчас то же случилось. Была йыва — стала картошка. Очень просто.

С тех пор сестра перестала жадничать.

ОН НЕ ЕСТ МЕДА

Зашли Патян с соседом на лесную пасеку. Пасечник гостей приветил, вынес им миску меда.

— Угощайтесь, чем богаты...

У Патяна и у его соседа своих ульев не было, и они обрадовались лакомству.

Вначале, как водится, поговорили о том о сем, пора

и за мед приниматься. Патян стал есть, а сосед поскромничал. Такая у него привычка была, любил, чтобы его попросили.

Так было и на этот раз.

Попросил его пасечник раз-другой, еще бы словцо и уговорил, да тут вмешался Патян:

— Не надо его упрашивать. Он у нас такой, сладкого в рот не берет.

После этого какая еда? Теперь бы и поесть медку, да поздно.

Так и вышел из-за стола сосед не солоно хлебавши.

КАК ПАТЯН ДРОВА КОЛОЛ

В другой раз поехал Патян в лес по дрова, а на обратном пути заночевал в чужой избе — метель помешала. Тут еще один путник забрел на огонек.

Зашли они в избу, а там холодней, чем на дворе. Хозяйка жалуется:

— Истопила бы печку, да некому дров наколоть. Может, вы поможете, люди добрые.

Патян с мужиком вышли во двор. Мужик, хоть и здоров с виду, а лентяем оказался. Пошарил под крылечком, топора не нашел. Пришлось Патяну топор искать, он тут с краешку и лежал.

«Ладно,— думает Патян,— вот я тебя научу уму-разуму».

Кое-как расколол чурбак, запыхался и говорит:

— Есть у тебя хозяйство, или ты так, бродяга?

— Как же! — ответил мужик.— Дом у меня. Осенью поставил.

— Ты, значит, плотник?

— Конечно, плотник! Первостатейный плотник.

— Ну-у,— протянул Патян,— тогда для тебя топор, что игрушка. Ну-ка, покажи свое умение.

Принялся мужик показывать да все чурбаки незаметно разрубил. Пот со лба утер и говорит:

— Видишь, а ты не верил.

— Теперь верю,— отозвался Патян.

КАК ПАТЯН КОЛДУНА ОТВАДИЛ

Как-то забрел в деревню путник и стал пугать сельчан.

— Я колдун,— говорил он, отведав хлеба-соли.—

Все волшебства знаю. Ступайте по деревне, накажите, пускай несут, кто что сможет. Иначе рассерчаю, обернусь волком, всех овец ваших загублю.

В это время шел по улице мужичок с перебитым носом.

Показал на него Патян колдуну и говорит:

— Пошел бы я твой наказ передать, да ведь люди у нас какие. Они колдунам носы разбивают. Видишь вон того мужичка, он ведь тоже был колдуном, а вот — без носа остался.

Услышав это, испугался «колдун» и убежал из села.

ПАТЯН ПОСТИТСЯ

Поучал поп Патяна:

— Если в Пасху пропостишься неделю — за год бог тебе грехи простит.

Не думал Патян, что так легко можно отделаться от грехов. Очень ему понравилась поповская наука, стал он поститься. Все куличи едят, а он, кроме черствой корочки, с утра до вечера ничего в рот не брал, водицей ту корочку запьет, и ладно.

Три дня постился, на четвертый не вытерпел, залез в подпол и съел горшок сметаны.

Узнал об этом батюшка, разгневался:

— Прорва бездонная, нечестивец, что ты наделал?

— Ничего плохого, — ответил Патян. — Поел сметаны. За полгода мне пост зашелся, а за остальную половину как-нибудь по весне отпущусь. Весной все равно есть нечего.

ДАЙ ЕЩЕ!

Когда еще Патян был маленьким, взяли его в церковь к причастию.

Поп помолился, отпустил взрослым грехи, а потом стал причащать вином. По глоточку каждый отхлебывал из серебряной чашки.

Дошла очередь до Патяна.

— Пей, только немного, — сказал поп, — ты маленький, тебе и капли хватит.

Отпил Патян, понравилось ему, схватил руками чашку да как закричит:

— Дай еще! Еще хочу!

Так все и выпил.

Поп хотя и был сердит, однако усмехнулся, сказал: — Ишь какой шустрый. Этот в жизни много нахватает.

Ошибся поп. Ничего-то Патян не нахватал. До седых волос бедняком прожил. Но не унывал, всегда был бодр и веселье свое дарил людям.

КАК ПАТЯН ПОПА ЯЗЫКУ УЧИЛ

Один поп пожил в городе и после этого сильно возгордился. Сельчан узнавать перестал, со знакомыми в первые дни даже не здоровался. А когда его укоряли, только руками разводил:

— Забыл язык чувашский.

Однажды зазвал его Патян к себе, заговорил о том о сем, какой урожай предвидится и какие нынче цены на хлеб. Говорил, говорил, а поп только плечами пожимает: дескать, не понимаю, о чем толкуешь. Забыл язык!

«Ну, погоди у меня, сейчас вспомнишь», — подумал Патян. И повел попа по двору, показывая хозяйство. Шли мимо сарая, Патян возьми и толкни попа на грабли, что были к плетню приставлены.

Наступил поп на зубья, а черенок трах его по лбу.

— Ай, чертовы грабли! — завопил поп. — Какой эс-ремет¹ поставил их на дороге!

Вспомнил, значит, язык!

ПАТЯН И ВОЛШЕБНИК

Одно время принялся Патян сапожничать: хлеба к весне не хватило, а жить-то надо, вот он взялся за ремесло.

Однажды пришел к нему незнакомый человек, назвал себя волшебником.

— Подбей-ка мне каблук бесплатно. Да побыстрее! — сказал волшебник. — А не то вызову сейчас силы небесные, повелю казнить тебя злою смертью.

— О! — воскликнул Патян, — если тебе подчиняются такие силы, так ты им и прикажи, пусть тебе каблук подбьют.

И прогнал «волшебника».

¹ Злой дух.

КАК ПАТЯН РАССЕРДИЛСЯ НА БОГА

Стал Патян плести новые лапти и потерял кочедык. Долго искал, под лавку заглядывал — нет кочедыка. Что делать? Не ходить же в одном лапте.

— Эй, боже,— попросил Патян,— помоги мне найти кочедык.

Но и после этого не смог обнаружить пропажу. Тогда Патян взмолился:

— Боже, помоги, а я тебе за это мешок пшеницы дам.

Сказал так и увидел свой кочедык. Он лежал рядышком на лавке.

Рассердился Патян не на шутку:

— Вот ты какой, господь! Нет бы просто так помочь бедному человеку! Непременно тебя задаривать надо! Да ты сродни попу нашему, тот тоже норовит урвать последнее. Не будет тебе пшеницы, и не надейся.

Так и оставил бога без подарка.

ПУХОВАЯ ЗЕМЛЯ

Однажды шел Патян по улице, споткнулся и упал. Увидали его поп с дьяконом, стали дразнить:

— Ты что, Патян, ищешь, уж не пуп ли земли?

— Так здесь, оказывается, земля пуховая,— будто не расслышав, ответил Патян.— А я прежде не верил. А ведь так оно и есть! Пуховая! Побегу-ка, скажу же-не, пускай с мешками придет, вот будет радость — подушки набьем.

Поп и дьякон, как только услышали слова Патяна, тотчас же побежали домой. Запрягли коней и назад. Две телеги землей нагрузили. Привезли домой, сбросили, прилегли: какой там пух, земля как земля, пополам с камнями.

ЧТО ПОЛЕЗНЕЙ?

Как-то поп, подвыпивши, стал учить прихожан:

— Луна полезней солнца, потому что солнце светит только днем, а луна еще и ночью.

Услышал это Патян и говорит попу:

— Тогда твой нос полезнее глаз.

— Это почему? — удивился поп.

— Потому что глаза видят только при свете, а нос и в темноте запах чует.

ПОП-СКРЯГА

В той деревне, где жил Патян, поп был всем скрягам скряга.

Однажды повстречал его Патян и говорит:

— Слушай, батюшка, какой сон мне приснился. Будто жена твоя меня пирожками угощала.

Всплеснул руками поп и — домой. Дома на жену накричал и выгнал на улицу.

— Что ж ты делаешь, батюшка? — укоряли его соседи. — Грех жену выгонять.

— А держать такую еще грешней, — ответил поп. — Если она каждого будет пирожками кормить, этак я разорюсь вконец. Нет уж, лучше жены лишиться, чем богатства.

ОБМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ

Случилось это уже после революции. Проходил по улице поп. Увидел его Патян, выбежал из дома, догнал и повалил наземь. Сам уселся верхом, каблуками прищипоривает.

Завопил поп благим матом:

— Что ты делаешь, безобразник, креста на тебе нет!

— А на тебе крест есть, — отвечал Патян, — то-то ты на нашей шее век сидел. А теперь я на твоей часок посижу. Ты уж потерпи...

— Про Патяна, — сказал Ендимер, — можно всю ночь рассказывать. Сколько о нем в старину побасенок было!.. Теперь уж они забываться стали. Люди все книги читают. А про Патяна книг ведь не написано.

ЗАВЕТНАЯ САБЛЯ

*Руку, держащую саблю,
Вражеский меч не сечет.*

Чувашская пословица

— А знаешь ли, ачам, кто такой Кармелюк? — Знаю, — ответил я деду. Слышал я, был на Украине такой повстанец, гроза шляхтичей и всякого панства, которое осело на благодатных южнорусских землях при Екатерине да с тех пор и закабалило крестьян. А Кармелюк был лихой атаман, крестьянский вождь, и поныне в селах Приднепровья о нем песню поют.

Но откуда известен он деду.

— Хочешь, я тебе расскажу, — промолвил Ендимер, — как он из сибирской ссылки домой пробирался? Путь-то его лежал через наши земли.

Время стояло осеннее, гудел под ветром вековой бор, осыпаясь листвой, с утра до ночи дожди секли... Вот в такую-то пору из глухой лесной чащи вышел на опушку человек. Одет он был в рваный пиджак, на ногах дырявая обувь. Прислонился к дубу, устал, видать. А куда идти дальше, не знает, место нелюдимое... Глядь, у самого дуба в кустах — тропка примята, ветви обломаны. Раздвинул осторожно кусты, а там лаз валежником присыпан. Разобрал валежник и пролез в тайник-пещеру.

«Бог послал пристанище, тут и заночую», — подумал человек.

В пещере было тепло. Снаружи чуть слышно доносились лесные шумы.

Поставил человек к стене свой посох, снял с плеч котомку, сам опустился на камень.

«Эх,— подумал он,— Кармелюк, Кармелюк, дойдешь ли ты жив-здоров до родной Украины?»

Уж который месяц шел он с каторги в родные места. Ночевал на заимках, тайком переправлялся через реки. Сибирь, тайга — нет ей конца-краю. Однако ему повезло: не тронули звери, пуля стрелка миновала.

На Урале повстречал Кармелюк таких же, как сам, беглых каторжников, за народное дело пострадавших. Те ему помогли — дали старый пистолет, хлеба, указали дорогу. Звал их Кармелюк с собой — не пошли. У каждого своя родина, своя беда: что в России, что в Малороссии — те же паны да подпанки. Со времен батеньки Пугачева страху набрались да так поприжали народ —дохнуть невозможно.

Кармелюк развязал котомку, достал черствый ломоть. Ел жадно, торопливо, словно кто собирался у него отнять хлебушек. Передохнул, успокоился, глаза с темнотой свыклись. Возле посоха у самой стенки разглядел он чуть заметный бугорок, тронул ногой, да так и вскочил: бугорок баулом оказался.

Развязал Кармелюк бечевку: в мешке — еда: хлеб, завернутый в холстину, сало в тряпице. Вот те на! Чей же это запас? Доброго человека или злодея?

Осторожно выбрался на волю и только сейчас разглядел возле дуба остатки костра. Потянуло горелым — зола свежая, чуть прибита дождичком. Кто здесь был? Один, двое? И давно ли ушли? Насовсем ли? Нет, видать, на время, иначе мешок не оставили бы...

Лес по-прежнему шумел, но теперь звуки казались зловещими.

— Каш-каш-ш!

— Уу,— вторил ветер, налетевший из далеких степей.

Прислушался Кармелюк. В привычный шум вплелся новый звук: «Ой, ой...»

«Что это? — вздрогнул Кармелюк.— Похоже, человек стонет».

Быстро перебрался он через овраг и — в чащу. Ветки хлестали по щекам, обдирали ладони. Возле куста лежал человек. Он, видно, пытался ползти, подтянув ногу, да так и сник. По траве за ним — красный след.

— Человека этого звали Хурамал,— продолжал дед после некоторого молчания.— Ах, Хурамал, Хурамал! Разве мог он подумать, что в лесной глуши отыщется друг-спаситель. Поистине, неисповедимы пути Пюлехсе.

Хурамал этот был из села Шенерчен. Бедняк, голь перекатная. Но сердцем смел, душой отважен. Куштаны его терпеть не могли. Помнили, как еще дед Хурамала заодно с пугачевцами разорял их угодья.

Жил Хурамал без матери, а вскоре и отец умер. Похоронили старика по старым обычаям — а это денег стоило, — после похорон и вовсе залез в долги Хурамал. Задолжал деревенскому богатею Иштиреку. Обещал Иштирек ждать год, а слова не сдержал.

Отобрал у парня последний кусок земли, пустил по миру. Пошел Хурамал в батраки.

Известно, житье батрачье — собачье. У хозяина на лице ласка, в руке палка. Однажды ни с того ни с сего ударил Хурамала: знай, мол, какова она свобода, пугачевский последыш.

И не раз уж так бывало, то не накормит вовремя, то взглянет косо, с ухмылочкой. Терпел парень, а тут сорвался — обозвал Иштирека собакой, а сам подался куда глаза глядят. Забрел Хурамал в лес. Тут и вспомнились ему слова отца, которые тот сказал перед самой смертью:

«В дремучем лесу, на берегу озера, под старым дубом спрятана, сынок, сабля. Подарил ее деду твоему сам Емельян-батюшка. Гуляла эта сабля по головам чувашских йомзей и русских попов. Вздохнули мы тогда свободно, да не надолго... Вот дед и спрятал саблю до лучших времен. Когда станет тебе невмоготу, достань ее — пригодится».

Хурамал отыскал в лесу саблю. Задумал он вместе со своим другом татаринном Шаймуллой поднять бедняков — татар да чувашей — на восстание. А пока что сами, как могли, расправлялись с мироедами. Однажды напали друзья на сборщиков податей, а из соседнего села тут как тут — стража нагрянула... Спасая друга, сложил голову Шаймулла, а Хурамал укрылся в лесу.

Тут-то и подоспел на помощь Кармелюк.

...Хурамал поправлялся быстро, крепкого был здоровья. Недели не прошло — затянулось плечо, стал на ноги. По-русски он понимал плохо, слова путал, однако сумел-таки рассказать о себе нежданному спасителю. И стали они кровными братьями.

— Иштиреку нужно отомстить, — твердил Хурамал.

— Да, нужно, не будь я Устимом Кармелюком, если позволю этому волку ходить по земле.

Напали они ночью на усадьбу богача, разнесли в щепки амбары, самого Иштирека повесили.

— Многих он разорил, оставил сиротами,— сказал Хурамал,— больше не доставит людям несчастья.

В ту ночь пришли к ним семеро парней из соседней деревни. Не стало им житья от куштана, вот и подались к атаману, в лес.

— Доброе зерно посеяно,— сказал Кармелюк,— быть урожаю. Ну, теперь пора и мне собираться. Ждут меня на Украине свои иштиреки, надо спешить.

Стали готовить Кармелюка в путь. Запасли еды впрок, а как за вечерело, двинулись к Волге.

Долго шли по чистому полю, оврагами, перелесками. К рассвету открылась водяная гладь. Здесь уже поджидал их знакомый лодочник. Переправились через реку, Устим стал прощаться. Но Хурамал не хотел отпускать друга без угощенья и повел его в ближайшее село.

Здесь-то и подстерегла их беда...

Покуда друзья пили-ели, сельский староста послал в волость нарочного, и тот привел стражников. Окружили стражники дом, хотели взять врасплох...

Вот где пригодилась Устиму повстанческая выучка. Выбил он окно, крикнул товарищам:

— Прыгайте и задами — к лесу. А я их задержу! — Выхватил пистолет и давай отстреливаться.

Стражники, видно, не ждали отпора, растерялись. А когда пришли в себя, Хурамал с товарищами были уже у леса.

— Догнать, взять живьем! — хрипел раненый пристав.

Стражники, задрав длинные шинели, кинулись за бунтарями. Стреляли на ходу. Один из них бросился через овраг наперехват. Кармелюк, догонявший Хурамала, вовремя оглянулся, вскинул пистолет. Упал стражник, споткнулся и Хурамал, осел как подкошенный.

Поднял его с земли Кармелюк, взвалил на плечо, а лес уже совсем близко, еще самую малость — и укроет от пуль, спасет.

Лес-то спас, а вот рана оказалась смертельной. Недолго протянул бедняга. Три дня и три ночи не смыкал Кармелюк глаз, ходил за другом, промывал ему рану родниковой водой. Все приговаривал:

— Держись, браток, держись. Мы с тобой еще проживем назло врагам.

— Нет уж,— улыбнулся Хурамал, а у самого в глазах туман.— Поживешь один, за двоих.

Перед самой кончиной позвал одного из своих парней, сказал чуть слышно:

— Подай-ка мне саблю.

Подали ему саблю. Взял он ее да тут же выпустил — рука не держит. Попросил поднести к губам. Приложился устами к холодному булату и прошептал, глядя на Устима:

— Завещаю саблю тебе. Бери... Справедливый меч, от самого Пугачева... подарок.

Принял Кармелюк саблю.

Взошла луна. Но не суждено было увидеть ее Хурамалу. Схоронили его на холме, посреди темного леса. И поклялся на могиле названный брат:

— Солнце еще не взойдет — вспомнит тебя предатель. Не будь я Кармелюком.

Смекнули чувашаи, что задумал Кармелюк, не пустили его в деревню.

— Ты атаману клятву дал, а мы ее выполним. Тебе в путь пора. Тебя ждут на родине, ступай, не забывай нас.

— Ну, что ж,— сказал Кармелюк,— будь по-вашему, я там, вы здесь.

Уже светало; когда пересек он долину, оглянулся. У подножья холма, где было село, подымалось зарево.

Говорят, появился Устим на Украине ранней весной. На родном Подолье цвела черемуха, бежали ручьи, курилась земля вешним парком. Как и в прежние времена, пировала в усадьбах шляхта, а на конюшнях свистели розги, плач стоял по деревням.

Собрал Кармелюк самых смелых и отчаянных. И вновь запылали по Украине панские усадьбы. Всякий раз, когда над белокаменными хоромами взвивался «красный петух», вспоминал Кармелюк слова Хурамала:

— Больше он никому не доставит страданья.

Сжимал атаман заветную саблю, думал: жив Пугачев. Пока живы мироеды, и он жив. И даже когда переведутся на белом свете зло и неправда, будут помнить люди великого бунтаря.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ СЕРП

*Коль серпом намашешься в поле,
Будут, брат, на руках мозоли.
А уж если мозоли натер,
И на выдумку станешь хитер*

Из народной песни

Возвращаясь с ночного, мы остановились на краю ржаного поля. В синем рассветном мареве шумели хлеба, перекатываясь золотыми волнами. Утопая по самый бункер, плыл вдалеке комбайн.

Старик, приложив к глазам козырьком ладонь, долго глядел вслед машине. Казалось, он не мог равнодушно смотреть на комбайн, на который люди, еще на его памяти, смотрели как на чудо.

— Сто серпов и один мотор,— сказал Ендимер с обычной своей чудаковатой непосредственностью. И вдруг спросил:

— А ты знаешь, откуда взялся серп?

Разумеется, я не знал.

...Было время, когда люди рвали колосья руками, и от этого ладони у них были всегда в волдырях. Не знали люди, что на свете существует серп, который может облегчить их труд.

В тот год, о котором идет речь, уборка шла, как обычно. Люди на работу поднимались с зарей, а к полудню ложились отдыхать в тени, чтобы набраться сил. И то сказать — одними руками много не сделаешь.

Однажды один человек не ушел вместе со всеми на отдых. Он задумал во что бы то ни стало кончить уборку за день, потому что видел плохой сон, будто надвигаются большие дожди, которые погубят урожай. Поэтому он спешил.

Человека звали Сюрла. Пот градом лился с его лица. А он все работал, не разгибая спины. Тора, хозяин неба, увидел неугомимого хлебопашца, подивился его

стараниям. Дай, думает, помогу человеку. Сбросил с неба серп к ногам Сюрлы и научил, как им пользоваться.

Весь участок Сюрла убрал к вечеру, ни колоска не оставил, да еще копны успел поставить.

Пришли люди — у Сюрлы все убрано. А сам он лежит под деревом, похрапывает.

— Как это он успел? — удивились люди.

Тут кто-то увидел незнакомый предмет, который валялся на стерне. Вначале люди подумали, что это змея. Ткнули змею палкой, она не шевельнулась. Осмелели, снова ударили. Серп подскочил, да и угодил кому-то по макушке. Отбежали, но любопытные вскоре опять вернулись. Нашелся храбрец, поднял серп и провел по нему рукой — порезал палец.

С той поры говорят: не порезав пальца, не научишься владеть серпом.

Многие по-иному эту сказку рассказывают, дескать, никакого Тора не было, сам человек придумал себе облегчение в работе. Может, они и правы... Но серп чувашки называют Сюрла — по имени человека, который впервые им воспользовался.

А теперь, значит, «сто серпов и один мотор». Мудрый человек.

КУВШИН

*Расстелила посконь ой на бережке,
Только дунул ветер —
 все добро в реке.
Может, стихнет ветер —
 расстелю опять,
Посконь на рубашки —
 людям благодать.*

Из народной песни

A large, stylized, black and white decorative initial letter 'M'. The letter is set against a background of a repeating geometric pattern, possibly a diamond or chevron design, which is visible on the left and bottom edges of the page.

ы зашли в крайний двор — попить воды из колодца... В полном до краев ведре плескалось синее небо.

— Если ты не знал про серп, — сказал Ендимер, напившись досыта, — то, верно, не знаешь и про ведра. — И хитровато подмигнул, утирая ладонью усы. — В давние времена вместо ведер были кувшины.

Однажды девушка, взяв по кувшину в руки, пошла к роднику, что находился за деревней. По пути увидела она табун лошадей. Лошади резвились, гонялись друг за другом. Остановилась девушка, любясь животными.

И так увлеклась, что даже не заметила, как упали кувшины и разбились. Пришла к роднику, а зачерпнуть воды нечем. Так и вернулась домой ни с чем.

Отец узнал, как все произошло, сделал дочке деревянное ведро.

С тех пор и пошли в деревнях деревянные ведра. Они, конечно, тяжелые, зато век живут.

МОСТ АЗАМАТА

*Кто под радугой-дигой
Пройдет в одночасье,
У того на роду
Написано счастье.*

Чувашская пословица

Мы с дедом уже подходили к дому, когда вдруг небо заволокло темными тучами — и хлынул ливень.

Укрывшись под навесом чужого крыльца, мы долго стояли в затишке, вдыхая пахучую влагу.

Так же быстро разведрилось, засияли умытые дождем тополя, а вдали над ложбиной, где протекала река, появилась радуга. Я даже рот раскрыл, так она была великолепна — будто кто провел по небу чудесной кистью.

Дед проследил за моим взглядом и усмехнулся.

— Азамат кебера,— сказал он, когда мы снова вышли на дорогу.— Слыхал, почему так называют радугу? Нет?

...Давным-давно жил у большой реки человек по имени Азамат. Был он красильщиком, с утра до позднего вечера собирал на лугах да в лесных чащобах разные травы, коренья и готовил из них краски, да такие яркие, что и самому на диво.

Но вот беда — никто их не покупал у Азамата. Ну, какой, мол, от красок толк, кому они принесут радость?

...Однажды, как обычно, трудился Азамат в своей красильне. Готовые краски сливал в глиняные горшки и ставил на землю, чтобы краски охладились и приняли естественный цвет.

Кончив работу, он сел на камушек и задумался. Может, зря он возится с красками, раз они никому не нужны. Вдруг видит — на том берегу — человек выбежал из

лесу, заметался. А за ним волчья стая, вот-вот настигнет беднягу.

Закричал Азамат, будто и впрямь крик его мог испугать зверей.

— Э-хе-хе!

— Эй! — откликнулось эхо. Только и всего. А волки уже совсем близко.

Схватил Азамат первое что попало под руку — это были горшки с красками — и давай их кидать на тот берег.

В это время пошел дождь.

Краски выплеснулись из горшков, смешались с дождем, и над рекой повис радужный мост.

— На мост! — кричал Азамат беглецу. — Взбирайся на мост.

Человек взобрался на разноцветную радугу и по ней спустился к Азамату. Волки остались ни с чем, только зубами лязгали.

— Ты волшебник, — сказал спасенный человек Азамату. — Как тебя зовут, добрый человек?

— Азамат, — ответил красильщик.

— Мост Азамата! Мост Азамата! — повторял человек. А красильщик думал:

«Мои краски никто не покупает. Пусть же они хоть таким образом служат людям».

Взял Азамат свои горшки и разбросал их в разные стороны.

С тех пор как только идет дождь, вода мешается с красками, и в небе загорается чудесная радуга.

Люди называют ее Азамат кебера, что значит мост Азамата.

— А что, в городе у вас бывает радуга? — прищурился дед.

— Бывает.

— Ага, ну вот ты по ней и прибегай к нам в деревню почаще.

ХОЛМ ШЕВЛЕБИ

*Друг с полуслова нас поймет,
И с пол-удара конь уносит...
Пусть дважды не окликнет тот,
Кто нас о помощи попросит...*

Из народной песни

Завтра я уезжаю...

На дворе уже осень. Идет мелкий дождик, и кажется, что деревья плачут, роняя мокрые листья. Лес словно осиротел, потеряв зеленое убранство.

Изредка выглянет солнце и снова скроется в облачной хмури.

Пусто на полях, птицы улетели. Земля будто притихла, съежилась, ожидая грядущих холодов.

И только в селе сталолюдно, шумят по вечерам посиделки-улахи. Шутки, песни, смех. Девчата под гармошку пляшут, частушки поют.

Послушаешь — душа радуется. В то же время немного грустно. Пора расставаться с дедом. Давно уже перестали мы выгонять табун в ночное, но видимся с ним каждый вечер.

Вот и сегодня я заглянул к Ендимеру в просторную, светлую комнату. В ней пахнет свежевывмытыми полами и типографской краской: газет на столе целая груда.

Молодые конюхи ушли гулять. Дед, упершись локтями в стол, пыхтит своей трубочкой.

— Пожил бы еще, ай наскучило?

— Нет, мучи, ехать надо. Отпуск кончается.

— Отпуск, — шевелит губами дед. — Это, конечно. Причина...

В этот вечер мы долго засиделись, толкуя о том о сем: какой выдался год урожайный и сколько домов в деревне прибавилось.

— Мучи, — попросил я, — много я слышал от тебя интересного, может, расскажешь еще чего-нибудь напоследок...

док. Ну, хотя бы про тот холм возле Сугутского леса. Шевлеби, кажется, он зовется.

— А-а,— закивал дед.— Шевлеби там похоронена. О, это давно было, во времена Патька-патши, так у нас Пугачева звали. А Шевлеби у него атаманшей была.

— Расскажи, мучи, пожалуйста...

...— Пришла она как-то к Патьке-патше, к Пугачеву то бишь,— начал дед,— он как раз со своим войском Волгу перешел и остановился возле города Сербю, по-иному — Цивильск. Пришла и сказала: — Возьми, отец, в отряд. Я все умею: и на коне неоседланном скакать, и из лука стрелять. И держать ангар и саблю. Возьми, прошу тебя, а уж я отомщу врагам за все мои беды и несчастья.

— Кто же твои враги? — спросил Пугачев.

И рассказала Шевлеби, как убили сельские куштаны ее отца и как ушла она жить к дедушке. Но и тут ее горе настигло. Рассердился сельский поп на деда, что тот отказался девчонку крестить, подговорил ярыжек, те драку затеяли да сгоряча деда насмерть прибили.

С малых лет пошла Шевлеби по чужим людям: овец пасла, детишек нянчила, табуны гоняла. А выросла, расцвела цветком луговым, тут ее схватили куштаны, задумали силком просватать. Но не далась им, ночью жениха связала, а сама — в степь. Тут и прослышала про Патьку-патшу.

Пожалел ее Пугачев, а взять к себе отказался:

— Куда нам девушки, жизнь у нас кочевая. Лучше дам тебе денег, сколько пожелаешь. Найдешь себе жениха по сердцу и живи на здоровье, детишек воспитывай. А воевать — не женское дело.

Опустила голову Шевлеби, однако перечить не стала. «Дай,— думает,— погляжу, что тут и как...»

А был в стане Пугачева молодой воин, сынок дворянский.

Переметнулся он к Патьке-патше еще под Казанью, стал верно служить. Звали его Калюн, настоящее имя или прозвище, никто не знал...

Влюбился Калюн в чувашку и научил ее уму-разуму. Я, мол, выдам тебе мужскую одежду да еще охранную грамоту. Соберешь в своих землях отряд да с ним и к Пугачеву явишься. Тогда уж он тебя примет.

Сказано — сделано.

Попрощалась она с Патькой-патшой, с Калюном — и на коня. Поскакала по родным местам созывать баторов под знамена пугачевские. А народ уже бунтовал. Давно ему поперек горла были злые попы, что крестили всех правдой и неправдой, да жадные куштань, которые отбирали у бедняков последнюю землю за долги.

— Пойдем к Патьке-патше! — говорили люди. — Покажем мироедам, на чьей земле они животы растят.

Вернулась Шевлеби с отрядом. Не признал в ней Пугачев девушку, думал — молодец-джигит к нему явился. Назначил Шевлеби атаманом.

Дошла Шевлеби с отрядом до Курмыш-города, а потом и до самого Алатыря. Не отставал от нее и Калюн. Вместе и громили барские усадьбы.

Полюбили девушка и юноша друг друга и решили свадьбу сыграть. Узнал Пугачев, как его обвели вокруг пальца, но не рассердился, а лишь посмеялся. «Что поделаешь, дело молодое. Пускай любятся да с врагами рубятся».

Однажды под Алатырем ушла Шевлеби с отрядом по селам поднимать народ на борьбу.

Край наш в то время был что улей растревоженный. Больно злы были мужички на куштанов. Подати, поборы, обман — не продохнешь. А тут свободу почуяли, ну и кинулись на мироедов... Есть на Карле водопад Пуп Каснавыран, может, слышал? Вот в него-то и побросали самых злых попов со всей округи. Шевлеби всю окрестность прошла, стала в ней главной силой. Тронулись к ней люди со всех сторон. И как стало их больше тысячи, поспешила Шевлеби вслед Пугачеву.

А по пятам за Патькой-патшой уже шло царское войско. Редели отряды Пугачева. А тут еще кое-кто из бывших друзей врагу продался, заговор учинил, — только и ждали случая выдать атамана.

Калюн-то обо всем этом знал, да Шевлеби не сказывал.

На коротких привалах, положив голову на седло, предавалась Шевлеби девичьим своим мечтам.

— Вот одолеем врагов, — говорила она Калюну, — заживем с тобой счастливо.

— Хорошо бы, — вздохнул Калюн, — да только не верится.

— Почему, — удивилась Шевлеби, и в глазах ее мелькнул испуг, — нас вон сколько, большая сила.

— Сила силу ломит...

— Ну и шутник ты, милый,— улыбнулась девушка, но улыбка была невеселой.

До Пугачевского стана оставался один переход. В полдень вернулся ходивший в дозор Калюн, а с ним еще казак молодой. Вид у обоих встревоженный.

— Шевлеби,— позвал Калюн,— седлай коня, отъедем к лесу, поговорить надо.

Поскакали втроем за лесной мысок, остановились.

— Шевлеби,— сказал Калюн, а сам не сводит с девушки глаз,— дело наше проиграно, сопротивляться нет смысла, Пугачев в ловушке. Генерал обещал жизнь всем, кто сдаст оружие.

Посмотрела на него Шевлеби, а у самой в лице ни кровинки. Не сразу даже поняла, о чем он говорит, а как поняла, только и смогла вымолвить:

— Предатель.— А сама в слезы.

— Тише,— схватил ее за руку Калюн, но девушка вырвалась.— Тише, Шевлеби. Сама посуди, один в поле не воин. Заговор созрел. Ждут нас неподалеку верные люди, не спеем сейчас, завтра поздно будет. Ведь нам жить надо, тебе и мне! Ради тебя прошу, ради детей наших будущих...

Не дал ей опомниться, схватил коня ее за поводья, своего с места прищпорил.

— Брось,— закричала Шевлеби,— брось! — Едва не задохнулась от злости.— Я тебя любила. А ты, ты...

Рванулась в сторону и поскакала назад, в лагерь, а на уме одно: опередить заговорщиков, домчаться с отрядом до Пугачева, спасти его. Калюн с казаком тоже не дремали, кинулись ей вдогонку.

— Шевлеби! — кричал Калюн,— заклинаю... во имя нашей любви.

И вот уже близко они, еще немного и схватят девушку.

— Стой,— крикнула девушка, на ходу осадив коня,— шаг ступишь — убью!

Но Калюн все приближался.

— Стой, говорю в последний раз.

Шевлеби сорвала с плеча тугой лук. Блеснула стрела. Калюн только руками взмахнул. Замер в воздухе хриплый стон.

— Что ты наделала, Шевле...

Атаманша уже скакала к лагерю. Еще один поворот,

а там — открытое поле. Но позади все громче стучали копыта. Знал казак — упустит Шевлеби, и тогда ему конец. Вскинул ружье:

— Крсс-с-с!

— А-ах!

Медленно сползла с коня Шевлеби, а казак повернул обратно, стлалась над лесом пыль, отмечая путь предателя.

К вечеру чувашаи отыскивали атаманшу. Лежала она в траве, глаза ее были открыты, в них синело небо иплыли легкие тени.

Схоронили Шевлеби в родных местах, на холме.

В старые времена холм считался священным. Сюда приходили девушки перед свадьбой, молча ждали благословения Шевлеби. Бездетные жены просили ее подарить им ребенка.

А те, кого обманул жених или муж, просто молились, верили, что Шевлеби отведет беду.

* * *

— Мучи,— сказал я взволнованно,— а ведь ты настоящий сказочник. Другого такого теперь уж, видно, не сыщешь.

Старик мягко улыбнулся.

— Земля меня родила, земля выкормила, скоро и назад позовет.

— Ну уж скоро...— попытался я утешить деда.— Всех в свое время.

— Так-то так,— кашлянул Ендимер,— но одни к ней, матушке, близки, а другие от нее далеки.

...На другой день встал я рано, решил на прощание сходить поклониться легендарной чувашке. Поднялся по отлогому склону холма, где журчала речушка, над которой, говорят, даже зимой клубится пар. На вершине было пустынно, ветер гулял по жухлой, высокой траве. И подумал я, что приеду домой и расскажу о Шевлеби своей невесте. Слышишь, Шевлеби! Мы придем к тебе перед свадьбой и молча попросим счастья, о котором ты так мечтала.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЗЕМЛЯ МОИХ ПРЕДКОВ	7
СОЛНЕЧНАЯ ВЫШИВКА	9
ПЕСНЯ БЕЛОЙ БЕРЕЗЫ	18
ЭЛЕК И САРИЯ	26
КРЫЛАТЫЙ ЯНДУШ	28
ЦВЕТЫ ЭЛЬБИ	34
СОЛОВЕЙ	38
ТЕНЬ ПРОКЛЯТОГО ТАРХАНА	41
КУБЫС	49
ЛЕГЕНДА ОБ ЭЛЬБАНУ-БИКЕ И АКТАШЕ	52
СИЛА АХМАДЕЯ	60
КАРМАЛОВ РОДНИК	62
ГОРА ВАЙДАРМИНА	64
ХУРГАЙК-СЮЛЕ	73
ГОЛОС ЧАВДАРА	77
ЛЕГЕНДА О ПАХЧАСЕ ЯМАНСАРЕ	81
ОКАМЕНЕВШИЕ ТИНЮКИ	86
АТЛ	92
САВДЕБИН ДОЛ	97
ВУТКАЙК	101
СКАЗАНИЕ О САРРИ-БАТОРЕ	105
НА ЗАКАТЕ	109
ТРОПА АХУНА	114
ПЕВЕЦ	120
НАРУТНИК	123
МЫСКАРА	130
ЗАВЕТНАЯ САБЛЯ	145
ОТКУДА ВЗЯЛСЯ СЕРП	150
КУВШИН	152
МОСТ АЗАМАТА	153
ХОЛМ ШЕВЛЕБИ	155

Михаил Николаевич Юхма

ЦВЕТЫ ЭЛЬБИ

Редактор **Т. И. Петелина**. Художник **С. А. Соколов**. Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**. Технический редактор **В. А. Преображенская**. Корректор **Л. В. Конкина**

ИБ № 1196

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписано к печати 28/IV-77 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,94. Изд. инд. ЛН-24. Тираж 75.000 экз. Цена 53 коп. Бум. № 1 типогр.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Зак. № 47.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

53 коп.

